

МОЛОДОЙ УЧЁНЫЙ

ISSN 2072-0297

МЕЖДУНАРОДНЫЙ НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

41 2026
ЧАСТЬ VII

16+

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 41 (644) / 2026

Издается с декабря 2008 г.

Выходит еженедельно

Главный редактор: Ахметов Ильдар Геннадьевич, кандидат технических наук

Редакционная коллегия:

Жураев Хусниддин Олтинбоевич, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Иванова Юлия Валентиновна, доктор философских наук
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук
Лактионов Константин Станиславович, доктор биологических наук
Сараева Надежда Михайловна, доктор психологических наук
Абдрасилов Турганбай Курманбаевич, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Авдеюк Оксана Алексеевна, кандидат технических наук
Айдаров Оразхан Турсункожаевич, кандидат географических наук (Казахстан)
Алиева Тарана Ибрагим кызы, кандидат химических наук (Азербайджан)
Ахметова Валерия Валерьевна, кандидат медицинских наук
Бердиев Эргаш Абдуллаевич, кандидат медицинских наук (Узбекистан)
Брезгин Вячеслав Сергеевич, кандидат экономических наук
Данилов Олег Евгеньевич, кандидат педагогических наук
Дёмин Александр Викторович, кандидат биологических наук
Дядюн Кристина Владимировна, кандидат юридических наук
Желнова Кристина Владимировна, кандидат экономических наук
Жуйкова Тамара Павловна, кандидат педагогических наук
Игнатова Мария Александровна, кандидат искусствоведения
Искаков Руслан Маратбекович, кандидат технических наук (Казахстан)
Калдыбай Кайнар Калдыбайулы, доктор философии (PhD) по философским наукам (Казахстан)
Кенесов Асхат Алмасович, кандидат политических наук
Коварда Владимир Васильевич, кандидат физико-математических наук
Комогорцев Максим Геннадьевич, кандидат технических наук
Котляров Алексей Васильевич, кандидат геолого-минералогических наук
Кузьмина Виолетта Михайловна, кандидат исторических наук, кандидат психологических наук
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Кучерявенко Светлана Алексеевна, кандидат экономических наук
Лескова Екатерина Викторовна, кандидат физико-математических наук
Макеева Ирина Александровна, кандидат педагогических наук
Матвиенко Евгений Владимирович, кандидат биологических наук
Матроскина Татьяна Викторовна, кандидат экономических наук
Матусевич Марина Степановна, кандидат педагогических наук
Мусаева Ума Алиевна, кандидат технических наук
Насимов Мурат Орленбаевич, кандидат политических наук (Казахстан)
Паридинова Ботагоз Жаппаровна, магистр философии (Казахстан)
Прончев Геннадий Борисович, кандидат физико-математических наук
Рахмонов Азизхон Боситхонович, доктор педагогических наук (Узбекистан)
Семахин Андрей Михайлович, кандидат технических наук
Сенцов Аркадий Эдуардович, кандидат политических наук
Сенюшкин Николай Сергеевич, кандидат технических наук
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Титова Елена Ивановна, кандидат педагогических наук
Ткаченко Ирина Георгиевна, кандидат филологических наук
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры
Фозилов Садриддин Файзуллаевич, кандидат химических наук (Узбекистан)
Яхина Асия Сергеевна, кандидат технических наук
Ячинова Светлана Николаевна, кандидат педагогических наук

Международный редакционный совет:

Айрян Заруи Геворковна, кандидат филологических наук, доцент (Армения)
Арошидзе Паата Леонидович, доктор экономических наук, ассоциированный профессор (Грузия)
Атаев Загир Вагитович, кандидат географических наук, профессор (Россия)
Ахмеденов Кажмурат Максutowич, кандидат географических наук, ассоциированный профессор (Казахстан)
Бидова Бэла Бертовна, доктор юридических наук, доцент (Россия)
Борисов Вячеслав Викторович, доктор педагогических наук, профессор (Украина)
Буриев Хасан Чутбаевич, доктор биологических наук, профессор (Узбекистан)
Велковска Гена Цветкова, доктор экономических наук, доцент (Болгария)
Гайич Тамара, доктор экономических наук (Сербия)
Данатаров Агахан, кандидат технических наук (Туркменистан)
Данилов Александр Максимович, доктор технических наук, профессор (Россия)
Демидов Алексей Александрович, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Досманбетов Динар Бакбергенович, доктор философии (PhD), проректор по развитию и экономическим вопросам (Казахстан)
Ешиев Абдыракман Молдоалиевич, доктор медицинских наук, доцент, зав. отделением (Кыргызстан)
Жолдошев Сапарбай Тезекбаевич, доктор медицинских наук, профессор (Кыргызстан)
Игисинов Нурбек Сагинбекович, доктор медицинских наук, профессор (Казахстан)
Кадыров Кутлуг-Бек Бекмурадович, доктор педагогических наук, и.о. профессора, декан (Узбекистан)
Каленский Александр Васильевич, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Козырева Ольга Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Россия)
Колпак Евгений Петрович, доктор физико-математических наук, профессор (Россия)
Кошербаева Айгерим Нуралиевна, доктор педагогических наук, профессор (Казахстан)
Курпаяниди Константин Иванович, доктор философии (PhD) по экономическим наукам (Узбекистан)
Куташов Вячеслав Анатольевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Кыят Эмине Лейла, доктор экономических наук (Турция)
Лю Цзюань, доктор филологических наук, профессор (Китай)
Малес Людмила Владимировна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Нагервадзе Марина Алиевна, доктор биологических наук, профессор (Грузия)
Нурмамедли Фазиль Алигусейн оглы, кандидат геолого-минералогических наук (Азербайджан)
Прокопьев Николай Яковлевич, доктор медицинских наук, профессор (Россия)
Прокофьева Марина Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент (Казахстан)
Рахматуллин Рафаэль Юсупович, доктор философских наук, профессор (Россия)
Ребезов Максим Борисович, доктор сельскохозяйственных наук, профессор (Россия)
Сорока Юлия Георгиевна, доктор социологических наук, доцент (Украина)
Султанова Дилшода Намозовна, доктор архитектурных наук (Узбекистан)
Узаков Гулом Норбоевич, доктор технических наук, доцент (Узбекистан)
Федорова Мария Сергеевна, кандидат архитектуры (Россия)
Хоналиев Назарали Хоналиевич, доктор экономических наук, старший научный сотрудник (Таджикистан)
Хоссейни Амир, доктор филологических наук (Иран)
Шарипов Аскар Калиевич, доктор экономических наук, доцент (Казахстан)
Шуклина Зинаида Николаевна, доктор экономических наук (Россия)

На обложке изображен *Якоб Людвиг Карл Гримм* (1785–1863) — немецкий филолог-германист, языковед, историк права и собиратель фольклора, один из основателей германской филологии как самостоятельной научной дисциплины. Именно Якобу принадлежит первенство в научной части их общего дела, тогда как его младший брат Вильгельм в большей степени отвечал за литературную обработку текстов.

Якоб Гримм родился 4 января 1785 года в городе Ханау. В семье было шестеро детей; Вильгельм, родившийся в 1786 году, стал не только братом, но и ближайшим соратником Якоба на всю жизнь. В 1791 году семья переехала в Штайнау, где отец получил новое назначение, однако в 1796 году он умер, и материальное положение семьи резко ухудшилось. В 1798 году Якоба и Вильгельма отправили к тетке в Кассель, где они поступили в привилегированный лицей.

В 1802 году Якоб начал изучать право в Марбургском университете. Решающее влияние на его научные интересы оказал Фридрих Карл фон Савиньи, крупнейший правовед эпохи, под руководством которого Гримм приобщился к работе с историческими источниками и к сравнительно-историческому методу. В 1805 году Савиньи привлек его к разбору рукописей в Париже, что положило начало многолетним архивным изысканиям. В 1806–1807 годах Гримм служил в гессенском военном ведомстве, а в 1808 году получил место библиотекаря при личной библиотеке Жерома Бонапарта в Касселе, что дало ему доступ к книжным собраниям и время для собственных занятий.

Научная деятельность Гримма развивалась в нескольких направлениях одновременно. Вместе с Вильгельмом он выпустил сборник «Детские и домашние сказки», а затем «Немецкие предания». Сам Якоб сосредоточился на языке и праве: в 1819 году вышел первый том «Немецкой грамматики», в 1828 году — «Древности немецкого права», в 1835 году — «Немецкая мифология». В 1822 году во втором издании грамматики он сформулировал закономерность, известную как закон Гримма (первое германское передвижение согласных), — одно из ключевых открытий сравнительно-исторического языкознания.

В 1829 году Якоб Гримм получил приглашение в Гёттингенский университет, где с 1830 года занимал должность профессора и заведовал библиотекой. В 1837 году он вместе с Вильгельмом вошел в так называемую «Гёттингенскую семерку» — семь профессоров, протестовавших

против отмены конституции ганноверским королем Эрнстом Августом. За это всех семерых уволили, а Якоба как одного из тех, кто не был уроженцем Ганновера, обязали покинуть страну. Братья вернулись в Кассель, а в 1840 году по приглашению прусского короля Фридриха Вильгельма IV переехали в Берлин, где были избраны членами Прусской академии наук и получили право читать лекции в Берлинском университете без обязательной нагрузки.

Братья Гримм прожили вместе почти всю жизнь, вели общее хозяйство и работали в одной комнате за двумя столами, обращенными друг к другу. Вильгельм женился в 1825 году, Якоб так и остался холостяком.

В 1848 году Якоб Гримм был избран депутатом Франкфуртского национального собрания, однако вскоре сложил полномочия, сославшись на занятость научной работой.

В 1838 году братья начали работу над «Немецким словарем» — фундаментальным историческим словарем немецкого языка. Первый том вышел в 1854 году; Якоб успел довести дело лишь до буквы *F*, а завершен словарь был только в XX веке.

После увольнения Якоб опубликовал брошюру «О моем увольнении» (1838), где изложил обстоятельства конфликта с ганноверским правительством; она быстро разошлась по Германии.

Гримм считается одним из первых германских филологов, читавших лекции на немецком языке, а не на латыни.

Современники описывали Якоба как человека сурового и замкнутого, всецело погруженного в работу; его личная библиотека и рукописи были завещаны Прусской государственной библиотеке.

Умер Якоб Гримм 20 сентября 1863 года в Берлине, продолжая диктовать материалы для словаря; он похоронен на кладбище Святого Матфея рядом с братом, который скончался в 1859 году от паралича легких.

Труды Якоба Гримма выходят далеко за рамки фольклористики: он заложил основы исторической грамматики германских языков, разработал методику сравнительного изучения памятников письменности и ввел в научный оборот огромный корпус текстов. Собранные братьями сказки, несмотря на строго научный замысел собирателей, стали одним из самых известных памятников мировой литературы.

*Информацию собрала ответственный редактор
Екатерина Осянина*

СОДЕРЖАНИЕ

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Поленая Е. Н.

Особенности применения норм
о неосновательном обогащении в сфере
строительного подряда 419

Понамарчук А. И.

Особенности административной
ответственности информационных
посредников за неудаление неправомерно
распространяемого цифрового контента 421

Разживина А. Э.

Разграничение полномочий и финансовое
обеспечение здравоохранения как проблемы
государственного управления 425

Разживина А. Э.

Кадровое обеспечение здравоохранения:
проблемы и направления
совершенствования государственного
управления 427

Рамазанова Л. Р.

Историческое развитие алиментных
обязательств в России 429

Романова О. А.

Правовые последствия злоупотребления
правом при признании обстоятельств,
на которых другая сторона основывает свои
требования или возражения, в гражданском
процессе 433

Семичева О. В.

Профилактическая работа органов
внутренних дел с несовершеннолетними
правонарушителями 435

Сергеев Б. И.

Проблема установления поводов
и оснований возбуждения уголовных
дел по преступлениям с использованием
электронных средств платежа 437

Сивая М. В.

Сравнительно-правовой анализ
административной ответственности
за нарушения таможенных правил
в государствах — членах ЕАЭС: на пути
к гармонизации 440

Таранченко И. П.

Значение амнистии и помилования в системе
уголовно-поощрительных мер 442

Толстолыткина А. В.

Момент ознакомления с постановлением
о назначении судебной экспертизы
и допустимость заключения эксперта 444

Трашкина С. Ю., Петрова В. Ю.

Значение профсоюзов в урегулировании
трудовых споров в современных реалиях 446

Уткина А. И.

Проблемные аспекты
ответственности за вред, причиненный
несовершеннолетними 448

Федяинова М. С.

Доктринальные подходы к понятию
доказывания в отечественном уголовном
процессе 450

Царёва С. С.

Административно-правовые меры
противодействия незаконной миграции 452

Царева Д. С.

Особенности проведения следственных
действий по делам о терроризме 457

Шавва А. А.

Правовой режим объектов авторского права,
размещаемых в сети Интернет 459

Шавва А. А.

Ответственность информационных
посредников за нарушение авторских прав
в сети Интернет: российский и зарубежный
подходы 462

Шаламов В. А.

Деятельность Совета по правовой культуре
при Тюменской областной Думе как
правовой инструмент координационного
взаимодействия власти и гражданского
общества 464

Шепеленко Д. И.

Административный надзор за лицами,
освобожденными из мест лишения свободы:
проблемы и пути их решения 466

ПОЛИТОЛОГИЯ

Холзода М. Б.

Особенности национальных подходов
к религиозной дипломатии в современной
системе международных отношений 469

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА
И СПОРТ**Каримова В. Р.**

Сравнительный анализ методов развития
гибкости в хореографической подготовке
студентов 474

Морозова Д. А., Соболева К. Ю.

Влияние физической активности
на здоровье студентов 476

Путинцева С. С.

Функциональная подготовка мышц как
основа качественного исполнения основного
хода в акробатическом рок-н-ролле 479

ПРОЧЕЕ

Максимчук А. О.

Цифровизация процессов постановки
и контроля исполнения поручений
как направление совершенствования
организации труда муниципальных
служащих (на примере администрации
городского округа Красногорск Московской
области) 483

НАУЧНАЯ
ПУБЛИЦИСТИКА**Подпрятova А. С.**

Когда тебя заставляют сомневаться в себе:
тихая трагедия газлайтинга в семье 489

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ

Особенности применения норм о неосновательном обогащении в сфере строительного подряда

Поленая Евгения Николаевна, студент магистратуры

Санкт-Петербургский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России)

В статье рассматриваются особенности правового регулирования обязательств вследствие неосновательного обогащения в сфере строительного подряда. Анализируются типичные ситуации возникновения кондикционных требований (возврат неотработанного аванса, дополнительные работы, работы без договора, недействительные контракты), соотношение главы 60 ГК РФ с нормами о подряде, определение стоимости обогащения и исчисление срока исковой давности. Обосновывается критерий разграничения кондикционных и договорных требований.

Ключевые слова: неосновательное обогащение, кондикция, строительный подряд, неотработанный аванс, судебная практика.

Specifics of the legal regulation of unjust enrichment in construction contracting

Polenaya Evgeniya Nikolaevna, master's degree student

St. Petersburg Institute (branch) of the All-Russian State University of Justice

The article examines the specific legal regulations governing obligations arising from unjust enrichment within the sphere of construction contracts. It analyzes typical scenarios giving rise to restitutionary claims (such as the return of unearned advance payments, additional works, work performed without a contract, and invalid contracts), the relationship between Chapter 60 of the Civil Code of the Russian Federation and the provisions governing contracts for work, the determination of the value of enrichment, and the calculation of the statute of limitations. The article also substantiates the criteria for distinguishing between restitutionary and contractual claims.

Keywords: unjust enrichment, condiction, construction contract, unearned advance payment, judicial practice.

Отношения строительного подряда отличаются продолжительностью работ, значительным объемом финансирования, необходимостью использования проектной и технической документации, поэтапной сдачей результата. В таких условиях вопрос о возврате денежных средств либо оплате фактически выполненных работ нередко не может быть разрешен исключительно путем толкования условий договора. Если договор отсутствует, является незаключенным или прекращает действие, то возникает необходимость обратиться к правилам главы 60 Гражданского кодекса Российской Федерации (далее — ГК РФ).

Общей нормой является статья 1102 ГК РФ, обязывающая лицо, без установленных законом, иными правовыми актами или сделкой оснований приобретшее или сберегшее имущество за счет другого лица, возвратить его. Применение данной нормы к строительному подряду требует учета как специальных положений главы 37 ГК РФ, так и фактических обстоятельств выполнения, приемки и оплаты работ.

Исследование договора строительного подряда представлено в работе Брагинского М. И. и Витрянского В. В. [1]. Специальные нормы главы 37 ГК РФ (статьи 740–757) регулируют оплату, приемку и последствия прекращения договора. Вместе с тем, они не всегда позволяют разрешить ситуации, возникающие при утрате договорного основания. В связи с этим, целью настоящей статьи является выявление особенностей применения кондикционных требований в строительном подряде и определение возможных подходов к разрешению наиболее спорных вопросов.

Исходным положением является признание обязательства из неосновательного обогащения самостоятельной разновидностью гражданско-правового обязательства. Такое обязательство возникает не из договора и не из деликта, а из особого юридического состава: приобретения или сбережения имущества одним лицом за счет другого при отсутствии правового основания. Этот подход последовательно разрабатывался в отечественной цивилистике. Флейшиц Е. А. рассматривала неосновательное

обогащение как самостоятельную группу внедоговорных обязательств наряду с обязательствами из причинения вреда [2, с. 234. Иоффе О. С. также рассматривал кондикционные обязательства в качестве элемента системы внедоговорных обязательственных отношений [3, с. 437–440].

Из приведенного подхода следует, что вина приобретателя не относится к условиям возникновения обязательства. В соответствии с пунктом 2 статьи 1102 ГК РФ нормы о неосновательном обогащении применяются независимо от того, явилось ли обогащение результатом поведения приобретателя, самого потерпевшего, третьих лиц либо события. Определяющим признаком становится отсутствие правового основания.

Применительно к подрядным отношениям существенное значение приобретает вопрос о моменте утраты основания. До прекращения договора подрядчик вправе удерживать полученный аванс, поскольку его перечисление основано на договоре. Кондикционное требование в этот период не возникает.

Иная ситуация складывается после расторжения договора либо одностороннего отказа заказчика от его исполнения на основании статей 450, 715 или 717 ГК РФ. Основание для удержания аванса сохраняется лишь в той части, в которой подрядчик выполнил и передал заказчику работы, подлежащие оплате. В оставшейся части аванс становится неосновательным обогащением подрядчика, а у заказчика возникает требование о его возврате.

Правило пункта 4 статьи 453 ГК РФ, согласно которому стороны не вправе требовать возвращения исполненного до момента расторжения, не препятствует такому требованию в части исполнения, оставшегося без встречного предоставления. Судебная практика исходит из того, что неотработанный аванс подлежит возврату именно по правилам о неосновательном обогащении.

С этим связан вопрос об исковой давности. Поскольку до прекращения договора правовое основание удержания аванса существует, срок давности не может начинаться с даты его перечисления. На основании пункта 1 статьи 200 ГК РФ срок следует исчислять с момента, когда заказчик узнал или должен был узнать об утрате основания (расторжение договора, получение уведомления об отказе). Иное толкование приводило бы к тому, что давность истекла бы до возникновения права на иск, что противоречит ее назначению.

Отдельную группу составляют дополнительные работы, не предусмотренные договором и сметой. В силу пункта 3 статьи 743 ГК РФ подрядчик, обнаруживший необходимость таких работ, обязан сообщить об этом заказчику, а при невыполнении этой обязанности утрачивает право требовать их оплаты, если не докажет необходимость немедленных действий в интересах заказчика. Возникает вопрос, вправе ли подрядчик требовать стоимость таких работ как неосновательное обогащение, если заказчик использует результат. Представляется обоснованным дифференцированный подход: оплата допустима, если работы были необходимы для сохранения результата либо заказчик их одобрил или использует результат;

в иных случаях принцип недопустимости неосновательного обогащения не должен превращаться в средство принуждения к оплате невостребованных работ.

Распространены также споры о работах, выполненных в отсутствие договора либо при незаключенном договоре. Если одна из сторон приняла исполнение от другой, то она не вправе требовать признания договора незаключенным в целях уклонения от его исполнения. Это следует из пункта 3 статьи 432 ГК РФ. Если условия договора не могут быть применены, возможен переход к правилам главы 60 ГК РФ. При несогласовании цены стоимость работ определяется исходя из цен, которые при сравнимых обстоятельствах обычно взимаются за аналогичные работы в соответствии с пунктом 3 статьи 424 ГК РФ.

Центральной практической проблемой взыскания является определение размера подлежащего взысканию обогащения. Результат строительных работ, как правило, неотделим от имущества заказчика, поэтому возврат предоставленного в натуре затруднителен либо невозможен. В таком случае применяется статья 1105 ГК РФ, предусматривающая возмещение стоимости неосновательного обогащения.

Стоимость должна определяться на момент приобретения, то есть выполнения работ. В зависимости от оснований требования могут использоваться договорные расценки, сметная стоимость, рыночные показатели или заключение эксперта. Если договор действует либо прекращен, разумно ориентироваться на согласованные расценки; если он недействителен или не заключен, на рыночную стоимость, рассматривая согласованные цены как доказательство уровня цен. Такой подход соответствует назначению кондикции: возмещается стоимость приобретенного, а не выгода, на которую рассчитывал подрядчик.

Существенное доказательственное значение имеют акты выполненных работ по формам КС-2 и КС-3. Они подтверждают выполнение и приемку работ. Однако отсутствие подписанных актов выполненных работ не исключает взыскания стоимости фактически выполненных и используемых заказчиком работ. В таком случае суд оценивает журналы производства работ, исполнительную документацию, переписку сторон, заключения экспертов и иные доказательства.

При уклонении заказчика от подписания акта выполненных работ подрядчик вправе оформить сдачу результата работ односторонним актом. Такой акт может быть признан недействительным только если мотивы отказа заказчика от его подписания признаны обоснованными, что следует из пункта 4 статьи 753 ГК РФ.

Разграничение кондикционных и договорных требований может быть основано на следующем критерии. Кондикционное требование допустимо, если договорные средства защиты не охватывают спорное требование либо договор перестал быть основанием удержания, то есть у истца есть собственное, не вытекающее из договора, право на возврат исполненного. Статья 1103 ГК РФ говорит о субсидиарном применении норм главы 60 к требованиям одной стороны обязательства к другой о воз-

врате исполненного, а не о том, что кондикционный иск допускается лишь при отсутствии иных способов защиты. Одновременно необходимо различать вещные и обязательственные средства защиты, не допуская подмены виндикации кондикцией [4, с. 566].

В отношениях «заказчик — генеральный подрядчик — субподрядчик» действует специальное правило статьи 706 ГК РФ: заказчик и субподрядчик не вправе предъявлять друг другу требования, связанные с нарушением договоров, заключенных каждым из них с генеральным подрядчиком. Следовательно, требования по общему правилу должны предъявляться по линии исполнения обязательств: субподрядчиком — к генеральному подрядчику, а генеральным подрядчиком — к заказчику.

Проценты, предусмотренные статьей 1107 ГК РФ, начисляются с момента, когда приобретатель узнал или должен был узнать о неосновательности получения денежных средств. В спорах из строительного подряда таким моментом, как правило, является расторжение договора либо получение уведомления об отказе от исполнения договора. Дата перечисления аванса, когда договорное основание еще существовало, для начисления процентов обычно значения не имеет.

Таким образом, нормы о неосновательном обогащении применяются в строительном подряде тогда, когда договорное основание отсутствует, утрачено либо не охватывает спорное предоставление. Неотработанный аванс после прекращения договора подлежит возврату в части, оставшейся без встречного предоставления. Срок исковой давности по такому требованию начинает течь с момента утраты основания, а не с даты перечисления аванса.

Дополнительные работы могут быть оплачены при доказанности их необходимости, одобрения заказчиком либо использования им результата. Стоимость неосновательного обогащения определяется с учетом характера договорного основания, а акты выполненных работ по форме КС-2 и КС-3 имеют доказательственное значение.

Эффективность правового регулирования зависит от точно квалификации фактических обстоятельств и правильного распределения бремени доказывания. Для обеспечения единообразия судебной практики целесообразно уточнить в разъяснениях высших судебных инстанций критерии разграничения кондикционных и договорных требований, а также последствия прекращения договора для исполнений, оставшихся без встречного предоставления.

Литература:

1. Брагинский М. И. Договорное право / М. И. Брагинский, В. В. Витрянский, — Москва: Статут, 2011. Книга 3: Договоры о выполнении работ и оказании услуг. — 2-е изд., стр. — 2011. — 1054 с.
2. Флейшиц Е. А. Обязательства из причинения вреда и из неосновательного обогащения: монография / О. С. Иоффе. — Москва: Юридическая литература, 1975. — 880 с.
3. Иоффе О. С. Обязательственное право: моногр. — М.: Юрид. лит., 1975–880 с.
4. Скловский К. И. Собственность в гражданском праве: монография / К. И. Скловский. — 6-е изд., перераб. и доп. — Москва: Статут, 2023. — 895 с.

Особенности административной ответственности информационных посредников за неудаление неправомерно распространяемого цифрового контента

Понамарчук Анна Игоревна, студент
Челябинский государственный университет

В статье рассматриваются особенности административно-правового регулирования ответственности информационных посредников (хостинг-провайдеров, поисковых систем, мессенджеров) за неисполнение обязанности по удалению запрещенного контента. Путем анализа правоприменительной практики по ст. 13.41 КоАП РФ рассматриваются проблемы соотношения публично-правовой и гражданско-правовой ответственности цифровых платформ.

Ключевые слова: информационный посредник, административная ответственность, ст. 13.41 КоАП РФ, цифровой контент, хостинг-провайдер, поисковая система, публично-правовая ответственность, закон о приземлении.

Введение

Цифровая трансформация общественных отношений привела к появлению особого субъекта права — инфор-

мационного посредника, который обеспечивает доступ пользователей к размещаемому контенту. В условиях стремительного роста объемов информации и невозможности полного контроля за её содержанием со стороны

государства возникает объективная необходимость возложения на таких посредников дополнительных публично-правовых обязанностей [13].

Одним из ключевых инструментов государственного регулирования в данной сфере стала статья 13.41 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях, устанавливающая ответственность владельцев информационных ресурсов за неудаление информации, распространение которой в Российской Федерации запрещено [1]. Актуальность темы обусловлена значительным количеством дел о привлечении к ответственности по данной норме, и отсутствием единообразного подхода к разграничению административной и гражданско-правовой ответственности информационных посредников.

Научная новизна исследования заключается в комплексном анализе правоприменительной практики по ст. 13.41 КоАП РФ в отношении различных категорий информационных посредников и выявлении специфики их административно-правового статуса. Эмпирическую базу исследования составили постановления Таганского районного суда г. Москвы — основного суда, рассматривающего дела по ст. 13.41 КоАП РФ в отношении иностранных информационных посредников, — размещённые в открытых базах «СудАкт» и ГАС «Правосудие» за период с 2021 по 2026 год.

Правовая природа административной ответственности информационных посредников

Статья 13.41 КоАП РФ устанавливает ответственность за нарушение порядка ограничения доступа к информации, доступ к которой подлежит ограничению в соответствии с российским законодательством. Квалифицирующие признаки состава включают: наличие официального требования уполномоченного органа, фактическое размещение информации в открытом доступе, истечение законодательного срока на удаление и отсутствие документально подтвержденных технических препятствий для исполнения [4].

Принципиальной особенностью данного административного правонарушения является его формальный характер. Судебная практика исходит из того, что для привлечения к ответственности не требуется установления умысла или наступления вредных последствий. Достаточно самого факта неисполнения обязанности по удалению контента в установленный срок [6; 9].

Анализ правоприменительной практики

Анализ дел, рассмотренных Таганским районным судом г. Москвы, демонстрирует устойчивую тенденцию к применению санкций по ч. 2 ст. 13.41 КоАП РФ в отношении широкого круга информационных посред-

ников. Так, в сентябре 2025 года Amazon.com, Inc был оштрафован на 3 млн рублей за неудаление экстремистского контента после предупреждения Роскомнадзора [6]. Сервис в течение суток проигнорировал уведомление и получил штраф.

Также внимания заслуживает практика в отношении поисковых систем с большим пользовательским охватом. В 2026 году Google LLC неоднократно привлекался к ответственности: в мае — на 15,2 млн рублей за четыре эпизода, в августе — на дополнительные 3,8 млн рублей [7]. Московский городской суд оставил эти решения без изменения.

Мессенджер Telegram в марте 2026 года был оштрафован на 35 млн рублей за пять эпизодов неисполнения требований об удалении контента, содержащего призывы к экстремистской деятельности [8]. Ранее сервис уже привлекался к ответственности на суммы 7 и 10,5 млн рублей.

Показательным примером взаимосвязи ст. 13.41 КоАП РФ и «закона о приземлении» является практика в отношении компании Meta¹ [5]. В феврале 2022 года Таганский районный суд г. Москвы признал законным оборотный штраф в размере 2 млрд рублей по ч. 5 ст. 13.41 КоАП РФ за повторное неудаление запрещённого контента. При этом, как отмечалось в юридической литературе, механизм взимания этого штрафа оставался неясным, поскольку компания не исполнила обязанность по «приземлению» и не имела активов на территории РФ. Аналогичная ситуация складывалась вокруг Google LLC: в 2022 году Роскомнадзор применил к компании меры понуждения за несоблюдение требований об удалении контента — информирование пользователей в поисковой выдаче и запрет на распространение рекламы [7]. Таким образом, «закон о приземлении» на практике выполняет роль обеспечительного механизма: он не заменяет ст. 13.41, а создаёт условия для её реального применения к иностранным посредникам.

Материалы судебной практики демонстрирует, что предмет доказывания строго формализован: Роскомнадзор фиксирует доступность информации через нотариальный осмотр страниц, а суд не исследует смысловое содержание контента. Попытки платформ сослаться на задержки модерации или отсутствие локальных серверов квалифицируются как организационные недостатки, а не технические препятствия [9].

Как следует из постановления по делу № 5–607/2025, Amazon.com, Inc. привлечён к ответственности по ч. 2 ст. 13.41 КоАП РФ за неудаление экстремистских материалов, включённых в Федеральный список на основании решений российских судов. Суд установил, что уведомления Роскомнадзора направлялись компании 15 раз в течение пяти месяцев, однако информация не была удалена в течение суток. Показательно, что суд не исследовал вопрос о правомерности признания материалов экстре-

¹ Meta — организация, деятельность которой признана экстремистской и запрещена на территории Российской Федерации.

мистскими — это было установлено вступившими в силу решениями судов [3]. Вина Amazon подтверждена лишь фактом неудаления и отсутствием доказательств принятия «всех зависящих мер». Это наглядно демонстрирует формальный характер состава по ст. 13.41 КоАП РФ: для привлечения к ответственности достаточно самого факта неисполнения требования, независимо от организационных сложностей, с которыми столкнулась компания.

Разграничение публично-правовой и гражданско-правовой ответственности

Ключевой теоретической проблемой является разграничение административной ответственности информационного посредника и его гражданско-правовой ответственности перед правообладателями. В теории административного права традиционно подчёркивается, что административная ответственность всегда связана с защитой публичных интересов и реализуется в рамках исполнительно-распорядительной деятельности. Если ст. 13.41 КоАП РФ защищает публичный интерес — информационную безопасность государства и общества, то гражданско-правовая ответственность направлена на защиту частных интересов правообладателей.

Однако простое противопоставление «публичное — частное» не исчерпывает проблему. Речь идёт о конкуренции правовых режимов, при которой один и тот же информационный посредник может одновременно оказаться в ситуации взаимоисключающих требований. Рассмотрим гипотетическую, но вполне реалистичную ситуацию. Гражданин обратился в суд общей юрисдикции с иском о признании распространённой информации не соответствующей действительности и требует её удаления. Суд, рассмотрев дело по правилам гражданского судопроизводства, в иске отказывает, признавая распространение информации правомерным. Однако Роскомнадзор, действуя в рамках публично-правового механизма, не связан этим судебным актом: он включает страницу в Единый реестр запрещённой информации на основании собственного решения или решения иного уполномоченного органа и направляет владельцу сайта требование об удалении [4]. Если посредник не исполняет это требование в течение суток, он привлекается к ответственности по ст. 13.41 КоАП РФ.

Возникает парадоксальная ситуация: гражданский суд признал информацию правомерной, а административный орган — запрещённой. Посредник оказывается перед выбором: исполнить требование Роскомнадзора (и тем самым нарушить вступившее в силу решение суда) или не исполнить (и быть оштрафованным). Действующее законодательство не содержит механизма, который позволял бы приостановить административное производство до разрешения гражданского спора или придать судебному акту приоритет при оценке правомерности распространения информации.

Это порождает правовую неопределённость для добросовестных посредников и ставит вопрос о необходимости законодательного закрепления приоритета судебного решения о правомерности распространения информации над административным требованием об удалении. Альтернативой могло бы стать введение процедуры обязательного судебного контроля за решениями Роскомнадзора о включении информации в реестр запрещённых сведений, по аналогии с судебным порядком ограничения доступа к информации, предусмотренным ст. 15.1 Федерального закона № 149-ФЗ [2].

Административная ответственность носит безальтернативный характер: санкции ч. 5 ст. 13.41 КоАП РФ не предусматривают альтернативных видов наказаний [1]. При этом суды учитывают имущественное и финансовое положение привлекаемого лица, что подтверждается запросами в налоговые органы для установления размера выручки [6].

Примечательно, что накопление протоколов ведет к линейному росту финансовой нагрузки: каждый новый факт неисполнения требования оформляется отдельным административным делом, принцип поглощения наказаний не применяется. Это создает существенные риски для иностранных платформ, вплоть до ограничения доступа к ресурсу на территории РФ.

Существенным дополнением к механизму ст. 13.41 КоАП РФ выступает Федеральный закон от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации» (так называемый «закон о приземлении») [5]. Формально он не создаёт самостоятельного состава административного правонарушения, однако функционально связан со ст. 13.41: если последняя устанавливает обязанность удалить запрещённый контент, то «приземление» создаёт юридическую точку присутствия иностранной платформы в России, через которую эта обязанность может быть реально исполнена. Иностранные компании с суточной аудиторией свыше 500 тыс. российских пользователей обязаны открыть филиал, представительство или учредить российское юридическое лицо, зарегистрировать личный кабинет на сайте Роскомнадзора и разместить электронную форму обратной связи. Неисполнение этих требований влечёт запрет на распространение рекламы, ограничение приёма платежей, исключение из поисковой выдачи и блокировку ресурса. Без «приземления» штрафы по ст. 13.41 КоАП РФ в отношении иностранных платформ остаются трудноисполнимыми, поскольку у них отсутствуют активы и счета на территории РФ.

Вывод

Проведённый анализ правоприменительной практики по ст. 13.41 КоАП РФ позволяет сделать несколько выводов. Во-первых, состав административного правонарушения носит сугубо формальный характер: для при-

влечения к ответственности достаточно самого факта не удаления контента в установленный срок, независимо от наличия умысла или наступления вредных последствий. Это создаёт правовую неопределённость для добросовестных посредников, которые из-за технических задержек модерации могут столкнуться с санкциями [11]. Во-вторых, штрафы по ст. 13.41 КоАП РФ исчисляются миллионами рублей, а их накопление ведёт к линейному росту финансовой нагрузки, поскольку принцип поглощения наказаний не применяется. Представляется целесообразным дифференцировать размер санкций в зависимости от размера выручки компании и количества пользователей, что позволит избежать несоразмерного давления на малые и средние цифровые платформы [9].

В-третьих, необходимо на законодательном уровне разграничить публично-правовую и гражданско-правовую ответственность информационных посредников. При конкуренции правовых режимов, когда суд общей юрисдикции отказывает в удалении контента, а Роском-

надзор требует его удаления и штрафует посредника, действующее законодательство не содержит механизма разрешения подобных коллизий. Предлагается закрепить приоритет вступившего в силу судебного акта о правомерности распространения информации над административным требованием об удалении либо ввести обязательный судебный контроль за решениями о включении информации в реестр запрещённых сведений [2; 11].

В-четвёртых, административная нагрузка на хостинг-провайдеров, поисковые системы и мессенджеры создаёт риски ухода иностранных платформ с российского рынка и, как следствие, ограничения доступа пользователей к глобальным цифровым сервисам. Для решения проблемы предлагается развивать международные механизмы обмена данными о запрещённом контенте, что позволит снизить риски блокировки ресурсов без предварительного уведомления и обеспечит баланс между информационной безопасностью и развитием цифровой экономики [5; 12].

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 31.07.2025) (с изм. и доп., вступ. в силу с 22.10.2025) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 1 (ч. 1). — Ст. 1.
2. Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3448.
3. Федеральный закон от 25.07.2002 № 114-ФЗ «О противодействии экстремистской деятельности» // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 30. — Ст. 3031.
4. Постановление Правительства РФ от 26.10.2012 № 1101 «О единой автоматизированной информационной системе «Единый реестр доменных имен, указателей страниц сайтов в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» и сетевых адресов, позволяющих идентифицировать сайты в сети «Интернет», содержащие информацию, распространение которой в Российской Федерации запрещено» // Собрание законодательства РФ. — 2012. — № 44. — Ст. 6041.
5. Федеральный закон от 01.07.2021 № 236-ФЗ «О деятельности иностранных лиц в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет» на территории Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. — 2021. — № 27 (ч. 1). — Ст. 5064.
6. Постановление Таганского районного суда г. Москвы от 08.09.2025 по делу № 5–607/2025 (в отношении Amazon.com, Inc.) // [Электронный ресурс]. <https://sudact.ru/regular/doc/JNhe2Y24TX1r/#1> — Доступ из «СудАкт»
7. Постановление Таганского районного суда г. Москвы о привлечении Google LLC к административной ответственности по ч. 2 ст. 13.41 КоАП РФ // [Электронный ресурс]. <https://sudact.ru/regular/doc/uIYk8NGyq5b1/#1> — Доступ из «СудАкт».
8. Постановление Таганского районного суда г. Москвы о привлечении Telegram Messenger Inc. к административной ответственности по ч. 2 ст. 13.41 КоАП РФ // [Электронный ресурс]. <https://sudact.ru/regular/doc/oldC-m66IBNLI/#2> — Доступ из «СудАкт».
9. Бахрах Д. Н., Российский Б. В., Стариков Ю. Н. Административное право: Учебник для вузов. — 2-е изд., изм. и доп. — М.: Норма, 2005. — 800 с.
10. Талапина Э. В. Право на информационное самоопределение: на грани публичного и частного // Право. Журнал Высшей школы экономики. 2022. Т. 15. № 5. С. 24–43.
11. Талапина Э. В., Антопольский А. А., Монахов В. Н. Права человека в эпоху интернета: публично-правовой аспект: монография. — М.: Проспект, 2023. — 144 с.
12. Ловцов Д. А. Системология информационного права // Правосудие/Justice. 2022. Т. 4. № 1.

Разграничение полномочий и финансовое обеспечение здравоохранения как проблемы государственного управления

Разживина Анастасия Эдуардовна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматривается распределение полномочий в сфере охраны здоровья между федеральным центром и субъектами Российской Федерации и его связь с финансовым обеспечением отрасли. Анализируются нормы Федеральных законов «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» и «Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации», динамика подушевого норматива базовой программы ОМС, проблемы планирования объемов медицинской помощи. Предлагаются меры по согласованию полномочий и источников их финансирования.

Ключевые слова: государственное управление, здравоохранение, разграничение полномочий, обязательное медицинское страхование, программа государственных гарантий, подушевой норматив, бюджетный федерализм.

Координация вопросов здравоохранения отнесена Конституцией Российской Федерации к совместному ведению Российской Федерации и ее субъектов (п. «ж» ч. 1 ст. 72), а Правительство Российской Федерации обеспечивает проведение единой государственной политики в этой области [1]. Конкретное распределение полномочий установлено ст. 14–17 Федерального закона от 21 ноября 2011 года № 323-ФЗ [2]. Федеральный центр отвечает за единую государственную политику, утверждение порядков оказания медицинской помощи, лицензирование, федеральный государственный контроль и деятельность федеральных медицинских организаций. Субъекты организуют оказание первичной, специализированной, скорой и паллиативной помощи в своих медицинских организациях, утверждают территориальные программы государственных гарантий, решают кадровые вопросы. Органы местного самоуправления создают условия для оказания медицинской помощи.

Пациент сталкивается с результатом работы обеих уровней сразу и не разделяет, чья это ответственность. Поэтому качество управления зависит не столько от формального разграничения, сколько от согласованности действий. В литературе обоснованно отмечается, что принцип единства системы исполнительной власти проявляется в здравоохранении особенно отчетливо [3].

Главная проблема разграничения полномочий связана с их финансовым обеспечением. Полномочие без источника финансирования либо не исполняется, либо исполняется за счет других обязательств субъекта. В. В. Климанов и Е. Н. Тимушев приходят к выводу, что рост числа и детализации полномочий субъектов сам по себе разграничением не является: оно требует, чтобы одно звено бюджетной системы и устанавливало, и финансировало, и исполняло расходное обязательство [4]. Для здравоохранения этот вывод особенно актуален, поскольку значительная часть обязательств субъектов задается федеральными нормативами, порядками и показателями национальных проектов.

Национальные проекты фактически изменили соотношение полномочий. В соглашениях об их реализации появились обязательства субъектов по софинансированию

и достижению индикаторов. Завышенные показатели подталкивают к формальной отчетности. Дотационный регион к тому же зависит от сроков поступления межбюджетных трансфертов, и срыв графика ломает закупки и ремонты сильнее, чем недостатки управления на местах.

Финансирование отрасли строится по смешанной модели. Средства обязательного медицинского страхования поступают в Федеральный фонд ОМС и распределяются территориальным фондам в виде субвенций на финансовое обеспечение базовой программы [5]. Бюджеты разных уровней покрывают то, что страхование не охватывает: часть специализированной помощи, санитарную авиацию, инфраструктуру, лекарственное обеспечение льготных категорий. Основным документом, связывающим обязательства и ресурсы, является Программа государственных гарантий. На 2026–2028 годы она утверждена постановлением Правительства Российской Федерации от 29 декабря 2025 года № 2188 [6].

Подушевой норматив финансирования базовой программы ОМС на 2026 год установлен в размере 24 922,9 рубля на одно застрахованное лицо, а норматив за счет бюджетных ассигнований составляет 5 402,1 рубля на одного жителя [6]. Для сравнения, в 2025 году подушевой норматив ОМС составлял 22 543,7 рубля, в 2024 году 19 169,0 рубля. Динамика показателя приведена на рисунке 1.

Номинальный рост норматива заметен, однако при его оценке необходимо учитывать инфляцию и рост затрат на оплату труда, лекарственные препараты и медицинские изделия. Д. Г. Маркосян указывает, что доля расходов на здравоохранение в ВВП России остается заметно ниже, чем в развитых странах, и обосновывает необходимость увеличения финансирования с распределением нагрузки между несколькими источниками [7].

Не менее важен вопрос о том, как средства распределяются внутри субъекта. Объемы медицинской помощи по ОМС распределяются между медицинскими организациями комиссией по разработке территориальной программы, в которую входят представители органа управления здравоохранением, территориального фонда, страховых и медицинских организаций (ст. 36 Закона № 326-ФЗ) [5]. И. М. Степанов показывает, что на прак-

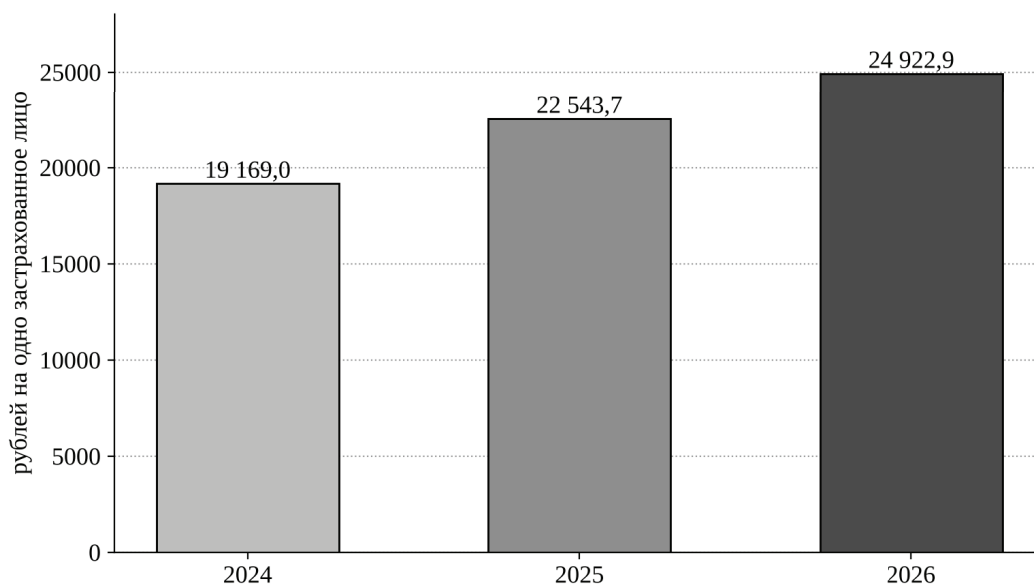

Рис. 1. Подушевой норматив финансирования базовой программы ОМС, рублей на одно застрахованное лицо (составлено автором)

тике объемы распределяются во многом по исторически сложившимся показателям, а не по результативности, что расходится с принципами стратегической закупки медицинской помощи [8].

Способы оплаты медицинской помощи создают стимулы для медицинских организаций. Подушевой норматив в первичном звене при правильной настройке поддерживает ответственность за прикрепленное население, оплата за законченный случай по клинико-статистическим группам ориентирует стационар на завершенность лечения [6]. Если тариф систематически не покрывает затраты, организация сокращает объемы или ищет обходные пути, например, отбирает «легких» пациентов.

Особую сложность представляют межрегиональные расчеты. Помощь застрахованному лицу за пределами субъекта страхования оплачивает территориальный фонд по месту оказания помощи, который затем получает возмещение от фонда по месту страхования [5]. Для пациента это гарантирует доступ к помощи в любом регионе, но для фондов и медицинских организаций возникают процедуры сверки и споры, а задержки бьют по учреждению, которое помощь уже оказало.

Для отдаленных и малонаселенных территорий единые правила оплаты создают дополнительную проблему. При подушевом финансировании доход небольшой медицинской организации зависит от численности прикрепленного населения, а расходы на содержание зданий, транспорт и минимальный штат от нее почти не зависят. Коэффициенты дифференциации, предусмотренные про-

граммой гарантий [6], должны регулярно оцениваться на достаточность. При этом дефицитные регионы фактически лишены возможности устанавливать дополнительные гарантии сверх базовой программы, что усиливает межрегиональные различия.

На основе проведенного анализа можно предложить следующие меры. Во-первых, при передаче или изменении полномочий субъектов одновременно определять источник и объем их финансирования. Во-вторых, дополнить соглашения о реализации национальных проектов процедурой корректировки показателей при изменении условий. В-третьих, при распределении объемов в системе ОМС переходить от исторических пропорций к учету фактической обращаемости, сроков ожидания и результатов медицинских организаций, публикуя методику и предусматривая переходный период. В-четвертых, публиковать методику расчета тарифов вместе с тарифным соглашением и объявлять изменения тарифной политики заранее. В-пятых, закрепить регламент взаимодействия органа управления здравоохранением субъекта и территориального фонда ОМС по корректировке объемов в течение года.

Таким образом, формальное разграничение полномочий в законе не снимает спорных зон. Они возникают прежде всего там, где полномочие не обеспечено финансированием, а правила распределения средств не связаны с потребностью населения. Решение этих вопросов требует не новых общих законов, а четких регламентов и прозрачных правил финансирования, при которых каждое обязательство подкреплено конкретным источником.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020) // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru> (дата обращения: 01.10.2026).

2. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 48. — Ст. 6724.
3. Хурматуллина А. М. Принцип единства системы исполнительной власти в Российской Федерации при осуществлении полномочий в сфере охраны здоровья // Ученые записки Казанского университета. Серия: Гуманитарные науки. — 2025. — Т. 167, № 3. — С. 77–88.
4. Климанов В. В., Тимушев Е. Н. Разграничение полномочий в российской системе бюджетного федерализма // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2025. — № 1. — С. 38–63.
5. Об обязательном медицинском страховании в Российской Федерации: Федер. закон от 29.11.2010 № 326-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2010. — № 49. — Ст. 6422.
6. О Программе государственных гарантий бесплатного оказания гражданам медицинской помощи на 2026 год и на плановый период 2027 и 2028 годов: постановление Правительства РФ от 29.12.2025 № 2188 // СПС «Гарант». — URL: <https://base.garant.ru> (дата обращения: 01.10.2026).
7. Маркосян Д. Г. Специфика финансового обеспечения функции здравоохранения в современных условиях // Экономические проблемы и правовая практика. — 2022. — Т. 18, № 4. — С. 37–47.
8. Степанов И. М. Распределение объемов медицинской помощи в системе ОМС: регулирование и реальные практики // Вопросы государственного и муниципального управления. — 2023. — № 2. — С. 74–102.

Кадровое обеспечение здравоохранения: проблемы и направления совершенствования государственного управления

Разживина Анастасия Эдуардовна, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируется кадровая ситуация в российском здравоохранении и инструменты государственного управления, направленные на привлечение и закрепление медицинских работников: целевое обучение, меры социальной поддержки, оплата труда, наставничество, аккредитация специалистов. Показано, что кадровый дефицит имеет территориальное и структурное измерение и тесно связан с доступностью медицинской помощи и цифровизацией отрасли. Предлагается комплекс мер, ориентированный на закрепление специалистов, а не на одно лишь привлечение.

Ключевые слова: здравоохранение, кадровое обеспечение, кадровый дефицит, целевое обучение, наставничество, оплата труда, аккредитация, государственное управление.

Кадровое обеспечение остается одной из самых острых проблем российского здравоохранения. По оценке Минздрава России, в отрасли работает около 558 тысяч врачей, при этом в начале 2025 года не хватало 23 297 врачей и 63 550 специалистов со средним медицинским образованием [1]. Дефицит кадров напрямую влияет на доступность помощи: при вакантной ставке специалиста установленные программой государственных гарантий сроки ожидания выполнить невозможно, а нагрузка на работающих врачей растет. Национальные цели развития, предусматривающие увеличение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет к 2030 году [2], не могут быть достигнуты без решения кадровой проблемы.

Кадровый дефицит неравномерен. Средние показатели по стране маскируют провалы в сельской местности, в малых городах и по отдельным специальностям. Поэтому государственная политика, которая ориентируется на общую обеспеченность врачами на 10 тысяч населения, распыляет ресурсы. Отправной точкой должна быть карта дефицита: каких специалистов и в каких районах не хватает. Скрытым риском является и возрастная структура

кадров. По ряду специальностей высока доля работников предпенсионного и пенсионного возраста при недостаточном притоке молодежи, и через несколько лет дефицит может резко вырасти.

Кадровая политика включает привлечение, закрепление, развитие и высвобождение персонала. На практике акцент часто смещен на привлечение. Без закрепления и развития оно превращается в дорогостоящий круговорот: специалист приезжает, получает выплату, отработывает обязательный срок и уезжает. Особенность отрасли состоит в длительности кадровых циклов. Подготовка врача-специалиста с учетом ординатуры занимает не менее восьми лет, тогда как управленческие решения часто принимаются в логике годового бюджета.

Одним из основных инструментов стало целевое обучение. Оно дает результат при осознанном отборе абитуриентов, договоре с понятными условиями и реальном закреплении выпускника на месте работы. Н. А. Иванова и И. П. Бурашникова отмечают слабость механизмов ответственности выпускников, не исполнивших обязательство, и предлагают расширить права работодателя [3].

Вместе с тем ответственность должна быть двусторонней. Если заказчик целевого обучения не обеспечил выпускнику жилье, приемлемую нагрузку и наставника, отработка часто остается формальной.

Существенное значение имеет оплата труда. С. В. Головин, А. В. Чуриков и Е. В. Красникова на примере Воронежской области обосновывают повышение гарантированной части заработной платы медицинских работников до 65 процентов, чтобы удерживать кадры и повышать качество помощи [4]. Г. Э. Улумбекова с соавторами связывают кадровый дефицит с недофинансированием отрасли и низкой оплатой труда и предлагают существенно увеличить оплату через единую тарифную систему [5]. Оплата труда в связке с нагрузкой и условиями работы влияет на приток кадров сильнее, чем разовые выплаты.

Средний медицинский персонал нередко остается вне фокуса кадровой политики, хотя без медицинских сестер и фельдшеров врачебные ставки не обеспечивают доступности. Удержание среднего персонала требует понятных траекторий профессионального роста и внимания к нагрузке. Расширение функций медицинской сестры на участке при ясном регламенте позволяет закрыть часть обращений без очереди к врачу и является резервом доступности первичного звена.

Качество кадров обеспечивается системой допуска к профессиональной деятельности. С 2016 года осуществляется поэтапный переход к аккредитации специалистов (ст. 69 Федерального закона № 323-ФЗ), включающей

первичную, первичную специализированную и периодическую аккредитацию [6]. Периодическая аккредитация связана с непрерывным медицинским образованием. Система повышает требования к квалификации, но увеличивает нагрузку на работающих специалистов, особенно в районах с острым дефицитом, где освободить время на обучение трудно.

Кадровая проблема тесно связана с цифровизацией. Цифровые платформы могут частично компенсировать нехватку специалистов: Д. В. Круглов и соавторы показывают, что они помогают решать проблемы доступности и качества помощи в условиях кадрового дефицита [7]. Телемедицинские консультации между районной больницей и областным центром позволяют получить мнение узкого специалиста там, где его физически нет. Однако информационные системы, увеличивающие время врача на ввод данных, усиливают дефицит. Если к бумажному документообороту добавлен экран, а прежние журналы сохранены, цифровизация становится дополнительной нагрузкой.

На федеральном уровне кадровые вопросы выделены в отдельный федеральный проект «Медицинские кадры» в составе национального проекта «Продолжительная и активная жизнь», реализуемого в 2025–2030 годах [8]. От наполнения этого проекта конкретными мерами по закреплению специалистов во многом зависит достижение национальных целей.

На основе проведенного анализа предлагается комплекс мер, приведенный в таблице 1.

Таблица 1. Предлагаемые меры кадровой политики в здравоохранении

Направление	Мера	Ожидаемый результат	Показатель
Планирование	Региональная кадровая программа на 3–5 лет по карте дефицита	Целевой набор соответствует потребности	Доля закрытых дефицитных ставок
Целевое обучение	Сопровождение от отбора до трудоустройства, обязательства обеих сторон	Меньше расторжений договоров	Доля отработавших и оставшихся
Закрепление на селе	Жилье, нагрузка, связь с районом, обучение вместе с выплатой	Специалисты остаются после обязательного срока	Доля оставшихся через 3–5 лет
Наставничество	Оплачиваемые часы, ограничение числа наставляемых	Снижение оттока молодых специалистов	Отток в первые 3 года
Средний персонал	Расширение функций по регламенту, траектории роста	Разгрузка врачей, рост доступности	Доля обращений, закрытых доврачебно
Цифровизация	Приемка МИС по времени врача на ввод данных	Снижение документационной нагрузки	Время на документацию до и после

[Составлено автором]

Главным показателем успеха кадровой политики должна быть не численность привлеченных специалистов, а доля оставшихся на рабочем месте через три–пять лет. Мониторинг оттока в первые три года после трудоустройства дает ранний сигнал о проблемах. Наставничество снижает отток молодых специалистов, если у наставника есть оплачиваемые часы и ограниченное число наставляемых. Гибкий график и освобождение от несвой-

ственной работы удерживают персонал там, где существенно поднять оклад невозможно.

Отдельного внимания требует подготовка управленческих кадров. Руководителям медицинских организаций нужны компетенции в праве, финансах и работе с данными. Региональный резерв управленческих кадров смягчает провалы при внезапном уходе сильного руководителя и снижает зависимость территории от одного-двух человек.

Таким образом, кадровый дефицит в здравоохранении имеет территориальное и структурное измерение и не может быть устранен только увеличением приема в вузы или разовыми выплатами. Эффективная государственная политика

должна связывать прогноз потребности, целевое обучение, условия жизни и работы, оплату труда, наставничество и цифровые инструменты в единый комплекс и оценивать результат по закреплению специалистов на рабочих местах.

Литература:

1. В Минздраве оценили дефицит врачей более чем в 23 тыс. человек // Парламентская газета. — 2025. — 25 февр. — URL: <https://www.pnp.ru/economics/v-minzdrave-ocenili-deficit-vrachey-bolee-chem-v-23-tys-chelovek.html> (дата обращения: 01.10.2026).
2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента РФ от 07.05.2024 № 309 // Собрание законодательства РФ. — 2024. — № 20. — Ст. 2584.
3. Иванова Н. А., Бурашникова И. П. Повышение эффективности правового регулирования целевого обучения медицинских работников как способ решения проблемы дефицита медицинских кадров // Научный вестник Омского государственного медицинского университета. — 2023. — Т. 3, № 2. — С. 30–33.
4. Головин С. В., Чуриков А. В., Красникова Е. В. Совершенствование нормативно-правовой базы региональной системы оплаты труда в сфере здравоохранения // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Экономика и управление. — 2022. — № 2. — С. 29–44.
5. Улумбекова Г. Э., Власов Я. В., Домников А. И., Гапонова Е. А. Научное обоснование необходимости увеличения оплаты труда медицинских работников в РФ // ОРГЗДРАВ: новости, мнения, обучение. Вестник ВШОУЗ. — 2023. — № 1. — URL: <https://www.vshouz.ru> (дата обращения: 01.10.2026).
6. Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации: Федер. закон от 21.11.2011 № 323-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2011. — № 48. — Ст. 6724.
7. Круглов Д. В., Резникова О. С., Цыганкова И. В., Цыганков И. В. Влияние цифровых технологий на организацию труда в сфере здравоохранения // Проблемы социальной гигиены, здравоохранения и истории медицины. — 2024. — Т. 32, № 3. — С. 311–317.
8. Паспорт национального проекта «Продолжительная и активная жизнь» // СПС «Гарант». — URL: <https://base.garant.ru/411738981/> (дата обращения: 01.10.2026).

Историческое развитие алиментных обязательств в России

Рамазанова Лаврида Рамазановна, ассистент
Астраханский государственный университет имени В. Н. Татищева

В статье рассматривается историческое развитие института алиментных обязательств в России с момента его зарождения в древнерусском праве до современного состояния. Проведён поэтапный анализ ключевых правовых актов, регулировавших внутрисемейное содержание: от норм Русской Правды и Семейному кодексу РФ 1996 года.

Ключевые слова: алиментные обязательства, история алиментного законодательства, Русская Правда, Соборное уложение, Свод законов Российской империи, советское семейное право, Семейный кодекс РФ.

Институт алиментных обязательств занимает центральное место в российском семейном праве, обладая глубокими историческими корнями и высокой социальной значимостью. Эволюция этого правового института отражает не только смену законодательных актов, но и фундаментальные изменения в понимании семейных ценностей, личной ответственности и степени государственного вмешательства в частную жизнь.

Для понимания текущего состояния системы алиментирования в РФ целесообразно провести историко-правовой анализ, структурировав процесс развития данного института по ключевым этапам [1, С.130–135].

Пройдя исторический путь от морально-религиозных предписаний обычного права Древней Руси через строго регламентированную систему принудительного взыскания советской эпохи к современному диспозитивному регулированию, российское алиментное законодательство отражает основные этапы формирования отечественной государственности.

Анализ его эволюции важен не только для историко-правового осмысления, но и для разрешения актуальных вопросов правоприменительной практики, так как значительная часть современных противоречий обусловлена глубинными историческими предпосылками.

Изучение эволюции алиментных обязательств позволяет глубже осознать предпосылки их появления, а также трансформации в правовых нормах и социальной среде, определившие становление системы алиментации. Само понятие алиментов уходит корнями в глубокую древность, когда правовые нормы и традиции закрепляли обязанность обеспечивать базовые потребности отдельных категорий лиц.

Формирование алиментных обязательств в России неразрывно связано с общинным укладом. В языческой Руси брак имел сакральное значение и создавал имущественные взаимосвязи между родами. По утверждению историка права И. Д. Беляева, в ту эпоху обязанность по содержанию воспринималась не как персональный долг, а как коллективная ответственность рода. [2, С.5–7]

Принятие христианства перевело семейные дела в юрисдикцию церкви. Кормчая книга определяла брак как «тайну от Христа Бога... во взаимную помощь». Однако первые светские нормы, закрепленные в Русской Правде (1015 г.), носили преимущественно наследственный характер. Статья 103 Русской Правды фактически связывала право на наследство с фактом прижизненного содержания наследодателя: «...кому она [мать] ее назначит... если же умрет без языка, то, у кого она жила и кто ее содержал, тому и взять ее достояние». [3, С.24]

Дети должны были обеспечивать себя пропитанием и содержать родителей вплоть до их смерти. Отказ от этой обязанности влек утрату права наследования. Подобное положение закреплялось и в статье 53 Псковской судной грамоты: сын лишался наследственных прав, если не оказывал родителям помощи либо удалялся от них.

Известный цивилист Г. Ф. Шершеневич подвергал такую практику критике, отмечая, что право на содержание в тот период выступало «придатком права наследования», а не самостоятельным требованием нуждающегося лица. [4, С.417–418]

С данной оценкой следует согласиться лишь отчасти. В условиях натурального хозяйства содержание пожилого родителя было единственным способом обеспечить передачу родовой памяти и имущества, поэтому слияние наследственных и алиментных прав было социально оправданным.

В эпоху Московского государства, и особенно с принятием Соборного уложения 1649 года, в российском праве появились первые нормы, которые можно считать прообразом современных алиментных обязательств. [3, С.141] Я бы сказала так: закон тогда не выстраивал сложную систему, как сейчас, но заложил важные основы.

В Соборном уложении действительно предусмотрены нормы о содержании родственников. Я бы отметила два главных аспекта:

Ответственность детей за отказ от содержания родителей. В главе XXII, статье 5 закреплялась санкция: детей, которые отказывались содержать своих престарелых родителей, предписывалось «бить кнутом нещадно». [5, С.289] Важно: речь шла именно об обязанности детей содер-

жать родителей. При этом закон не устанавливал симметричной обязанности родителей содержать детей — в тот период в русском праве доминировал патриархальный уклад, и приоритет отдавался родительской власти.

Гражданско-правовой механизм через передачу поместий. В той же главе (статья 9, глава XVI) предусматривался другой инструмент. Владельцы усадеб в преклонном возрасте имели возможность передать свои наделы кровным наследникам, преимущественно мужского пола, с оговоркой о пожизненном содержании. Если же наследник не выполнял взятые на себя обязательства, земля возвращалась к исходному хозяину. В данном случае мы видим типичный пример имущественной ответственности: несоблюдение договорных условий приводило к аннулированию передачи и возврату владения.

Таким образом, Соборное уложение 1649 года стало значимым этапом: оно не только утвердило наличие обязанности по содержанию близкого родственника, но и установило способы надзора и меры ответственности за её несоблюдение. Однако круг охваченных ситуаций был ограниченным — прежде всего подразумевалась забота о родителях, а не развитая система взаимных алиментных обязательств, характерная для современного законодательства.

Впервые норму об алиментных обязательствах закрепил Артикул воинский, принятый при Петре I в 1715 года. Согласно данному высказыванию, «мать с ее внебрачным ребенком должен кормить холостой мужчина, чтобы не попасть в место лишения свободы, во избежание тюрьмы». [6]

С течением времени, начиная с XVIII столетия, менялось как имущественное положение супругов, так и их взаимоотношения. Когда трон занял Николай I, в стране началась работа по упорядочению правовых норм, и уже в 1832 году был опубликован первый Свод законов Российской империи. Первый том этого документа был целиком посвящен вопросам брака, появления детей, их воспитания и семейного уклада в целом. В Своде законов было закреплено положение, согласно которому родители обязаны не только заниматься воспитанием потомства, но и обеспечивать его материально. Иначе говоря, на родителей возлагалась задача не просто кормить ребенка, но и полностью предоставлять ему одежду и прочие необходимые вещи. Подобная обязанность сохранялась до тех пор, пока дети и родители не переставали жить вместе, либо если дети сами обретали способность себя обеспечивать. При назначении выплат на содержание внебрачного ребенка учитывались финансовое положение отца и социальный статус матери. Сумма таких выплат могла быть изменена как в сторону увеличения, так и в сторону уменьшения. В статье 172 указывалось, что родители обязаны содержать своих законных детей, которые родились в браке.

Анализ эволюции алиментных обязательств в период Императорской России (XVIII — начало XX вв.) демонстрирует постепенный переход от разрозненных и си-

туативных норм к целостному законодательному регулированию семейных обязанностей, хотя данный процесс сопровождался значительным социальным расслоением.

От военных уставов к гражданскому праву. Первое упоминание алиментных норм в Артикуле воинском 1715 года имело не семейно-правовую, а скорее репрессивную и сословную направленность. Обязанность холостяка обеспечивать внебрачного ребенка служила средством поддержания морального порядка в армии и государстве, где главным побудительным фактором выступала угроза тюрьмы. В ту пору государство лишь начинало вторгаться в частную сферу, применяя жесткие фискальные и карательные механизмы.

Упорядочение и расширение круга обязанных лиц. С введением Свода законов Российской империи 1832 года наступил качественный сдвиг: обязанность по содержанию детей окончательно отделилась от уголовной угрозы и стала безусловной родительской функцией. Законодатель четко разделил воспитание и материальное обеспечение, указав, что родитель должен предоставлять ребенку все необходимое. Примечательно, что алиментная нагрузка в имперскую эпоху не ограничивалась достижением 21 года, а определялась фактической нуждой ребенка, что говорит о более гибком и человечном подходе, нежели в последующих советских нормах.

Социально-имущественная дискриминация внебрачных детей. Сословная идеология наиболее отчетливо проявилась в вопросе содержания внебрачных детей. Закон напрямую связывал размер выплат с социальным положением матери, а обязанность отца называл вспомогательной. Тем самым правовой статус ребенка зависел не от его реальных потребностей, а от репутации его родителей.

Я полагаю, что, с одной стороны, именно в XVIII-XX веках был заложен фундамент современного представления об алиментах как безусловной обязанности родителей обеспечивать жизнедеятельность потомства. С другой стороны, законодательство того времени открыто отстаивало интересы дворянства и состоятельных слоев, узаконивая дискриминацию внебрачных детей и напрямую связывая их право на жизнь с общественным положением матери. Таким образом, развитие алиментного права в Императорской России шло по пути расширения круга обязанных лиц, однако долгое время сохраняло строгий классовый и моральный фильтр.

Октябрьская революция 1917 года разрушила дореволюционную парадигму. Декреты 1917 года и Кодекс 1918 года (КЗАГС) уравнивали в правах брачных и внебрачных детей, что было беспрецедентным шагом для того времени.

Кодекс 1926 года (КЗоБСО) пошел еще дальше, признав «фактический брак». Как следствие, понятие «внебрачный ребенок» практически исчезло из правоприменительной практики. Однако это породило хаос: по данным исследователя М. В. Антокольской, к середине 1930-х годов исполнялось лишь 20 % судебных решений, так как мужчины легко отрицали отцовство в условиях отсутствия обязательной регистрации.

Реакцией государства стало Постановление ЦИК и СНК СССР 1936 года. Именно здесь был введен жесткий долевой принцип (1/4, 1/3, 1/2), который невозможно было изменить соглашением сторон.

Юрист А. М. Рабец отмечает, что введение долевого принципа в 1936 году было не актом защиты детей, а фискальной мерой государства, направленной на дисциплинирование рабочей силы и контроль за доходами граждан. [7, С.80–85.]

Данная точка зрения представляется излишне категоричной. Несмотря на фискальный интерес, введение твердых долей действительно снизило уровень детской нищеты, обеспечив минимальные гарантии выживания.

Послевоенное законодательство (Указ 1944 г.) стало шагом назад в вопросах гендерного равенства, полностью сняв с мужчин ответственность за внебрачных детей, если брак не был зарегистрирован.

Также отмечу, что существенные перемены в алиментных отношениях начались в советский период после принятия в 1967 г. Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об улучшении порядка уплаты и взыскания алиментов на содержание детей». [8] (утратил силу)

Указ позволял добровольно выплачивать алименты без решения суда: для этого следовало подать по месту работы заявление об удержании средств на содержание детей из заработной платы, стипендии, пенсии и т. д. Процедура была проще судебной, но не получила широкого распространения.

Институт алиментных обязательств получил свое дальнейшее развитие в Основах законодательства СССР и союзных республик о браке и семье (утв. Законом СССР № 2834-VII от 27.06.1968 г.). Нормативный акт закреплял особый порядок удержания алиментов, предусматривал основания для уменьшения их размера и освобождения от уплаты, а также устанавливал два способа их выплаты: добровольно — через администрацию по месту учебы или работы алиментобязанного лица либо лично — и в судебном порядке.

С установлением советской власти развивалось уголовное преследование за неуплату алиментов: УК РСФСР 1922 года предусматривал принудительные работы, лишение свободы до 6 месяцев или штраф до 500 рублей, а УК 1926 года увеличил максимальный срок лишения свободы до 2 лет и снизил штраф до 300 рублей. УК 1960 года включил в состав преступления признак злостности уклонения родителей от уплаты алиментов и предусматривал лишение свободы; дети также несли ответственность за уклонение от помощи родителям. В советскую эпоху понятие «алименты» получило официальное закрепление, а круг лиц, имеющих право на содержание, расширился за счет родственников и свойственников. Основой советской модели стала государственная защита социально уязвимых граждан, прежде всего несовершеннолетних, однако отсутствие эффективного механизма имущественной ответственности и принудительного исполнения нередко снижало реальную исполнимость алиментных обязательств.

Семейный кодекс Российской Федерации, вступивший в силу 1 марта 1996 г., стал основным актом постсоветского реформирования алиментного права, сохранившим базовую советскую конструкцию обязательства. Как отмечается в доктрине, Кодекс «сохранил преемственность норм прежнего семейного законодательства», а большинство положений об алиментах было заимствовано из советского права. [9] Долевая система (1/4, 1/3, 1/2 дохода на одного, двух, трёх и более детей), закреплённая ещё Указом Президиума Верховного Совета СССР 1967 г. и впоследствии воспроизведённая в КоБС РСФСР 1969 г., перешла в СК РФ практически в неизменном виде.

Именно эта связь времен выявила ключевую трудность постсоветской эпохи — кризис реализации. Советская модель долевых выплат базировалась на условиях полной и официально зарегистрированной работы. В реалиях рыночной экономики, расширения неформального сектора и теневой занятости, а также из-за систематических задержек зарплат в 1990-е, данный механизм утратил работоспособность для немалой части должников. Если у плательщика нет документально подтверждённого заработка или иных поступлений, назначение алиментов пропорционально доходу становится невыполнимым — «взымать просто не с чего». Семейный кодекс предлагает решение в виде фиксированной суммы (ст. 83), однако суды применяют эту меру исключительно при подтверждении

невозможности или сложности процентного взыскания, причём доказывать это приходится истцу.

При этом отсутствие дохода не снимает с родителя обязательства по содержанию детей: долг рассчитывается по средней зарплате в стране. Но такой подсчёт зачастую лишь формальность, ведь фактические доходы ответчика могут быть значительно ниже, а фактическое взыскание — абсолютно нереальным. Парадоксально, что сохранение прежней долевой схемы в новых условиях создало ситуацию, где номинально функционирующий инструмент не гарантирует действительной финансовой поддержки детей.

В заключение проведенного анализа можно сделать вывод, что исторические этапы развития законодательства об алиментах, на мой взгляд, логически вытекают один из другого и показывают нам картину генезиса развития алиментных обязательств в России.

Историко-правовой анализ алиментных обязательств в России показывает, что данный институт внутренне противоречив и непрерывно менялся под влиянием политических и экономических условий государства. Его развитие представляет собой переход от моральных и религиозных предписаний, а также власти главы семьи, через строгий государственный контроль к современному состоянию, которое сочетает в себе черты советского прошлого и требования рыночной экономики.

Литература:

1. Билдинмаа А. А., Салчак А. А. Понятие и содержание алиментных обязательств в семейном праве // Вестник Туvinского государственного университета. Социальные и гуманитарные науки. 2018. № 1. С. 130–135;
2. Беляев И. Д. Лекции по истории русского законодательства. М.: Типолитограф. С. А. Петровского и Н. П. Панина, 1879. С. 5–7.
3. Титов Ю. П. Хрестоматия по истории государства и права России. — М., 2003. С. 24.
4. Шершеневич, Габриэль Феликсович. История философии права / 1904–1905. С.417–418
5. Соборное уложение 1649 года / подготовка текста М. Н. Тихомиров, П. П. Епифанов. — М.: Изд-во Моск. ун-та, 1961. — С. 289 (Гл. XXII, ст. 5). -URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/1649/whole.htm> (дата обращения: 03.10.2026).
6. Артикул воинский от 26 апреля 1715 г. [Электронный ресурс]. - URL: <https://www.hist.msu.ru/ER/Etext/articul.htm> (дата обращения: 03.10.2026).
7. Рабец А. М. Долевой принцип в семейном праве: история и современность // Современное право. -2019. — № 2. — С. 80–85.
8. Указ Президиума Верховного Совета СССР от 21 июля 1967 г. № 1722 VII «Об улучшении порядка уплаты и взыскания алиментов на содержание детей» [утратил силу] / на основании СК РФ]
9. Семейный кодекс Российской Федерации: федер. закон от 29.12.1995 № 223-ФЗ (ред. от 23.03.2026). Доступ из справ. правовой системы «КонсультантПлюс».

Правовые последствия злоупотребления правом при признании обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения, в гражданском процессе

Романова Оксана Андреевна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

В статье рассматривается возможность применения к лицу, допустившему злоупотребление процессуальным правом при признании обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения с целью сокрытия действительных обстоятельств дела, мер гражданской процессуальной ответственности. Констатируется, что из всех предусмотренных ГПК РФ мер гражданской процессуальной ответственности, к рассматриваемому виду злоупотреблений может быть применена только компенсация за фактическую потерю времени и только при неоднократном допущении таких злоупотреблений. Делается вывод о возможности предусмотреть в ст. 68 ГПК РФ возможности возложения на лиц, допустивших такие злоупотребления процессуальными правами, обязанности выплатить судебный штраф.

Ключевые слова: судебное признание, недобросовестность, злоупотребление процессуальными правами, гражданская процессуальная ответственность, компенсация, судебный штраф, гражданское судопроизводство.

В соответствии со ст. 68 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации (далее по тексту — ГПК РФ) [1] закрепляется, что признание стороной обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения, освобождает последнюю от необходимости дальнейшего доказывания этих обстоятельств. Судебное признание, таким образом, как отмечает Н. А. Тряпочкин, возможно рассматривать как «заявленное в предусмотренной законом форме одной из сторон (третьим лицом, судебным представителем) согласие с утверждением другой стороны (третьего лица, судебного представителя), выраженное в виде подтверждения (простого или с оговоркой) действительности отдельного обстоятельства, подлинности средства доказывания или правовой квалификации определенных обстоятельств (правоотношений), адресованное суду, компетентному рассматривать данный спор» [9].

В исключительных случаях, в том числе при наличии оснований полагать, что признание совершено в целях сокрытия действительных обстоятельств дела, суд не принимает такое признание и выносит об этом соответствующее определение.

В случае, если стороной признание заявляется с целью сокрытия действительных обстоятельств дела имеет место злоупотребление процессуальным правом. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском судопроизводстве можно рассматривать в качестве особого вида процессуального правонарушения, совершаемого в форме активного действия или бездействия лицами, участвующими в деле (их представителями), умышленно и осознанно, связанного с превышением пределов реализации права и совершаемого с целью, противоречащей основным началам, целям и задачам гражданского судопроизводства, влекущего причинения вреда другим лицам или интересам правосудия. Как правило, в случае выявления судом случаев злоупотребления лицами, участвующими

в деле, своими процессуальными правами, решается вопрос о применении к таким субъектам мер гражданской процессуальной ответственности. Гражданская процессуальная ответственность предусматривается санкциями гражданских процессуальных норм и реализуется в порядке, предусмотренным процессуальным законодательством. Как отмечает М. А. Боловнев, санкцию за процессуальное нарушение можно определить как «обязанность претерпеть неблагоприятные последствия в виде лишений имущественного, личного характера, представляющие собой дополнительные обременения лица» [4, с. 170].

При этом, интерес вызывает вопрос о том, возможно ли применение мер гражданской процессуальной ответственности в случае злоупотребления правом при признании стороной обстоятельств, на которых другая сторона основывает свои требования или возражения в гражданском процессе, и какая из предусмотренных процессуальным законодательством мер ответственности может быть применена. О возможности применения штрафа как меры гражданской процессуальной ответственности говорится в ст. ст. 57, 85, 140, 159, 162, 168, 226, 431 ГПК РФ, в которых речь о судебном признании не идет. Ст. 99 ГПК РФ, предусматривающая такую меру гражданской процессуальной ответственности, как компенсация за фактическую потерю времени в целом может быть применима к случаям злоупотреблений при заявлении судебного признания, однако, диспозиция данной нормы требует не однократного, а систематического противодействия правильному и своевременному рассмотрению и разрешению дела. При этом применение данной нормы к рассматриваемым ситуациям видится весьма затруднительным, в первую очередь, в силу отсутствия конкретизации признака систематичности. Ч. Ю. Бадмаев, например, считает, что признак систематичности имеет место при допущении соответствующего нарушения три и более раз (что, по мнению автора, ограничивает си-

стематичность от неоднократности) [3]. О. В. Исаенкова и Ю. С. Борисенко считают, что систематичность в контексте рассматриваемой нормы будет иметь место уже при установлении двух и более фактов злоупотреблений процессуальными правами [5], [10]. Судебной практике известны случаи, когда суды под систематичностью в рассматриваемом случае расценивали случаи, когда сторона «неоднократно (более одного раза) умышленно использовала принадлежащее ей конкретное процессуальное право вопреки цели, для достижения которой данное процессуальное право этой стороне предоставлено...» [2]. Таким образом, получается, что применение ст. 99 ГПК РФ возможно только при недобросовестном признании обстоятельств, на которых сторона основывает свои требования или возражения два и более раза, в то время как однократное злоупотребление не будет подпадать под возможность взыскания с недобросовестной стороны компенсации за фактическую потерю времени, равно как и под возможность применения иной меры гражданской процессуальной ответственности.

При этом вполне очевидно, что злоупотребление процессуальными правами в форме недобросовестного признания обстоятельств, на которых сторона основывает свои требования или возражения, усложняет процесс познавательной деятельности суда, порождает недоверие к фактам, приводимым стороной, допустившей такое злоупотребление. Отсутствие же законодательно пред-

усмотренной возможности применения к таким лицам каких-либо процессуальных мер, влекущих для них неблагоприятные последствия, кроме того, никоим образом не выполняет превентивной функции с целью предупреждения совершения таких недобросовестных действий.

Исходя из сущности мер гражданской процессуальной ответственности, известных современному законодательству, на наш взгляд, в наибольшей мере применимой к рассматриваемым случаям является такая мера ответственности, как судебный штраф. Штрафная ответственность, как отмечают О. В. Исаенкова и А. А. Демичев, представляет собой «меру воздействия, применяемую судом в виде денежного взыскания при нарушении норм гражданского процессуального законодательства» [7, с. 164]. Аналогичным образом судебный штраф определяет и Д. Е. Зайков [6]. На наш взгляд, возложение на недобросовестную сторону обязанности уплатить судебный штраф может выступать хотя бы минимальным фактором, стимулирующим стороны к добросовестному поведению в части заявления судебного признания. В связи с этим, считается возможным дополнение ст. 68 ГПК РФ частью 4 следующего содержания: «В случае, если суд установит, что признание было совершено в целях сокрытия действительных обстоятельств дела, лицо, его заявившее, может быть подвергнуто судебному штрафу в порядке и размере, которые установлены главой 8 Настоящего Кодекса».

Литература:

1. Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации от 14 ноября 2002 г. № 138-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // Собрание законодательства РФ. — 2002. — № 46. — Ст. 4532; 2026. — № 32. — Ст. 4530.
2. Определение Краснодарского краевого суда от 23 ноября 2017 г. по делу № 33–37207/2017 // Доступ из Справ. — правовой системы «Консультант Плюс».
3. Бадмаев Ч. Ю. Взыскание компенсации за потерю времени // Советник юриста. 2010. № 3. С. 50–56.
4. Боловнев М. А. Эффективность противодействия злоупотреблениям процессуальными правами: дис. ... канд. юрид. наук. Омск, 2019.
5. Борисенко Ю. С. Проблемы взыскания компенсации за фактическую потерю времени в гражданском судопроизводстве и основные направления их устранения // Вестник ВГУ. Серия: Право. 2020. № 2 (41). С. 91–101.
6. Зайков Д. Е. Проблемы правового регулирования и практики применения судебных штрафов в гражданском судопроизводстве // Актуальные проблемы российского права. 2025. № 5. С. 108–115.
7. Исаенкова О. В., Демичев А. А. Гражданское процессуальное право России: учебник. М.: Издательство Норма, 2009.
8. Комментарий к гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. М. А. Видука. М.: Издательство Юрайт, 2014.
9. Тряпочкин Н. А. Судебное признание в цивилистическом процессе: теоретические проблемы: дис. ... канд. юрид. наук. Екатеринбург, 2022. С. 7
10. Комментарий к гражданскому процессуальному кодексу Российской Федерации / под ред. М. А. Видука. М.: Издательство Юрайт, 2014. С. 94.

Профилактическая работа органов внутренних дел с несовершеннолетними правонарушителями

Семичева Ольга Вячеславовна, студент

Дальневосточный институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России) (г. Хабаровск)

В статье раскрыты особенности работы сотрудников полиции по профилактике правонарушений несовершеннолетних. Дана характеристика несовершеннолетних, с которыми проводят работу сотрудники полиции. Описано содержание профилактических мероприятий в отношении несовершеннолетних. Раскрыты механизмы взаимодействия с иными органами государства, осуществляющими работу по профилактике правонарушений несовершеннолетних.

Ключевые слова: органы внутренних дел, правонарушения несовершеннолетних, меры профилактики, семья, факторы, внештатные сотрудники, цели и задачи.

Актуальность темы исследования продиктована нарастающей сложностью криминогенной обстановки, в которой традиционные риски дополняются новыми социальными вызовами современности, затрагивающими фундаментальные права и интересы граждан. Попытки вовлечения несовершеннолетних в совершение преступлений и правонарушений против российского государства требуют комплексных мер профилактики социально-экономического, педагогического и психологического характера. Несмотря на вовлеченность различных государственных структур в вопросы воспитания, социализации и правового просвещения молодёжи, именно на органы внутренних дел ложится основная нагрузка по предупреждению девиантного поведения и недопущению криминализации подростковой среды.

В работе органов внутренних дел профилактика правонарушений несовершеннолетних представляет собой системную деятельность, основанную на нормах Федерального закона № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних». Ее целью является реагирование на уже совершённые правонарушения несовершеннолетних, а также формирование устойчивых позитивных изменений в поведении и ценностных установках подростков. [5].

В функции органов внутренних дел вопросы профилактики реализуются в непосредственной, ежедневной работе с детьми, их семьями и окружением. Важнейшим направлением работы сотрудников полиции является выявление семей с детьми, имеющих признаки семейного неблагополучия. Для этого требуется не формальное, а содержательное воздействие: глубокое изучение личности несовершеннолетнего, особенностей его семейного окружения, социального круга и психологических характеристик. Важен анализ условий, в которых живет подросток, включая микроклимат в семье и характер влияния значимых взрослых. [1].

Получив информацию об антисанитарных условиях проживания, отсутствии контроля за поведением ребенка, его дисциплиной, качеством обучения, сотрудники полиции обязаны предпринять меры для защиты прав несовершеннолетнего. На выполнение данной задачи совместно с иными органами государства, обеспечи-

вающими профилактику правонарушений несовершеннолетних, сотрудники полиции проводят целевые рейды: «Беспризорник», «Семья», «Подросток — игла», «Улица», «Каникулы», «Группа», «Курорт» (для южных регионов) и др. При подтверждении фактов неблагополучия полицейские незамедлительно информируют территориальные комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав. Статистика показывает, что в 80 % случаев своевременное вмешательство правоохранительных органов предотвращает переход семьи в категорию, потенциально угрожающую жизни и здоровью ребенка [2].

Вторым направлением выступает индивидуальная работа с подростками, состоящими на профилактическом учете в органах внутренних дел. Объектами профилактического воздействия выступают:

- 1) лица, потребляющие наркотические средства или психотропные вещества без назначения врача либо новые потенциально опасные психоактивные вещества, либо употребляющие одурманивающие вещества, алкогольную и (или) спиртосодержащую продукцию;
- 2) лица, совершившие административные правонарушения, наказуемые по нормам федерального и регионального законодательства;
- 3) лица, освобожденные от уголовной ответственности по различным причинам (в связи с амнистией, с назначением судебного штрафа, или применением принудительных мер воспитательного воздействия), условно-досрочно освобожденные, а также получившие отсрочку отбывания наказания;
- 4) лица, совершившие уголовные преступления в возрасте до 14 лет или имеющие психические отклонения;
- 5) обвиняемые или подозреваемые в совершении преступлений, в отношении которых избраны меры пресечения, не связанные с заключением под стражу, а также осужденные к наказаниям без изоляции от общества;
- 6) освобожденные из мест лишения свободы или из специальных учебных заведений (СУВУЗТ);
- 7) беспризорные и безнадзорные дети и подростки, а также находящиеся в специальных учебно-воспитательных заведениях и др.

В 2026 году в среднем по России на учете в органах внутренних дел находилось около 180 тысяч несовер-

шеннолетних. С ними проводится системная индивидуальная работа, состоящая в изучении личности и условий жизни ребенка; проведении профилактических бесед, посещения семьи, оказание помощи в организации досуга, учебы, трудоустройства, выявлении факторов негативного воздействия. Эта работа ориентирована на коррекцию поведения, устранение причин, которые толкают подростка на противоправные действия.

Третьим направлением работы является правовое просвещение подростков и их родителей, направленное на информирование об опасности совершения правонарушений и преступлений. Такую работу сотрудники ОВД проводят в образовательных организациях и во время личных встреч с подростками. В школах и иных образовательных организациях проводятся занятия информационного характера, на которых разъясняются положения российского законодательства о рисках совершения преступлений, о последствиях в виде административной и уголовной ответственности, о правилах безопасного поведения в цифровой среде. По статистике МВД, более 60 % правонарушений несовершеннолетних в 2025 году были связаны с интернет-коммуникацией, что требует акцента на профилактике кибербуллинга и распространения запрещенного контента. Поэтому данное направление является значимым в работе органов внутренних дел.

В современных условиях на несовершеннолетних оказывают воздействие деструктивные организации в киберпространстве. Задачей органов внутренних дел является недопущение негативного воздействия на подростков и предостережение совершения ими противоправных действий. Статистика 2024–2026 годов демонстрирует устойчивую тенденцию к росту подростковой киберпреступности, многие преступления совершаются под воздействием взрослых. Рост подростков-дропперов (рост в 48 раз) и участников организованных групп (+78 %) указывает на то, что взрослые активно вовлекают несовершеннолетних в совершение преступлений и антиобщественных действий. Особо опасными примерами являются преступления, совершаемые несовершеннолетними против государственной безопасности. По данным МВД и СК РФ, в 2025–2026 годах наблюдался рост числа уголовных дел по составам, связанным с посягательством на государственную безопасность, где фигурантами выступали несовершеннолетние. На 70,3 % выросло число преступлений террористического характера, совершённых с участием подростков в 2026 г (в 2025 году — 266 зарегистрированных эпизодов). [3]

Ключевым элементом системы воздействия выступает мониторинг интернет-пространства, реализуемый подразделениями по делам несовершеннолетних (ПДН) и профильными оперативными подразделениями. Его цель — своевременное выявление маркеров девиантного поведения и признаков вовлечения подростков в деструктивные сообщества и террористическую деятельность. В рамках данного направления осуществляется как индивидуальная работа с самим подростками, так и иденти-

фикация сообществ и ресурсов, распространяющих контент, способный причинить вред психическому и физическому развитию несовершеннолетних. Эмпирические данные свидетельствуют о результативности такого подхода: например, в Мурманской области в рамках межведомственного взаимодействия по заявкам территориальных органов МВД было выявлено 93 Интернет-ресурса с противоправным контентом, 71 из которых впоследствии заблокирован по линии Роскомнадзора. [6]

Важным направлением профилактической работы органов внутренних дел является выявление несовершеннолетних, совершивших преступления и правонарушения. Для этого сотрудники подразделений по делам несовершеннолетних используют методы оперативного наблюдения, проводят проверку сведений по криминалистическим учетам, а также получают информацию из иных источников.

Во всех регионах Российской Федерации ежегодно проводится комплексная межведомственная профилактическая операция «Подросток». В ней принимают участие органы внутренних дел, представители комиссий по делам несовершеннолетних и защите их прав, органы опеки и попечительства, социальной защиты, здравоохранения, образования, труда и занятости, общественные организации и средства массовой информации. В ходе операции выявляются безнадзорные дети, склонные к бродяжничеству, попрошайничеству.

В рамках такой операции **собираются сведения о поведении подростков; об опыте нарушения социальных норм; о степени самостоятельности действий в таких ситуациях; о мотивах и целях противоправных поступков; о личном отношении к совершенному деянию; о системе ценностей, нравственных и правовых взглядов; о сформировавшихся привычках и навыках значимого в нравственном и правовом отношении поведения и др. Также решается вопрос о состоянии психического и физического здоровья ребенка. Выявляются признаки, свидетельствующие о его психической неполноценности, о задержке умственного развития, об особенностях эмоциональной и волевой сфер и др.**

Эффективность мер воздействия напрямую зависит от координации усилий участников системы профилактики правонарушений несовершеннолетних. Органы внутренних дел в своей работе опираются на поддержку родителей. С ними важно вести разъяснительную работу, показывая последствия недостатков воспитания, активного влияния асоциальных групп, способов вовлечения подростков в противоправную деятельность. Тем самым родители вовлекаются в деятельность по воспитанию подростков.

Образовательные организации вовлекаются в совместную деятельность по проведению воспитательных мероприятий, уроков кибербезопасности, коллоквиумов и иных форм работы. Совместными усилиями могут быть заданы стандарты критического отношения к предложениям деструктивных и террористических организаций. Совместно с органами опеки, комиссиями по делам несовершеннолетних и защите их прав, а также профильными

ведомствами ведется работа органов внутренних дел по обеспечению комплексного сопровождения подростка и оперативного пресечения распространения противоправного контента.

В МВД России уделяется большое внимание информационно-пропагандистскому сопровождению работы с несовершеннолетними. Министерство внутренних дел РФ разработало «Программу информационно-пропагандистской работы в сфере профилактики беспризорности, безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних в Российской Федерации». Ее цель — достичь эффективной поддержки правоохранительных органов со стороны организаций и лиц, представляющих государственные, законодательные и общественные институты, показать работу сотрудников полиции в данной сфере как ответственную социальную миссию.

Сотрудники полиции также проводят работу по отбору и оформлению в установленном порядке внештатных со-

трудников полиции, оказывающих содействие ПДН, осуществляют руководство их деятельностью. Устанавливают с помощью сотрудников других подразделений территориального органа МВД России обстоятельства, связанные с приобретением и употреблением несовершеннолетними алкогольной и (или) спиртосодержащей продукции, употреблением наркотических средств или психотропных веществ без назначения врача либо одурманивающих веществ. [5]

Таким образом, профилактика правонарушений несовершеннолетних в деятельности полиции представляет собой деятельность по снижению делинквентных проявлений личности подростка. Для этого предпринимаются профилактические мероприятия как в отношении подростков, так и их родителей. К профилактическим мероприятиям сотрудники полиции привлекают работников социальных служб, а также внештатных сотрудников полиции.

Литература:

1. Бурнашева К. Н., Алексеева П. С. Анализ превентивной работы с несовершеннолетними правонарушителями // Девиации в обществе: риски современного мира: тезисы докладов Всероссийской научно-практической конференции с международным участием. М., 2019. С. 165.
2. Ивановский А. Ю. Современные специальные меры профилактики преступности несовершеннолетних // Тамбовские правовые чтения имени Ф. Н. Плевако материалы III Международной научно-практической конференции: в 2 т. Тамбов, 2019. С. 369.
3. МВД заявило о резком росте числа подростков-дроперов <https://www.rbc.ru/society/22/09/2026/6ab295a99a79470a5913c460>
4. Поликарпова Е. В. Роль участкового уполномоченного полиции в осуществлении контроля за поведением несовершеннолетних, состоящих на профилактическом учете // Сборник научных трудов по итогам XIII Всероссийской конференции «Правопорядок в России: проблемы совершенствования». М., 2019. С. 76.
5. Сухарев Д. А. Задачи органов внутренних дел по борьбе с правонарушениями несовершеннолетних // Ex jure. 2019. № 8. С. 41.
6. Число киберпреступлений с участием детей выросло в 74 раза в России <https://ren.tv/news/v-rossii/1281188-chislo-kiberprestuplenii-s-uchastiem-detei-vyroslo-v-74-raza-v-rossii>

Проблема установления поводов и оснований возбуждения уголовных дел по преступлениям с использованием электронных средств платежа

Сергеев Богдан Игоревич, студент магистратуры

Научный руководитель: Балугина Татьяна Сергеевна, кандидат юридических наук, доцент
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

В рамках данной статьи рассмотрению подлежат проблемы, которые возникают в стадии возбуждения дела по преступлениям, которые совершены с использованием электронных средств платежа. Автор проводит анализ особенностей поводов и оснований для инициации уголовного преследования. Важное внимание уделяется проблемам сбора информации первичного характера, установлению электронных следов, а также разграничению законных переводов и незаконных транзакций.

Ключевые слова: возбуждение уголовного дела, электронные средства платежа, киберпреступность, уголовный процесс, поводы, основания, хищение, цифровые следы, финансовые махинации, банковские карты.

The problem of establishing the reasons and grounds for initiating criminal cases on crimes involving the use of electronic means of payment

Sergeev Bogdan Igorevich, master's degree student

Scientific advisor: Balugina Tatiana Sergeevna, candidate of law, associate professor
Kuban State University (Krasnodar)

This article examines the issues that arise during the initiation of criminal proceedings for crimes committed using electronic payment instruments. The author analyzes the specific reasons and grounds for initiating criminal prosecution. Particular attention is paid to the challenges of collecting primary information, establishing electronic traces, and distinguishing between legitimate transfers and illegal transactions.

Keywords: initiation of criminal proceedings, electronic payment instruments, cybercrime, criminal proceedings, reasons, grounds, theft, digital traces, financial fraud, bank cards.

По статистике, наиболее частым поводом для возбуждения уголовного дела по ст. 187 УК РФ в соответствии с положениями статьи 140 УПК РФ выступает заявление о преступлении [1, с. 5]. На втором месте стоит представление информации правоохранительными органами, далее — сообщения ревизионных органов, компетентных в узконаправленных областях. Поводы и основания возбуждения уголовного дела регулируются статьей 140 УПК РФ. Для установления признаков субъекта, объекта и объективной стороны преступления проводится подробная проверка поступившей информации. Зачастую уже на стадии проверки формируются основные следственные версии.

К типичным следственным версиям относятся: во-первых, совершено ли конкретное преступление должностным лицом организации; во-вторых, возможно ли совершение преступления иным лицом; в-третьих, относится ли деяние к преступлению, предусмотренному ст. 187 УК РФ; в-четвертых, имеет ли место оговор, то есть заведомо ложное сообщение; в-пятых, правильно ли оценен с правовой точки зрения проверяемый факт заявителем, поскольку квалификация преступных деяний имеет множество нюансов и сложностей.

В некоторых случаях преступления в сфере электронных средств платежа тесно переплетаются с коррупционными преступлениями. По этой причине лица, совершающие противоправные деяния по ст. 187 УК РФ, нередко дают взятки должностным лицам либо поддерживают с ними тесные связи. Проявляется это в следующем:

- ускорение проведения соответствующих процессуальных действий;
- нарушение порядка делопроизводства (поступления, регистрации документов);
- внеочередное рассмотрение спора, нарушение установленных правил оформления документов;
- ускоренная подготовка документов к их рассмотрению.

Иными словами, любое отклонение от законодательно установленного порядка осуществления полномочий должностного лица может быть признаком как коррупционного преступления, так и любого из исследуемых

[2]. Кроме того, существует метод выявления преступных деяний по ст. 187 УК РФ «методом от противного».

Экономическое положение лица, занимающегося определённой деятельностью, также может свидетельствовать о причастности к преступным деяниям. Например, необоснованно высокий уровень жизни семьи потенциального подозреваемого, наличие ценностей, элитной недвижимости и так далее. Иными словами, расходы семьи превышают ее доходы, причём, как правило, в значительном размере.

Очень часто в заявлениях или иных сообщениях о преступлениях по ст. 187 УК РФ не хватает данных, чтобы установить полноту признаков состава указанных преступлений. Информация подобного рода представляется в письменной и устной форме.

В таких случаях следует направлять запросы о предоставлении конкретных сведений из соответствующих организаций с целью получения полной информации. Нередко обращаются к лицам, обладающим специальными знаниями в той или иной области экономической деятельности.

Рекомендуется дополнительно получить материалы об указанном в заявлении лице из правоохранительных органов. По возможности следует собрать как можно больше информации от лиц, которые могут быть причастны к указанному в заявлении факту. На следователя возлагается обязанность организовать проверку таким образом, чтобы потенциальные подозреваемые не могли узнать о проводимых мероприятиях.

При проверке сведений следователю необходимо выполнить комплекс следующих действий.

Во-первых, системно изучить информацию о структуре незаконной деятельности лица, а также об условиях его деятельности по месту работы [5, с. 66]. Параллельно необходимо проверить должностных лиц уполномоченных органов, обладающих полномочиями по надзору в той сфере экономики, в которой совершаются преступления, на предмет установления коррупционных связей.

Для полноты картины следует проанализировать функции учреждения, порядок делопроизводства, состояние контроля и учета, финансовое, организационное и управленческое состояние деятельности организации.

Во-вторых, тщательно ознакомиться с материалами проверок или ранее расследовавшихся уголовных дел, хранящихся в архивах правоохранительных органов, на проверяемых лиц, с целью выявления подробной информации.

В-третьих, для повышения качества расследования целесообразно проведение документарных проверок, исследований документов, ревизий, предметов. Для правильного восприятия специфической информации к этим мероприятиям следует привлекать профильных специалистов.

В-четвёртых, рекомендуется использовать информацию, представляемую оперативными сотрудниками и полученную в рамках проведения оперативно-розыскных мероприятий. Важнейшими из них являются:

- опросы (заявителя, иных лиц) на предмет установления обстоятельств, имеющих существенное значение для проверки;
- оперативное наблюдение, проводимое на рабочем месте лица, в автомобиле и так далее, с применением технических средств фиксации;
- наведение справок;
- прослушивание и фиксация телефонных переговоров;
- оперативное внедрение в среду, в которой осуществляется профессиональная деятельность лица;
- обследование отдельных помещений на предмет выявления следов преступления (например, служебного кабинета).

В первую очередь следователь должен установить, на какой стадии находится преступление: имеет ли место устойчивое и длящееся нарушение закона или речь идёт о единичном деянии. Если преступление находится на стадии подготовки, проводится оперативный эксперимент, в рамках которого под строжайшим оперативным контролем лицо задерживается с поличным после совершения преступного деяния.

Данные, которые в большинстве случаев получают оперативным путём и которые в дальнейшем требуют детального расследования, учитываются при возбуждении уголовного дела. К ним относятся следующие: дружеские отношения между лицами, проявляющиеся в совместном проведении свободного от работы времени; образ жизни лица или его семьи, не соответствующий их доходам; наличие во владении лица (дома, на работе, в автомобиле) крупных денежных сумм и иных ценностей, превышающих возможность их накопления законным путем; факты выполнения определённых работ (ремонт транспорта, квартир, строительство объектов недвижимости) для удовлетворения имущественных интересов лица за счёт средств и силами подконтрольных лиц; обеспечение лица, а также членов его семьи благами из соответствующих фондов предприятия (например, квартирами, автомобилями, путёвками).

Информация, собранная в ходе проверки, с правовой точки зрения оценивается с позиции достаточности материалов для возбуждения уголовного дела. После этого следователь принимает решение об отказе либо о воз-

буждении уголовного дела. Практика применения положений ст. 187 УК РФ и множество научных исследований, проведённых ранее, свидетельствуют об определённых трудностях в понимании сущности предмета преступного деяния. Проанализировав содержание диспозиции ст. 187 УК РФ, можно выделить следующий перечень предметов:

- платёжные карты;
- средства оплаты;
- распоряжения о переводе денежных средств;
- электронные носители информации;
- компьютерные программы;
- технические устройства.

Рассмотрим правовой статус и содержание указанных элементов.

Б. И. Сергеев справедливо указывал на необходимость применения термина «фиктивный» вместо «поддельный», поскольку последний по своей сущности означает исключительно внешнее сходство объекта материального мира с оригиналом [3, с. 65]. Однако в правоприменительной практике указанный аспект не вызывает проблем, хотя с позиции содержательной и юридической техники такая ситуация не вполне корректна.

Подделка средства платежа — это его изготовление неуполномоченным лицом либо внесение в него заведомо недостоверной информации, не соответствующей воле создателя. Следовательно, подделку может совершить исключительно лицо, неуполномоченное на эмиссию. Из этого возникает вопрос, связанный с синтаксической конструкцией ст. 187 УК РФ: подделкой может являться лишь часть исследуемых предметов. Например, распоряжения о переводе денежных средств, платёжные карты, средства и документы оплаты.

К данным предметам напрямую относятся следующие документы: платёжные поручения-требования, платёжные поручения, инкассо, инкассовые поручения, банковские и платёжные ордера, электронные денежные средства. Что касается остальных предметов, предусмотренных ст. 187 УК РФ, — компьютерных программ, технических устройств, электронных носителей информации, электронных средств, — следует отметить, что к ним неприменим термин «поддельный».

Необходимо отметить, что диспозиция данной правовой нормы содержит союз «а также», разделяя её на две составные части: первая — признаки поддельности, вторая — предназначение для неправомерного перевода, приёма либо выдачи денежных средств. На основании анализа правоприменительной практики следует отметить, что в качестве предмета преступления выступают платёжные средства, относящиеся ко второй части диспозиции.

Под электронными носителями информации О. В. Кузьмина и М. М. Скотникова понимают специально предназначенные для совершения преступления устройства, позволяющие осуществлять неправомерное хранение и сбор информации [4, с. 5]. Однако на практике иногда возникают ситуации, когда таковыми признаются предметы, имеющие легальное происхождение и назначение.

Проанализировав обозначенную ситуацию, заметим, что в науке выстроена достаточно понятная система отнесения определённых предметов к электронным средствам и носителям информации, предусмотренным ст. 187 УК РФ. Как правило, к электронным средствам относятся следующие элементы:

- ключи электронных подписей;
- электронная цифровая подпись;
- банковская карта;
- абонентский номер мобильного телефона;
- код подтверждения в системе;
- одноразовые SMS-пароли;
- логин и одноразовый пароль в виде SMS-сообщения.

Указанные предметы по своей сущности соответствуют действительности, однако с течением времени появляются всё новые формы, поэтому называть закрытый перечень некорректно.

USB-токен в большинстве случаев рассматривается как электронный носитель информации, на котором содержатся определённые сведения — пароль и логин — для осуществления платёжных действий.

В некоторых случаях судебные органы относят к данной категории SMS-пароли и банковские карты. Они являются аналогом собственноручной подписи и обеспечивают доступ к электронным носителям, однако это скорее исключение.

Двойственность предмета обусловлена его двуединой сущностью, которая выражается через единство электронного средства платежа и носителя информации. Электронное платёжное средство имеет виртуальный характер, но существует на материальном носителе — электронном носителе информации.

В качестве примера можно привести логин и пароль для осуществления платёжных действий, которые записываются на электронный носитель информации — ключ электронной подписи на флэш-карте или USB-токен.

Таким образом, возбуждение уголовного дела является важной стадией всего процесса расследования преступлений по ст. 187 УК РФ. В связи с этим необходимо обратить внимание на обозначенные в ходе исследования проблемы для рационального построения системы расследования правонарушений.

Литература:

1. Терских А. И. Неправомерный оборот электронных средств платежа: к вопросу о предмете преступления // Российское право: образование, практика, наука. 2025. № 5. С. 5–12.
2. Отмывание преступных доходов, полученных от коррупционных преступлений и преступлений против интересов государственной службы [Электронный ресурс]. — Режим доступа: [https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/Public_typology_reports/WGTYP_\(2023\)_7_rev_1_rus.pdf](https://eurasiangroup.org/files/uploads/files/Public_typology_reports/WGTYP_(2023)_7_rev_1_rus.pdf) (дата обращения: 23.01.2026).
3. Сергеев Б. И. Обстоятельства, подлежащие установлению при расследовании преступлений в сфере электронных средств платежа // Молодой учёный. 2025. № 28 (579). С. 178–189.
4. Кузьмина О. В., Скотникова М. М. Электронное уголовное дело: зарубежный опыт и перспективы внедрения в российский уголовный процесс // Вестник Костромского государственного университета. 2024. № 4. С. 173–177.
5. Чельшева О. В. Учебник по криминалистике. М., 2023.

Сравнительно-правовой анализ административной ответственности за нарушения таможенных правил в государствах — членах ЕАЭС: на пути к гармонизации

Сивая Мария Викторовна, студент

Научный руководитель: Терентьев Роман Владимирович, кандидат юридических наук, доцент
Северо-Западный филиал Российского государственного университета правосудия имени В. М. Лебедева (г. Санкт-Петербург)

В статье характеризуются различия в подходах к установлению административной ответственности за нарушения таможенных правил в России, Беларуси и Казахстане. На базе анализа и оценки национальных кодексов об административных правонарушениях отражаются расхождения в размерных показателях санкций, параметрах разграничения составов и системах освобождения от ответственности. Обосновывается необходимость совершенствования законодательства государств-членов ЕАЭС, а также проектируются конкретные направления в рамках такой работы.

Ключевые слова: административная ответственность, таможенные правонарушения, ЕАЭС, гармонизация законодательства, сравнительное правоведение, недекларирование товаров.

Функционирование Евразийского экономического союза (ЕАЭС) подразумевает свободное перемещение товаров в рамках единой таможенной территории.

Тем не менее, единое таможенное регулирование вовсе не означает единообразие в решении вопросов юридической ответственности. В частности, установление и приме-

нение мер административного принуждения за нарушение таможенных правил по-прежнему остается в ведении законодательств национального уровня. Как справедливо отмечается в Консультативном заключении Суда ЕАЭС от 13 января 2026 года, условия и порядки внедрения мер ответственности, в том числе конфискации, на сегодняшний день остаются в ведении государств-членов Союза.

В рамках данной ситуации можно говорить о том, что различные подходы к установлению мер ответственности за таможенные правонарушения приводят к существенным затруднениям для участников внешнеэкономической деятельности. Так, одно и то же деяние в Армении, Белоруссии, Казахстане, Киргизии и России, может влечь за собой различного рода последствия, что затрудняет прогнозирование предпринимательских рисков.

Основа предпринятого исследования состоит в проведении сравнительного анализа административной ответственности за нарушение таможенных правил в трех из пяти государствах ЕАЭС, а также в обосновании необходимости выработки единых норм и стандартов. В исследовании охарактеризовано законодательство Беларуси, Казахстана и России.

В качестве основного состава административных правонарушений в таможенном деле выступает недекларирование или недостоверное декларирование товаров. В России состав правонарушения закреплен в рамках ст. 16.2 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях (далее — КоАП РФ). В Беларуси аналогичные положения содержатся в ст. 15.5 Кодекса Республики Беларусь об административных правонарушениях (далее — КоАП РБ). В Казахстане действует статья 551 Кодекса Республики Казахстан об административных правонарушениях (далее — КоАП РК).

В Республике Беларусь ответственность за недекларирование установлена в ст. 15.5 КоАП РБ. Ответственность по ней наступает лишь тогда, когда указанные действия послужили либо могли послужить основанием для освобождения от уплаты таможенных платежей, а также для занижения их размера или неприменения запретов и ограничений, состав правонарушения материальный. Говоря простыми словами, формальное несовпадение данных о товаре само по себе не влечет образование состава правонарушения, важен реальный или потенциальный фискальный либо регуляторный ущерб.

Санкция статьи 15.5 КоАП Республики Беларусь составляет от 5 до 30 базовых величин для физических лиц и до 30 % от стоимости предмета правонарушения для индивидуальных предпринимателей, а также для юридических лиц.

Принципиальное отличие КоАП РБ от российского и казахстанского законодательства состоит в том, что в нем есть ст. 3.5, в рамках которой исключается признание деяния административным правонарушением при условии, если будут устранены нарушения, и возмещен причиненный вред в строго установленные временные рамки [1].

Согласно статье 3.5 КоАП Республики Беларусь, административными правонарушениями не являются деяния, которые связаны с неуплатой или неполной уплатой таможенных платежей, в ситуации, если сумма задолженности составляет не более 1 % от сумм, подлежащих уплате за год, при этом важно, чтобы нарушение было устранено не позднее 10 рабочих дней с момента вручения соответствующего акта проверки.

Рассматриваемый механизм выступает эффективным превентивным инструментом, потому как способствует стимулированию участников ВЭД самостоятельно исправлять допущенные ошибки.

Конфискация в РБ по статье 15.5 КоАП РБ применяется только в отношении физических лиц и только за недекларирование наличных денежных средств. В свою очередь, за недекларирование товаров и недостоверное декларирование конфискация не предусмотрена.

В КоАП РФ ответственность за недекларирование и недостоверное декларирование предусмотрено частями 1 и 2 ст. 16.2 КоАП РФ, при этом состав ч. 1 ст. 16.2. КоАП РФ (недекларирование) — формальный, ответственность может устанавливаться и при отсутствии неуплаты таможенных пошлин.

Одной из наиболее острых проблем российского правоприменения является разграничение частей 1 и 2 статьи 16.2 КоАП РФ. Верховный Суд РФ в Обзоре судебной практики № 1 от 2025 года указал, что в случае декларирования товара в соответствии с количественными параметрами полностью, и при недостоверных данных о качественных характеристиках, содеянным образует состав по ч. 2 ст. 16.2, а не по ч. 1. При этом открытым остается вопрос о подмене одного товара другим, как квалифицирующего признака ч. 1 ст. 16.2. Ответственность по ч. 2 наступает лишь при условии, что недостоверное декларирование влечет или могло повлечь занижение сумм таможенных платежей. КоАП РФ предусматривает нормы, предусматривающие освобождение от ответственности для добросовестных предпринимателей, которые самостоятельно выявили правонарушение. При выявлении правонарушения таможенными органами (в отличие от норм КоАП РБ) освобождение от ответственности невозможно. Порог для признания деяния правонарушением присутствует только для ч. 2 ст. 16.2. КоАП РФ. [2].

Российское законодательство предусматривает ответственность за недекларирование товаров в виде штрафа в размере от 50 до 200 процентов от стоимости предмета административного правонарушения, т. е. всей партии товаров, что в разы (а иногда и на порядок) отличается от санкций иных государств членов ЕАЭС. Кроме этого ч. 1 и 2 ст. 16.2. КоАП РФ предусматривают конфискацию предмета административного правонарушения в качестве как основного и дополнительного наказания. Применение конфискации сталкивается с рядом проблем и коллизий. Например, она не распространяется на те товары, которые были изъяты из оборота.

На практике все это приводит к появлению проблемы, при которой таможенные органы направляют в суды материалы дел о конфискации товаров, которые в силу закона не могут быть в обороте и подлежат уничтожению либо обращению в собственность государства другим способом [3]. Конфискация может применяться и самостоятельно, и совместно со штрафом, а также в отношении товаров, которые были изъяты не у собственников. Основной трудностью здесь является то, что в действующем законодательстве отсутствуют четкие критерии, определяющие основание и порядок применения конфискации.

В Республике Казахстан недекларирование и недостоверное декларирование образуют единый состав правонарушения, предусматривающий неуплату таможенных платежей. В Казахстане в статье 551 КоАП РК за первое нарушение предусмотрен штраф 25 % от суммы неуплаченных таможенных платежей, налогов и пошлин, а при повторном нарушении — 50 % от суммы [4].

По статье 551 КоАП РК за недекларирование или недостоверное декларирование конфискация не применяется, а назначаются штрафы.

На основании проделанной работы можно сформулировать вывод о том, что административная ответствен-

ность за нарушение таможенных правил в России, Беларуси и Казахстане основана на различных подходах. Можно констатировать наличие существенных различий в подходах к определению размера санкций, возможности применения такой меры ответственности как конфискация, к возможности разделения составов недекларирования и недостоверного декларирования.

Проведенное исследование позволяет предположить, что процессу дальнейшей интеграции в рамках ЕАЭС будет способствовать установление единых стандартов в сфере применения мер административной ответственности, которые могут стать частью уже существующего Договора об особенностях уголовной и административной ответственности за нарушения таможенного законодательства таможенного союза и государств — членов таможенного союза 2010 года или нового соглашения.

На наш взгляд, такие стандарты должны предусматривать максимальный размер санкций за недекларирование и недостоверное декларирование, критерии назначения такого наказания, как конфискация предмета и орудия административного правонарушения, критерии, которые позволяют освободить от ответственности добросовестного участника ВЭД в случае выявления незначительных ошибок.

Литература:

1. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ: в ред. от 26.07.2026.
2. Калымбетова, Д. А. Административная ответственность за недекларирование товаров в странах ЕАЭС: сравнительно-правовой анализ и перспективы унификации // Международный журнал экспериментального образования. — 2025. — № 1. — С. 39–43.
3. Клейменова, А. Н. Сравнительно-правовой анализ административной ответственности в области таможенного дела в Евразийском экономическом союзе // Административное и муниципальное право. — 2023. — № 4. — С. 80–88.
4. Коровяковский, Д. Г. Некоторые вопросы административной и уголовной ответственности за таможенные нарушения в государствах-членах ЕАЭС (на примере Республики Армения и Республики Киргизия) // Таможенное дело. — 2023. — № 2. — С. 33–34.
5. Гуменюк, В. П. Меры административной ответственности за нарушение таможенных правил в странах-участниках ЕАЭС // Евразийский юридический журнал. — 2020. — № 2 (141).

Значение амнистии и помилования в системе уголовно-поощрительных мер

Таранченко Инесса Павловна, студент магистратуры
Кубанский государственный университет (г. Краснодар)

Гуманизация уголовного законодательства является приоритетным направлением и одним из главенствующих принципов уголовного права, который закреплен в ст. 7 Уголовного кодекса Российской Федерации [1] (далее — УК РФ). В соответствии с принципом гуманизма действуют такие институты как амнистия и помилование. Предназначение данных институтов не столько в том, чтобы освободить виновное лицо от ответственности,

сколько в том, чтобы предоставить ему возможность в дальнейшем вести законопослушный образ жизни, исключив все те негативные последствия, которые наступают после привлечения субъекта к уголовной ответственности. В этом и проявляется человечность, а права и свободы человека и гражданина при осуществлении амнистии и помилования признаются высшей ценностью, в связи с чем, данные институты и были введены

в систему уголовно-правовых мер, направленных на освобождение от уголовной ответственности и наказания, а также снятия судимости.

Определение значения и роли амнистии и помилования невозможно без учета статистических данных, которые показывают, насколько данные институты эффективны и как часто применяются на практике.

Что касается амнистии, то в 2023 г. по данным сайта Судебной статистики РФ всего было освобождено 27 осужденных [2]. Примечательно, что в 2024 г. в России не было принято ни одного акта об амнистии. Данное обстоятельство было вызвано изменениями в политической обстановке страны, в том числе внесением изменением в УК РФ в части введения новой статьи «Статья 78.1. Освобождение от уголовной ответственности в связи с призывом на военную службу в период мобилизации или в военное время либо заключением в период мобилизации, в период военного положения или в военное время контракта о прохождении военной службы, а равно в связи с прохождением военной службы в указанные периоды или время» [3].

В настоящее время разрабатываются проекты постановлений об объявлении амнистии, приуроченных к Международному женскому дню [4] и в связи с празднованием 80-летия Победы в Великой Ответственной войне 1941–1945 годов [5]. Однако они до сих пор находятся на рассмотрении Комитета Государственной Думы.

Официальные статистические данные о числе помилованных лиц отсутствуют. По данным Совета при губернаторе Краснодарского края по развитию гражданского общества и правам человека за 2024 г. комиссией по вопросам помилования на территории Краснодарского края проведено 10 заседаний, на которых были рассмотрены 79 ходатайств осужденных о помиловании. В отношении четырех осужденных Президентом РФ изданы Указы о помиловании. Трое из указанных осужденных освобождены от отбывания наказания в виде лишения свободы, один — от отбывания наказания в виде обязательных работ [6].

Приведенные показатели являются не столь впечатляющими, в связи с этим, необходимо обратиться к разрешению вопроса о значении институтов амнистии и помилования, а также ответить на вопрос о целесообразности институтов в качестве мер поощрения и эффективности в настоящее время.

Если говорить о значении амнистии и помилования в системе поощрительных мер, предусмотренных уголовным законодательством, то первое, на что необходимо обратить внимание — это место, которое отведено данным институтам в системе уголовно-поощрительных мер. Для этого необходимо обратиться к классификации данных мер и определить принадлежность амнистии и помилования к тому или иному виду поощрительных мер. Так, В. А. Елеонский предлагает следующую классификацию:

— меры, направленные на поощрение социально-правовой активности личности, куда относятся нормы, включающие преступность деяния, в частности нормы

о необходимой обороне, задержании преступника, крайней необходимости и т.д. (Гл. 8 УК РФ);

— меры, направленные на поощрение отказа от дальнейшей преступной деятельности, в частности освобождение лица от уголовной ответственности в связи с добровольным отказом от преступления (ст. 31 УК РФ);

— меры, поощряющие исправление и перевоспитание осужденных, к которым в частности относятся нормы об амнистии и помиловании (ст. 84, 85 УК РФ) [7].

Данная классификация поощрительных уголовно-правовых норм, связанных с освобождением от уголовной ответственности и наказания, позволяет определить роль амнистии и помилования через такие характеристики как:

1. содержание характера юридический предписаний. Данные институты урегулированы общими нормами;
2. время совершения преступления. Амнистия и помилование применяются после совершения преступления;
3. содержание стимула. Нормы об амнистии и помиловании следует отнести к единовременным, которые применяются с ограничениями, при наличии нефиксированных стимулов;
4. правовые последствия. При применении актов амнистии и помилования осужденный подлежит освобождению от уголовной ответственности, наказания либо снимается судимость, в связи с чем, данные институты направлены на устранение обременений.

Следует обратить внимание, что среди всех имеющихся уголовно-поощрительных норм, нормы об амнистии и помиловании помещены в отдельную главу УК РФ (Гл. 13 УК РФ). Они не относятся к группам норм, исключающих преступность деяния, освобождающих от уголовной или наказания. Амнистия и помилования выступают самостоятельными институтами, которые предусматривают целый комплекс правовых последствий. Так, по акту об амнистии в соответствии со ч. 2 ст. 84 УК РФ лица, совершившие преступления, могут быть освобождены от уголовной ответственности. При этом, лица, осужденные за совершение преступлений, могут быть освобождены от наказания, либо назначенное им наказание может быть сокращено или заменено более мягким видом наказания, либо такие лица могут быть освобождены от дополнительного вида наказания. Также допускается возможность снятия судимости с лиц, отбывших наказание.

При издании акта о помиловании согласно ч. 2 ст. 85 УК РФ лицо, осужденное за преступление, может быть освобождено от дальнейшего отбывания наказания либо назначенное ему наказание может быть сокращено или заменено более мягким видом наказания. Также с лица, отбывшего наказание, актом помилования может быть снята судимость.

Таким образом, институты амнистии и помилования предоставляют широкие возможности для государства и лиц, совершивших преступления, а также их родственников, в реализации принципа гуманизма с одной стороны, но порождают неоднозначную реакцию общественности, с другой.

Ответ на вопрос о целесообразности и эффективности институтов амнистии и помилования должен быть рассмотрен дифференцировано с точки зрения отличия содержания данных поощрительных мер. Так, помилование представляется более эффективным и целесообразным средством поощрения лиц, совершивших преступления, так как акт о помиловании имеет индивидуально-определенный характер, что нельзя сказать об амнистии, которая объявляется в отношении индивидуально-неопределенного круга лиц, но с установлением определенных критериев и границ (категория преступления, вид наказания и т. д.). При помиловании каждый осужденный подвергается тщательному изучению, его поведение и поступки оцениваются с максимальной детальностью. К тому же, велика статистика уровня рецидива среди лиц,

которые попали под амнистию [8]. В связи с чем, по нашему мнению, помилование является более предпочтительным средством поощрения, нежели амнистия.

Таким образом, следует заключить, что амнистия и помилование как институты, предусматривающие уголовно-поощрение, имеют двойственное значение. С одной стороны, их наличие в системе поощрительных мер и вообще в уголовном законодательстве говорит о высокой степени гуманизации, с другой относительно невысокие количественные показатели и частота применения данных институтов, а также негативная реакция со стороны общества, свидетельствует об их низкой эффективности, в связи с чем встает вопрос о целесообразности институтов амнистии и помиловании в уголовном праве России.

Литература:

1. Уголовный кодекс Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (в ред. от 28.02.2025) // Собрание законодательства РФ от 17 июня 1996 г. № 25. Ст. 2954.
2. Сайт Судебная статистика РФ // <https://stat.api-пресс.пф/stats/ug/t/12/s/10> (дата обращения: 03.04.2025).
3. О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 23 марта 2024 г. № 64-ФЗ // Собрание законодательства РФ от 25 марта 2024 г. № 13. Ст. 1687.
4. Об объявлении амнистии в связи с Международным женским днем: проект постановления № 860594–8 // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/860594-8> (дата обращения: 03.04.2025).
5. Об объявлении амнистии в связи с 80-летием Победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов: проект постановления № 857315–8 // <https://sozd.duma.gov.ru/bill/857315-8> (дата обращения: 03.04.2025).
6. Заместитель председателя Совета Михаил Трусов принял участие в заседании краевой комиссии по вопросам помилования // <https://sovet-nko.ru/?p=29931> (дата обращения: 03.04.2025).
7. Елеонский В. А. Поощрительные нормы уголовного права и их значение в деятельности органов внутренних дел: учеб. пособие. Хабаровск: Изд-во Хабар. ВШ МВД СССР, 1984. С. 13.
8. Чуряков А. А. Значение амнистии и помилования в системе поощрительных мер уголовного законодательства // Молодой ученый. 2022. № 43 (438). С. 191.

Момент ознакомления с постановлением о назначении судебной экспертизы и допустимость заключения эксперта

Толстолыткина Анастасия Владимировна, студент магистратуры
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье исследуется момент ознакомления участников с постановлением о назначении судебной экспертизы (ч. 3 ст. 195 УПК РФ) и влияние его нарушения на допустимость заключения эксперта. Показано, что закон срока ознакомления не устанавливает, а суды в 2022–2025 гг. не исключают заключения при позднем ознакомлении. Предложены критерий компенсируемости нарушения и поправки в ст. 195 УПК РФ.

Ключевые слова: судебная экспертиза, постановление о назначении экспертизы, права участников, допустимость доказательств, повторная экспертиза.

Права, которые ч. 1 ст. 198 УПК РФ дают подозреваемому, обвиняемому, потерпевшему и их представителям (отвод эксперта, выбор учреждения, дополнительные вопросы, присутствие при исследовании), можно

реализовать лишь тогда, когда о назначении экспертизы известно заранее. Между тем ч. 3 ст. 195 УПК РФ, обязывающая следователя ознакомить участников с постановлением, момента ознакомления не называет [10]. Кон-

ституционный Суд РФ [6] и Пленум Верховного Суда РФ (п. 9 постановления от 21.12.2010 № 28, далее «постановление Пленума № 28») [5, п. 9] требуют ознакомления до начала экспертизы, однако на практике оно нередко происходит уже после неё [3]. Цель статьи: определить значение момента ознакомления для допустимости заключения эксперта и предложить решение, которое сохраняет баланс между правами участников и устойчивостью доказательств. Анализ основан на опубликованных судебных актах 2022–2025 гг. и действующей редакции УПК РФ на 8 октября 2026 г.

Правило «до начала экспертизы» в законе отсутствует и выводится системно (ч. 3 ст. 195 УПК РФ, ст. 199 УПК РФ): по Определению Конституционного Суда РФ от 18.06.2004 № 206-О иначе участники лишались бы возможности реализовать права, вытекающие из состязательности и равноправия сторон [6], а Пленум добавил, что лицо, получившее статус после назначения экспертизы, знакомится с постановлением одновременно с этим [5, п. 9]. Законопроект № 500607–7, закреплявший срок в законе, принят в первом чтении 5 ноября 2019 г. [9], но в ч. 3 ст. 195 УПК РФ не вошёл. Для экспертизы, проведённой при проверке сообщения о преступлении, законодатель выбрал иной путь: ходатайство о дополнительной либо повторной экспертизе после возбуждения дела подлежит удовлетворению (ч. 1.2 ст. 144 УПК РФ). Для экспертизы по возбуждённому делу такой гарантии нет: право ходатайствовать есть, а обязанности удовлетворить ходатайство нет.

Опубликованные решения 2022–2025 гг. образуют устойчивую линию: позднее ознакомление считается нарушением, но не основанием для исключения заключения, если права по ст. 198 УПК РФ удалось реализовать позднее. Второй кассационный суд общей юрисдикции отклонил довод о позднем ознакомлении с постановлением о почерковедческой экспертизе: осуждённый мог ознакомиться с заключением, но ходатайств не заявил и согласился с обвинением (постановление от 10.08.2022 № 77–2822/2022) [7]. Московский городской суд указал, что защита воспользовалась правами по п. 11 ч. 4 ст. 47 УПК РФ и ч. 1 ст. 198 УПК РФ (апелляционное определение от 08.04.2025 № 10–5543/2025) [1], а в другом деле, что она могла поставить вопросы эксперту и заявить отвод (апелляционное определение от 09.06.2025 № 10–8408/2025) [2]. Решений об исключении заключения по этому основанию в проверенных источниках найти не удалось.

Доктрина предлагает две крайности. П. Н. Мазуренко считает необходимым прямо признавать недопустимым заключение, если участники не были ознакомлены с постановлением до экспертизы [4]. А. В. Смирнов связывает существенность нарушения с посягательством на равенство сторон и считает восполнимые нарушения не критичными, как и практика при ознакомлении с заключением и соблюдении ст. 217 УПК РФ [8]. Автоматическое исключение несоразмерно: суд теряет доказательство и тогда, когда права реализованы полностью. Критерий

восполнимости, в свою очередь, не говорит, что считать восполнением: практика сводит его к ознакомлению с готовым заключением, а оно не возвращает защите возможности повлиять на исследование.

Права по ч. 1 ст. 198 УПК РФ по-разному зависят от момента ознакомления. Право знакомиться с заключением (п. 6 ч. 1 ст. 198 УПК РФ) от него не зависит, а отвод эксперта, ходатайства о выборе эксперта или учреждения и о внесении вопросов, присутствие при исследовании и объяснения эксперту (п. 2–5 ч. 1 ст. 198 УПК РФ) рассчитаны на период до исследования и на его ход. Восстановить их можно только новой экспертизой: Пленум допускает повторную экспертизу при нарушении прав, которое повлияло или могло повлиять на выводы экспертов (ч. 2 ст. 207 УПК РФ) [5, п. 15]. Отсюда критерий компенсируемости. Нарушение компенсируемо, если объекты сохранены и дополнительная или повторная экспертиза реально возможна: достаточно удовлетворить ходатайство о ней, и первичное заключение остаётся допустимым. Нарушение некомпенсируемо, если объекты израсходованы или изменены либо ходатайство необоснованно отклонено: заключение подлежит исключению по ч. 3 ст. 7 УПК РФ и ст. 75 УПК РФ. Молчание защиты, которой разъяснили права, можно расценивать как отказ от компенсации.

Для закрепления критерия предлагаются три поправки. Первая: изложить ч. 3 ст. 195 УПК РФ в редакции «3. До направления эксперту или руководителю экспертного учреждения постановления о назначении судебной экспертизы и необходимых материалов следователь знакомит с постановлением подозреваемого, обвиняемого, его защитника, потерпевшего, его представителя и разъясняет им права, предусмотренные статьей 198 настоящего Кодекса. Лицо, приобретшее этот статус после назначения судебной экспертизы, знакомится с постановлением одновременно с приобретением статуса. Об этом составляется протокол».

Вторая: дополнить ст. 195 УПК РФ частью 3.1: «3.1. Если ознакомление до начала производства судебной экспертизы невозможно из-за угрозы утраты или изменения объектов исследования, следователь указывает это в постановлении и при возможности сохраняет часть объектов для повторного исследования; ознакомление осуществляется не позднее получения заключения эксперта, а ходатайство о дополнительной либо повторной судебной экспертизе подлежит удовлетворению при наличии пригодных объектов». Третья: дополнить п. 9 постановления Пленума № 28 разъяснением, что заключение признаётся недопустимым, если участники ознакомлены с постановлением после начала экспертизы вне случаев, предусмотренных ч. 3.1 ст. 195 УПК РФ, и нарушение нельзя компенсировать новой экспертизой либо ходатайство о ней необоснованно отклонено.

Момент ознакомления с постановлением о назначении экспертизы остаётся слабым звеном процедуры: закон его не определяет, высшие суды требуют ознакомления до на-

чала экспертизы, а суды в 2022–2025 гг. признают позднее ознакомление нарушением, не влекущим исключения заключения. Обе крайности неудачны: безусловное исключение несоразмерно, а формальная оценка нарушения обесценивает права по ст. 198 УПК РФ. Предложенный критерий компенсируемости связывает судьбу заключения с реальной возможностью вернуть участнику утраченные права, прежде всего через дополнительную или

повторную экспертизу. Для его закрепления достаточно изменить ч. 3 ст. 195 УПК РФ, дополнить ст. 195 УПК РФ частью 3.1 и дать разъяснение в п. 9 постановления Пленума № 28. Такой подход защищает состязательность, сохраняет устойчивость доказательств и делает последствия нарушения предсказуемыми для следователя, защиты и суда. Проверить его эффективность предстоит на более широком массиве судебных решений.

Литература:

1. Апелляционное определение Московского городского суда от 08.04.2025 № 10–5543/2025 // СПС «КонсультантПлюс».
2. Апелляционное определение Московского городского суда от 09.06.2025 № 10–8408/2025 // СПС «КонсультантПлюс».
3. Арутюнян О. Искаженное толкование норм // Адвокатская газета. 2020. № 6 (311). URL: <https://www.advgazeta.ru/mneniya/iskazhennoe-tolkovanie-norm/> (дата обращения: 08.10.2026).
4. Мазуренко П. Н. Реализация принципа состязательности при назначении и производстве судебных экспертиз // Российская юстиция. 2023. № 3. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
5. О судебной экспертизе по уголовным делам: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 21.12.2010 № 28 (ред. от 29.06.2021) // СПС «КонсультантПлюс».
6. Определение Конституционного Суда РФ от 18.06.2004 № 206-О // СПС «КонсультантПлюс».
7. Постановление Второго кассационного суда общей юрисдикции от 10.08.2022 № 77–2822/2022 // СПС «КонсультантПлюс».
8. Смирнов А. В. К вопросу о признании доказательств недопустимыми в уголовном процессе: экзистенциальный принцип // Уголовное судопроизводство. 2024. № 3. Доступ из СПС «КонсультантПлюс».
9. Сторонам уголовного дела упростят доступ к экспертизам // Право.ру. 2019. 5 нояб. URL: <https://pravo.ru/news/215798/> (дата обращения: 08.10.2026).
10. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 № 174-ФЗ (ред. от 26.07.2026) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52 (ч. I). Ст. 4921.

Значение профсоюзов в урегулировании трудовых споров в современных реалиях

Трашкина Светлана Юрьевна, студент магистратуры;
Петрова Виктория Юрьевна, кандидат технических наук, доцент
Государственный университет просвещения (г. Москва)

В статье автор исследует функции профсоюзов в урегулировании индивидуальных и коллективных трудовых споров.

Ключевые слова: *трудовой спор, профсоюз, урегулирование трудового спора, значение профсоюза.*

В современных условиях происходят масштабные изменения во многих сферах современного общества: политической, экономической, социальной. Соответственно, на фоне данных изменений роль профсоюзов как основы урегулирования трудовых споров также становится более актуальной. Адаптация сотрудников под нынешние реалии в перспективе также поможет предотвратить потенциальные трудовые конфликты на рабочем месте [1].

По мнению В. А. Кадейкина, профсоюзы — самая массовая общественная организация, основной задачей которой является защита прав и интересов трудящихся в сфере труда и трудовых отношениях [2]. Стоит отметить, что это не единственный субъект, который наделен

правозащитными полномочиями, другие общественные организации также могут реализовывать механизм защиты, но через другие механизмы, например, общественный контроль, защита интересов в суде. Профсоюзы в свою очередь обладают специфическими правами, такими как учет мнения при увольнении, участие в коллективных трудовых спорах.

Как показывает практика, достаточно часто между работодателями и работниками возникают различного рода разногласия, причины на то могут быть совершенно разными и именно профсоюзы, представляя важный институт, который способствует обеспечению справедливости, защищает права работников. Как упоминалось

выше, причин возникновения трудовых споров достаточно много, как правило, большинство из них бывает касательно условий работы, оплаты труда, применения дисциплинарной ответственности. Деятельность профсоюзов охватывает довольно большой круг вопросов, касающихся трудовых отношений. Наиважнейшей задачей профсоюзов является защита прав и интересов трудящихся в профессии и профессиональных отношениях [3].

По информации Судебного департамента Верховного суда РФ, за первое полугодие 2025 года в суды первой инстанции поступило свыше 57 тысяч исков из трудовых правоотношений. По сравнению с 2020 годом количество дел значительно сократилось, за пятилетний период снижение составило более 70 %. Однако даже при условии устойчивой тенденции к снижению количества исков, часть споров могла бы быть урегулирована на досудебной стадии при использовании института профсоюзов. Это демонстрирует устойчивую необходимость популяризации данного механизма защиты прав работников, но реализация ограничена следующими факторами: многие сотрудники не осведомлены, о том какие функции выполняет профсоюз, как следствие не являются его членами, не во всех спорах профсоюз имеет процессуальные возможности, а также, стороны трудовых отношений не всегда готовы к переговорам.

Изначально профсоюзы состояли из работников, которые стремились защитить свои права в связи с тяжелыми условиями труда. В некоторых странах, например, во Франции деятельность профсоюзов была ограничена, в 1791 году там был принят Ле Шапелье, который запрещал коалиции рабочих. По истечении времени радикальные взгляды касательно деятельности профсоюзов развеялись и после Первой Мировой войны Международная организация труда заложила правовую основу в виде конвенций для их дальнейшей деятельности, например Конвенция № 87 о свободе ассоциаций.

Каков же исторический путь развития профсоюзов в России? Профсоюзное движение в России охватывает период свыше 120 лет, но поворотным моментом стал период после 1917 года, когда профсоюзы перестали быть оппонентами власти, а наоборот стали союзниками, постепенно становясь частью государственного аппарата, из-за чего позже доверие общественности к их деятельности было подорвано.

В настоящее время приоритетом в деятельности профсоюзов является именно защита прав трудящихся. Конституция закрепляет право граждан на объединение в профессиональные союзы с целью защиты своих трудовых интересов [4]. Стоит отметить, что профсоюзы в своей деятельности независимы от каких-либо других органов власти, других организаций, их руководства, они самостоятельно организуют свою деятельность.

Более глубокая и детальная регламентация правового статуса профсоюза находит свое отражение в Федеральном законе от 12.01.1996 года № 10-ФЗ «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности». Основные права и обязанности профсоюза закрепляются

в главе II вышеуказанного федерального закона. Одним из прав, которое закреплено в данном законе является защита прав и интересов работников. Профсоюзы могут принимать участие в рассмотрении как индивидуальных споров, так и коллективных.

В соответствии со статьей 381 Трудового Кодекса РФ индивидуальным трудовым спором признается «неурегулированные разногласия между работодателем и работником по вопросам применения трудового законодательства и иных нормативных правовых актов, содержащих нормы трудового права, коллективного договора, соглашения, локального нормативного акта, трудового договора (в том числе об установлении или изменении индивидуальных условий труда), о которых заявлено в орган по рассмотрению индивидуальных трудовых споров» [5]. Индивидуальные трудовые споры часто бывают связаны с невыплатой/задержкой выплаты заработной платы, увольнением работника и др.

В части индивидуальных споров участие профсоюзов может выражаться в форме:

1. бесплатной юридической помощи, например: консультирование или составление искового заявления;
2. учет мнения профсоюза при увольнении работника;
3. участие в работе комиссий по трудовым спорам.

В некоторых случаях работники могут столкнуться с проблемами в виде отсутствия средств на судебные разбирательства и в данном случае профсоюзы могут взять расходы на себя, что сильно поможет сотрудникам, которые желают защитить свои права, не имея необходимых средств для защиты [6]. Но такого рода поддержка не является гарантированным правом каждого члена профсоюза, ее предоставление зависит от положений устава профсоюза и его бюджета.

В соответствии со статьей 398 ТК РФ, коллективным трудовым спором признается «неурегулированные разногласия между работниками (их представителями) и работодателями (их представителями) по поводу установления и изменения условий труда (включая заработную плату), заключения, изменения и выполнения коллективных договоров, соглашений, а также в связи с отказом работодателя учесть мнение выборного представительного органа работников при принятии локальных нормативных актов» [5].

Коллективные трудовые споры, в свою очередь, возникают в связи с разногласиями между работниками и работодателем в отношении заключения, изменения или исполнения коллективного договора или соглашения. Такие споры возникают между работодателем и группой работников. В таких случаях профсоюзы иницируют переговоры и участвуют в процессе посредничества для достижения компромиссного решения, удовлетворяющего обе стороны [7].

Изначально профсоюзы пытаются уладить разногласия без обращения в суд, посредством диалога с работодателем. Если же данный способ не приводит к должному результату, то могут быть инициированы коллективные действия, которые могут выражаться, например, в забастовке.

ствах. То есть сотрудники временно отказываются от исполнения своих трудовых обязанностей, однако стоит учесть, что забастовки возможны не на всех предприятиях. Сроки забастовок законом не утверждены, но детально регламентирован порядок проведения. В Российской Федерации забастовки — явление достаточно редкое.

По данным постановления «О правозащитной работе членских организаций ФНПР в 2025 году»: в федеральную инспекцию труда направлено 812 материалов проверок, к административной ответственности привлечены 24 должностных лица. При непосредственном участии правовых инспекторов труда и иных профсоюзных юристов в судах рассмотрено 5034 дела, по результатам которых полностью или частично удовлетворено 85 процентов исковых требований, восстановлен на работе 101 член профсоюза. На личном приеме принято 641380 членов профсоюзов, рассмотрено 132509 письменных жалоб и других обращений, 13553 работника — члена профсоюзов полу-

чили бесплатную юридическую помощь в оформлении необходимых документов в судебные инстанции и комиссии по трудовым спорам [8].

Согласно опросу ВЦИОМ, 71 % граждан утверждают, что профсоюзы в России нужны. Этот факт демонстрирует наличие запроса на институт профсоюзов в обществе.

В заключение хочется отметить, что профсоюзы выполняют достаточно весомую роль в части урегулирования трудовых споров и помощи работникам в диалоге с работодателем. Деятельность профсоюзов проявляется в сочетании переговорных инструментов, публичных форм давления (включая забастовки), координации с государственными структурами и реализации профилактических подходов к управлению трудовыми конфликтами.

Таким образом, в современных реалиях роль профсоюзов достаточно важна для того, чтобы на рабочих местах была социальная справедливость в отношении всех работников.

Литература:

1. Барабанов, А. А. Институциональные проблемы формирования российской модели социального партнерства / А. А. Барабанов, Е. М. Прошина. — Текст: непосредственный // Управленческое консультирование. — 2018. — № 4(112). — С. 124–129.
2. Кадейкин, В. А. История профсоюзов России: этапы, события, люди / В. А. Кадейкин. — М., 2015. — Текст: непосредственный.
3. Власов, А. А. Трудовое право: конспект лекций / А. А. Власов. — М.: Юрайт, Высшее образование, 2018. — 22 с. — Текст: непосредственный.
4. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 года: с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 14 марта 2020 года // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2020. — № 11. — Ст. 1416.
5. Трудовой кодекс Российской Федерации: федеральный закон от 30.12.2001 № 197-ФЗ. URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34683
6. Осокин, А. В. Роль профсоюзов в урегулировании трудовых споров с участием работников и работодателей / А. В. Осокин. — Текст: непосредственный // Экономика труда. — 2024. — № Т. 11, № 4. — С. 549–562.
7. Шкирмина, Д. А. Роль профсоюзов в решении трудовых споров / Д. А. Шкирмина. — Текст: непосредственный // Развитие таможенного дела Российской Федерации: дальневосточный вектор. — 2024. — № 5.
8. Постановление от 19.05.2026 № 26–07 О правозащитной работе членских организаций ФНПР в 2025 году.

Проблемные аспекты ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними

Уткина Алина Исламовна, студент

Челябинский государственный университет, инновационно-технологический центр в г. Кургане

Институт ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними, занимает особое место в гражданском праве, выполняя одновременно компенсационную и воспитательную функции. В статье рассматриваются особенности наступления ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними гражданами.

Ключевые слова: несовершеннолетние, ответственность несовершеннолетних, вред, причиненный несовершеннолетними.

В настоящее время в системе деликтных обязательств гражданского права Российской Федерации институт

ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними, занимает особое место. Вступая в имущественные

и личные отношения, несовершеннолетние граждане не всегда способны в достаточной степени адекватно оценивать собственные действия и их последствия, потому нельзя исключать наступления нежелательных последствий, в результате которых будет необходимо возмещать вред. Учитывая это, законодатель предусматривает особое правовое регулирование отношений, возникающих в рамках наступления ответственности за вред, причиненный несовершеннолетними гражданами, которое учитывает возраст причинителя вреда, объем его дееспособности и наличие (или отсутствие) собственных средств для возмещения вреда.

Согласно нормам ст. 1064 Гражданского кодекса РФ (далее — ГК РФ) «вред, причиненный личности или имуществу гражданина, а также вред, причиненный имуществу юридического лица, подлежит возмещению в полном объеме лицом, причинившим вред» [1]. Однако нормы законодательства предусматривают случаи, когда обязанность возместить причиненный вред лежит не на причинителе вреда, а на другом лице. Данным случаем как раз и является причинение вреда несовершеннолетними лицами.

Прежде всего, отметим, что несовершеннолетними являются лица, не достигшие возраста восемнадцати лет, что закреплено, например, в ст. 1 Федерального закона от 24 июня 1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» [2]. Согласно нормам гражданского законодательства, несовершеннолетних условно можно разделить на две возрастные группы — несовершеннолетние в возрасте до 14 лет и несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет.

Нормами п. 1 ст. 1073 ГК РФ установлено, что «за вред, причиненный несовершеннолетним, не достигшим четырнадцати лет (малолетним), отвечают его родители (усыновители) или опекуны, если не докажут, что вред возник не по их вине» [1]. Таким образом, закон устанавливает презумпцию виновности родителей (опекунов), возлагая на них бремя доказывания отсутствия своей вины.

В контексте ст. 1073 ГК РФ виной родителей следует считать неосуществление ими должного надзора за малолетними, равно как и безответственное отношение к их воспитанию. Попустительское отношение к социально неодобряемому поведению ребенка, поощрение хулиганства и подобных противоправных действий, отсутствие к ребенку внимания и должной заботы — все эти и подобные им действия стоит рассматривать в качестве виновного поведения родителей.

В случае отсутствия родителей ответственность несут опекуны, или организация для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей, в которую несовершеннолетний был помещен под надзор.

Нормами п.1 ст. 1074 ГК РФ установлено, что несовершеннолетние в возрасте от 14 до 18 лет несут ответственность за причиненный вред самостоятельно и на общих основаниях. Очевидно логика законодателя та-

кова: дети старше 14 лет должны иметь достаточный уровень сознания и воли для того, чтобы нести личную имущественную ответственность за свои противоправные действия.

Ответственность несовершеннолетнего в этом случае, однако, имеет субсидиарный характер, поскольку в том случае, если у несовершеннолетнего отсутствуют доходы или иное имущество, размер которых будет достаточным для возмещения причиненного им вреда, вред должен быть возмещен полностью или в недостающей части его родителями (усыновителями) или попечителем, если они не докажут, что вред возник не по их вине. Данное положение принципиально отличает ответственность за вред, причиненный лицами в возрасте от 14 до 18 лет, от ответственности за вред, причиненный лицами в возрасте до 14 лет, поскольку в первом случае родители несут субсидиарную ответственность, во втором — основную.

Обязанность родителей (усыновителей), попечителя и соответствующего учреждения по возмещению вреда, причиненного несовершеннолетним, прекращается при наличии следующих обстоятельств:

- достижение совершеннолетия;
- появление у несовершеннолетнего доходов или имущества, достаточных для возмещения вреда;
- приобретении несовершеннолетним полной дееспособности до достижения им 18 лет (в связи со вступлением в брак либо эмансипацией).

Родители, проживающие отдельно от детей, также несут ответственность за вред, причиненный детьми. Родитель может быть освобожден от ответственности, если по вине второго родителя он был лишен возможности принимать участие в воспитании ребенка либо в силу объективных причин не мог его воспитывать (например, из-за длительной болезни).

Таким образом, в действующем гражданском законодательстве с целью обеспечения баланса интересов потерпевших и причинителей вреда с учетом особенностей правового статуса несовершеннолетних установлена дифференциация ответственности между малолетними и несовершеннолетними в возрасте от 14 до 18 лет, презумпция виновности родителей и субсидиарный характер их ответственности.

Однако, невзирая на детальную законодательную регламентацию, правоприменительная практика по делам о возмещении вреда, причиненного несовершеннолетними, сталкивается с рядом проблем.

Одну из основных проблем в настоящее время представляет собой вопрос определения вины родителей как условия ответственности. Так, отсутствие четких характеристик виновного поведения родителей, приводит к тому, что используются критерии «должного» и «безответственного» поведения, которые, что очевидно, являются оценочными, а потому порождают существенный субъективизм при вынесении решений.

Справедливым кажется, что отсутствие вины родителей может иметь место при наличии уважительных

причин, объективно препятствовавших участию в воспитании ребенка, — например, тяжелой болезни, длительной командировки или лишения возможности участвовать в воспитании по вине второго родителя.

Презумпция вины родителей, установленная ст. 1073 ГК РФ, означает, что они освобождаются от ответственности, только доказав отсутствие своей вины. Необходимым видится дифференцировать эту презумпцию:

— для малолетних (до 14 лет) сохранить действующий строгий стандарт, поскольку ребенок полностью недееспособен, а родители несут повышенную обязанность надзора;

— для несовершеннолетних (14–18 лет) предлагается ввести опровержимую презумпцию невиновности родителей, если ребенок совершил вред впервые, вне дома и без предшествующих сигналов о его противоправном поведении. Это стимулировало бы родителей доказывать свою добросовестность, но не возлагало бы на них автоматически бремя ответственности за любой проступок подростка.

Как видится, подобная дифференциация соответствует принципу справедливости и учитывает уровень сознания несовершеннолетних в зависимости от возраста.

Кроме того, предлагается дополнить ст. 1073 ГК РФ примечанием, раскрывающим понятие вины родителей:

«Под виной родителей (усыновителей), опекунов, попечителей в смысле настоящей статьи понимается неисполнение или ненадлежащее исполнение обязанностей по воспитанию и надзору за несовершеннолетним, вызвавшее в неприятии разумных и достаточных мер для предотвращения противоправного поведения ребенка, повлекшего вред, при наличии у них реальной возможности такие меры принять».

Благодаря подобному примечанию, не будет использоваться абстрактная категория «плохого воспитания» несовершеннолетнего, которое привело к тому, что действиями несовершеннолетнего был причинен определенный вред. В свою очередь, будет сделан акцент на конкретную возможность и обязанность родителя предотвратить вред, что соответствует принципу виновной ответственности.

Предлагаемые изменения, с одной стороны, позволят сохранить защитную функцию ответственности родителей, а с другой — избежать объективного вменения, несовместимого с принципами гражданско-правовой ответственности.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая) от 26.01.1996 г. № 14-ФЗ (ред. от 04.08.2026 г.) // Российская газета. — 1996. — № 23, 24, 25.
2. Федеральный закон от 24.06.1999 г. № 120-ФЗ «Об основах системы профилактики безнадзорности и правонарушений несовершеннолетних» (ред. от 04.08.2026 г.) // Российская газета. — 1999. — № 121.

Доктринальные подходы к понятию доказывания в отечественном уголовном процессе

Федяинова Мария Сергеевна, студент магистратуры

Научный руководитель: Маслов Александр Вячеславович, кандидат юридических наук, доцент
Российский государственный университет правосудия имени В. М. Лебедева (г. Москва)

В научной статье говорится о том, что наиболее важным элементом уголовно-процессуальной деятельности на всех этапах развития теории, науки уголовного процесса и уголовного процессуального законодательства было, есть и остается доказывание. Проблематика исследования заключается в том, что в последнее время институт доказывания и доказательств в уголовном процессе приобретает особую актуальность, поскольку именно от того, как правильно будет проведено доказательство, будет зависеть в конечном итоге судьба лица, обвиняемого в совершении преступления.

Ключевые слова: уголовный процесс, законодательство, доказывание, доказательства, теория доказательств, средства доказывания.

Doctrinal approaches to the concept of proof in the domestic criminal procedure

The scientific article states that the most important element of criminal procedural activity at all stages of the development of the theory, science of criminal procedure and criminal procedural legislation has been, is and remains proof. The research problem is that

in recent years the institution of proof and evidence in criminal proceedings has become particularly relevant, since it is the proof that will ultimately determine the fate of the person accused of committing a crime.

Keywords: criminal proceedings, legislation, proof, evidence, theory of evidence, means of proof.

Среди всех существующих средств уголовно-процессуального доказывания особая роль принадлежит доказательствам — полезным информационным активам, возникающим на основе материальных или идеальных следов-отображений (следов в широком смысле) и позволяющим дознавателю, следователю, суду устанавливать имеющие значение для уголовного дела обстоятельства и обосновывать правоприменительные решения, а сторонам — пытаться влиять на характер и содержание этих решений.

Действующее уголовно-процессуальное законодательство предусматривает легальную дефиницию доказательств. С одной стороны, под ними понимаются любые сведения, позволяющие дознавателю, следователю, прокурору и суду в предусмотренном законом порядке устанавливать наличие или отсутствие различных обстоятельств, имеющих значение для уголовного дела, в первую очередь обстоятельств, подлежащих доказыванию по данному делу (ч. 1 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) [2, ст. 74], тогда как с другой — таковыми признаются юридически пригодные для использования (допустимые) информационные продукты, содержащие подобные сведения: показания, заключения, вещественные доказательства, протоколы, иные документы (ч. 2 ст. 74 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации) [2]. В этой связи неудивительно, что подобное понимание доказательств разделяется и во многих современных публикациях.

Формулирование различных подходов к понятию доказательств и их свойств составляют одно из направлений теории доказательств. Многие правоведы обращались к этому вопросу и пытались наиболее полно отразить сущность доказательств в его определении. Анализ различных взглядов дореволюционных, советских и российских ученых-процессуалистов позволяет выделить несколько укрупненных доктринальных подходов к пониманию доказательств.

1. Формально-логический подход. В дореволюционный период развития уголовной юстиции легальной дефиниции доказательств просто не существовало, а в научной доктрине под ними понимались не более чем апостериорные основания для судебного убеждения, то есть некие аргументационные ресурсы (логические аргументы, доводы, силлогистические посылки), позволяющие судьям, судебным следователям, присяжным заседателям обосновывать приговоры и прочие правоприменительные решения. Например, этого мнения придерживался известный русский ученый В. Д. Спасович [6].

Близкую позицию высказывал еще один крупный представитель дореволюционной школы — Я. И. Баршев, который определял доказательства как причины, обуслав-

ливающие убежденность в реальности какого-либо происшествия. Одновременно автор обращал внимание на необходимость разграничения доказательств и так называемых улик, под которыми как раз и понимал следы-отображения (следы в широком смысле), то есть имеющие значение для уголовного дела материальные или идеальные объекты ретроспективного познания [3].

В свою очередь, И. Я. Фойницкий, опираясь на мнение австрийского правоведа Ю. Глазера, считал доказательствами не отдельные основания для судебного убеждения, а их совокупность, обуславливающую осознание подлинности или мнимости подлежащих установлению (в терминологии тех лет — удостоверению) обстоятельств [7].

Иными словами, приверженцы формально-логического подхода уделяли особое внимание логическому аспекту доказывания, признавали первостепенное значение внутреннего убеждения для принятия правоприменительных решений по уголовному делу.

2. Фактологический подход. В то же время существовали сходные, но все-таки несколько иные и, как представляется, более утилитарные научные воззрения: под доказательствами понимались далеко не всякие и тем более не абстрактные логические аргументы, доводы, силлогистические посылки, а лишь используемые в качестве таковых конкретные промежуточные (буферные) факты. В частности, эти идеи нашли отражение в публикациях крупнейшего дореволюционного специалиста в области доказательственного права — Л. Е. Владимирова. Автор предлагал признавать доказательствами любые факты, побуждающие судей к убежденности в реальности или не-реальности обстоятельств, входящих в предмет разбирательства по тому или иному уголовному делу [4].

По сравнению с формально-логическим пониманием доказательств фактологический подход находился в гораздо более выигрышном положении. При сохранении первостепенного значения внутреннего убеждения для принятия правоприменительных решений доказательством считалось нечто конкретное — в противоположность абстрактному, реальное — в противоположность мнимому.

3. Дуалистический подход. Со временем указанные позиции трансформировались, возникло двойственное (дуалистическое) понимание доказательств:

1. Как буферных фактов, вызывающих убежденность в существовании или отсутствии подлежащих установлению обстоятельств;

2. Как допустимых источников этих фактов: показаний, экспертных заключений, вещественных доказательств и так далее.

Впервые подобные идеи возникли еще в середине 1920-х годов, например высказывались П. И. Люблинским в его известном практическом комментарии к поло-

жениям доказательственного права [5]. Позднее эта точка зрения нашла отражение в работах М. С. Строговича, А. И. Трусова и ряда других авторов.

Дуалистический подход стал первой серьезной попыткой выявления роли и определения места доказательств в собственных уголовному судопроизводству сложных и витиеватых механизмах ретроспективного познания. По всей вероятности, прекрасно осознавая двух-, а порой и многоступенчатость уголовно-процессуального доказывания, советские ученые начали признавать доказательствами и предопределенные следами-отображениями информационные активы, подлежащие использованию для установления буферных фактов, и сами факты, позволяющие мысленно реконструировать обстоятельства, входящие в предмет доказывания, или убедиться в их отсутствии.

4. Лиминальный (переходный) подход. Несколько позже в уголовно-процессуальной доктрине сформировался еще один подход, приверженцы которого считали доказательствами не столько сами факты, сколько фактические данные. По сути, такой подход предполагал постепенную трансформацию тезиса «доказательства — это факты» в возникшую на рубеже 1960–1970-х годов кибернетическую (информационную) теорию, основанную на утверждении «доказательства — это полезные сведения, информационные сигналы».

5. Кибернетический (информационный) подход. На рубеже 1960–1970-х годов в уголовно-процессуальной

науке зародился и начал стремительно развиваться еще один подход к пониманию доказательств — вышеупомянутая кибернетическая (информационная) теория, которой впоследствии было суждено получить официальное признание и, по сути, стать доктринальной базой для современного доказательственного права. Она возникла на пике всеобщего увлечения научными проблемами, связанными с закономерностями получения, хранения, преобразования и передачи данных, то есть была обусловлена возросшим интересом ученых-процессуалистов к сугубо информационным аспектам доказывания, поиском точек соприкосновения передовых кибернетических идей с практикой собирания, исследования, проверки и оценки доказательств.

Подводя итог всему сказанному выше, можно сделать вывод о том, что точек зрения на понятие и значение доказательств огромное количество. Все это говорит лишь о том, что вопрос о понятии и содержании доказательств является в правовой литературе открытым. Одни авторы утверждают, что под доказательствами следует понимать только сведения о фактах или фактических данных. Другие процессуалисты исходят из «двойственного» понимания доказательств, в силу чего доказательствами являются как сведения о фактах, так и источники доказательств, в которых они находятся. На сегодняшний день тема понятия доказательств остается актуальной и требует своего дальнейшего изучения.

Литература:

1. Конституция Российской Федерации (принята всенародным голосованием 12.12.1993 г., с изменениями, одобренными в ходе общероссийского голосования 01.07.2020 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 21.05.2026 г.).
2. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18.12.2001 г. № 174-ФЗ (ред. от 09.04.2026 г.) // Официальный интернет-портал правовой информации <http://www.pravo.gov.ru>. (дата обращения: 21.05.2026 г.). — Ч. 1 ст. 74
3. Баршев Я. И. Основания уголовного судопроизводства с применением к российскому уголовному судопроизводству. — М., 2001. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003560217>. (дата обращения: 21.05.2026 г.)
4. Владимиров Л. Е. Учение об уголовных доказательствах. — Тула: Авторграф, 2000. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000634208>. (дата обращения: 21.05.2026 г.)
5. Люблинский П. И. О доказательствах в уголовном суде: практический комментарий к главе IV Уголовно-процессуального кодекса. — М.: Право и жизнь, 1924. — URL: https://rusneb.ru/catalog/000199_000009_002961774/. (дата обращения: 21.05.2026 г.)
6. Спасович В. Д. О теории судебно-уголовных доказательств в связи с судостроительством и судопроизводством. — М., 2001. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01000734400>. (дата обращения: 21.05.2026 г.)
7. Фойницкий И. Я. Курс уголовного судопроизводства. — СПб., 1996. — Т. 2. — URL: <https://search.rsl.ru/ru/record/01003986737>. (дата обращения: 21.05.2026 г.)

Административно-правовые меры противодействия незаконной миграции

Царёва София Сергеевна, студент магистратуры
Московский государственный университет имени М. В. Ломоносова

В последние несколько десятилетий во многих странах мира наблюдается массовая незаконная миграция, в том числе и на территорию Российской Федерации; на это активно влияет процесс глобализации. Ситуация постепенно об-

остряется, в связи с чем данная тема является довольно актуальной. В статье будут рассматриваться вопросы нормативно-правового регулирования миграции в Российской Федерации, меры и опыт борьбы с незаконной миграцией в зарубежных странах, анализ сложившейся в РФ ситуации и перспективы регулирования данной сферы.

Ключевые слова: незаконная миграция, миграционная политика, миграционное законодательство, противодействие незаконной миграции, административно-правовые меры, административная ответственность, административное выдворение, иностранные граждане, национальная безопасность.

Administrative and legal measures to counter illegal migration

Over the past few decades, mass illegal migration has been observed in many countries around the world, including into the territory of the Russian Federation, and this is actively influenced by the process of globalization. The situation is gradually becoming more acute, which is why this topic is quite relevant. The article will examine issues related to the regulatory and legal framework for combating illegal migration in the Russian Federation, measures to combat it, the experience of combating illegal migration in foreign countries, an analysis of the current situation in the Russian Federation, and the prospects for regulating this area.

Keywords: illegal migration, migration policy, migration legislation, countering illegal migration, administrative and legal measures, administrative liability, administrative expulsion, foreign citizens, national security.

Сущность понятия «незаконная миграция»

Незаконная миграция — это одна из актуальных проблем современного общества. Являясь по своей сути комплексным явлением, она вносит изменения в экономическую, правовую и культурную сферы общества, причем далеко не всегда положительные. В нынешних условиях усиления миграционных потоков стоит подробнее рассмотреть тему регулирования миграции, а также способы противодействия незаконной миграции.

В настоящее время в российском законодательстве отсутствуют четкие единообразные определения понятий «незаконная миграция» и «незаконный мигрант». Более того, в юридической науке и практике применяется достаточно широкий спектр терминов для обозначения мигрантов, нарушающих законодательно установленные нормы пересечения государственной границы, регистрации, пребывания или же трудоустройства на территории принимающего государства. В их числе: «нелегальный мигрант», «незаконный мигрант», «подпольный мигрант», «мигрант с неурегулированным статусом» и др.

В Федеральной миграционной программе на 1998–2000 годы приводится следующее определение незаконной миграции: «Въезд в Российскую Федерацию, пребывание и выезд с ее территории иностранных граждан и лиц без гражданства с нарушением законодательства Российской Федерации, регулирующего порядок въезда, пребывания, транзитного проезда и выезда иностранных граждан, а также произвольное изменение ими своего правового положения в период нахождения на территории Российской Федерации» [7].

Согласно Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации 2012 года, незаконная миграция — это «перемещения в Российскую Федерацию с нарушением законодательства Российской Федерации, касающегося въезда, пребывания (проживания) ино-

странных граждан на территории Российской Федерации и (или) осуществления ими трудовой деятельности» [8].

Таким образом, незаконность может быть сопряжена с нарушением иностранными гражданами установленных правил въезда, транзита или выезда, а также правил пребывания (проживания) и/или трудовой деятельности.

Исторический аспект

В 2026 году исполнилось 307 лет со дня основания подразделения полиции, ответственного за контроль и регистрацию иностранных граждан. Эта дата считается началом работы миграционной службы. Весь период существования миграционной службы России можно условно разделить на три этапа: досоветский (XVIII — начало XX вв.), советский (1917–1991 гг.) и постсоветский (с 1992 г. по настоящее время), — что соответствует периодизации российского права, отраженной в трудах некоторых ученых [1].

Важно, что на каждой стадии создавались новые структурные подразделения либо подвергались изменениям уже имеющиеся. Так, в начале XIX в. правоприменительные функции в сфере миграции осуществляла полиция Министерства внутренних дел Российской империи. Уже на данном этапе развития возникает вопрос относительно полномочий данного ведомства: какие функции оно должно выполнять — регистрационные или правоохранительные? Такой дуализм полномочий, возлагаемый на данный орган, несомненно, приводит к ухудшению его функционирования. Обращаясь к истории, мы видим, что ситуация не улучшается: в ходе революции 1917 г. данное ведомство и вовсе упраздняется. Однако уже в мае 1920 г. решением НКВД РСФСР на милицию возлагалось выполнение указов, распоряжений и постановлений органов власти, регламентирующих пребывание иностранных граждан в РСФСР [4].

В 1930 г. НКВД РСФСР был упразднен и функции по учету, регистрации иностранцев были переданы в ОГПУ,

но спустя пять лет предмет ведения был возвращен восстановленному НКВД СССР. Эта неопределенность в отношении полномочий заметна и в постсоветском регулировании. Так, Президентом России Б. Н. Ельциным была создана Федеральная миграционная служба (ФМС) России. На орган возложили множество задач, в том числе по созданию новой миграционной политики, но 17 мая 2000 г. указом Президента РФ В. В. Путина «О структуре федеральных органов исполнительной власти» ФМС России была упразднена, а ее функции переданы в Министерство по делам Федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации. Одним из аргументов в пользу данного решения является мнение, что миграционная служба должна функционировать как гражданское ведомство без полномочий правоохранительных органов, сосредоточившись на вопросах, связанных с беженцами и трудовыми мигрантами. Уже в следующем году Министерство по делам Федерации, национальной и миграционной политики Российской Федерации было упразднено, и его функции в части реализации миграционной политики переданы в Министерство внутренних дел Российской Федерации. Данное решение объяснялось тем, что главной задачей миграционной службы должно было стать противодействие незаконной миграции [2].

Нормативно-правовые основы противодействия незаконной миграции в РФ

Сейчас основополагающими актами, регулирующими миграционную политику в Российской Федерации, являются:

- Конституция РФ;
- Федеральный закон от 15.08.1996 № 114-ФЗ «О порядке выезда из Российской Федерации и въезда в Российскую Федерацию»;
- Федеральный закон от 28.04.2023 № 138-ФЗ «О гражданстве Российской Федерации»;
- Федеральный закон от 25 июля 2002 г. № 115-ФЗ «О правовом положении иностранных граждан в РФ»;
- Федеральный закон от 18.07.2006 № 109-ФЗ «О миграционном учете иностранных граждан и лиц без гражданства в Российской Федерации»;
- Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» и др.

Эти основные правовые акты решили множество вопросов, касающихся регулирования правового статуса иностранных граждан.

Стоит затронуть и основные цели государственной политики в данной сфере. К ним относятся: обеспечение национальной безопасности РФ, защищенность, благополучие и увеличение численности населения страны, эффективность организации миграционных процессов как одно из ключевых направлений государственного управления в РФ [9].

Концепцией государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы предусматривается «совершенствование правовой основы противодействия незаконной миграции, в том числе регулирование ответственности лиц за нарушение миграционного законодательства Российской Федерации»; а также «реализация мероприятий, направленных на выявление и пресечение нарушений миграционного законодательства Российской Федерации, организации незаконной миграции» [10].

Административно-правовые меры противодействия незаконной миграции в РФ

Важно указать, что противодействие незаконной миграции в Российской Федерации осуществляется как на межгосударственном и федеральном уровне, так и на уровне субъектов федерации и отдельных муниципалитетов.

Очевидно, что эффективность миграционной политики зависит от качества административно-правового регулирования, практического применения миграционного законодательства РФ, степени информированности иностранных и российских граждан о требованиях указанного законодательства и мерах ответственности за их нарушение.

После трагических событий, произошедших в марте 2024 г. в «Крокус Сити Холле», проблема незаконной миграции вновь актуализировалась и стала приоритетной в нашей стране. Так, были разработаны новые законопроекты, которые значительно ужесточили миграционную политику. С 2025 г. законодательство в данной сфере претерпело значительные изменения. Например, предполагается создать:

- реестр контролируемых лиц, который будет вести МВД и при попадании в который иностранные лица будут значительно ограничены в правах;
- соглашение о лояльности, согласно которому для иностранных граждан вводится кодекс правил поведения на территории нашей страны, постулирующий уважение культуры и традиций РФ, соблюдение действующего законодательства и норм морали, а также абсолютный принцип недопустимости вмешательства во внутренние дела РФ.

Я считаю, что данные нововведения очень необходимы РФ, как стране с большим количеством неконтролируемых миграционных потоков.

Незаконная миграция разнообразна по субъектному составу, однако наиболее опасным и сложным ее проявлением стоит признать внешнюю незаконную миграцию, когда мигрантами выступают иностранные граждане и лица без гражданства [3]. Одним из ключевых инструментов борьбы с незаконной миграцией являются административно-правовые меры.

По мнению И. А. Попова и О. И. Поповой, под противодействием незаконной миграции следует понимать при-

нятие должностными лицами компетентных правоохранительных органов мер по предупреждению, выявлению, пресечению правонарушений, связанных с нарушением иностранными гражданами (лицами без гражданства) правил въезда в Российскую Федерацию либо режима пребывания/проживания в ней или с организацией незаконного въезда в РФ иностранных граждан (лиц без гражданства), их незаконного пребывания в РФ или незаконного транзитного проезда через ее территорию, а также мер по привлечению лиц, совершивших указанные правонарушения, к ответственности, установленной действующим законодательством Российской Федерации [5].

Стоит учитывать, что уголовные правонарушения в этой сфере имеют латентный характер и довольно долго не поддаются выявлению, поэтому административно-правовые меры являются основным способом своевременного регулирования и предотвращения нарушений.

Мерами административной ответственности мигрантов в Российской Федерации являются предупреждение, административный штраф, административное выдворение и депортация. При этом правовые нормы, регламентирующие ответственность за нарушения в сфере миграции, рассредоточены в разных главах КоАП РФ.

Основным видом наказания в данной сфере является административный штраф. В КоАП РФ ответственность в форме штрафа предусмотрена, в частности, за нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства правил въезда в РФ либо режима пребывания/проживания в РФ, а также за нарушение правил пребывания в РФ иностранных граждан и лиц без гражданства (ст. 18.8, 18.9, 18.20).

Важнейшей мерой наказания, предусмотренной данным законодательством, является административное выдворение за пределы РФ — принудительное и контролируемое перемещение иностранного гражданина или лица без гражданства за пределы государственной границы РФ.

Выдворение может устанавливаться в качестве как основной, так и дополнительной санкции. В качестве дополнительного наказания административное выдворение может быть назначено за совершение отдельных видов нарушений миграционного законодательства (ч. 2 ст. 18.1, ч. 2 ст. 18.4, ст. 18.8, 18.10, ч. 1 ст. 18.11, ч. 2 ст. 18.17 КоАП РФ). В качестве обязательного наказания административное выдворение за пределы Российской Федерации назначается за совершение административных правонарушений, связанных с незаконным оборотом и потреблением наркотических средств, психотропных веществ и их прекурсоров (ч. 2 ст. 6.8, ч. 2 ст. 6.9, ч. 2 ст. 6.16.1 КоАП РФ), и за нарушение иностранным гражданином или лицом без гражданства, подлежащим реадмиссии, обязательных правил, связанных с реализацией международного договора Российской Федерации о реадмиссии (ст. 18.18 КоАП РФ) [11].

Так, в определении Конституционного суда Российской Федерации от 09.04.2024 № 830-О указано, что «уста-

новление федеральным законом административного выдворения за пределы Российской Федерации в качестве обязательного наказания за определенные миграционные правонарушения не противоречит Конституции Российской Федерации, а точность и ясность правил назначения наказаний предотвращают излишнее усмотрение и злоупотребления в процессе применения административных санкций» [12].

Одной из проблем данной административной меры противодействия незаконной миграции является ее финансовая составляющая. Специализированные учреждения для содержания лиц, подлежащих выдворению, переполнены, а средств для реализации данного правового механизма просто недостаточно. Согласно Федеральному закону от 25.07.2002 № 115-ФЗ, «в случае, если установление приглашающей стороны невозможно, мероприятия по административному выдворению иностранного гражданина за пределы Российской Федерации являются расходными обязательствами Российской Федерации» [13]. При этом средств, выделяемых из бюджета РФ, недостаточно для административного выдворения иностранцев.

В данном случае я считаю необходимым рассмотреть зарубежный опыт в регулировании данной сферы. Так, законодательством Республики Беларусь предусмотрен целый ряд мер по противодействию незаконной миграции. Ключевой момент регулирования миграции заключается в наличии регламентированной и законодательно обоснованной структуры въезда иностранных лиц. Белорусские предприниматели должны разъяснять необходимость въезда иностранных специалистов и предоставлять им специально обустроенное жилье. Тогда миграционная служба решает, действительно ли нужны иностранные специалисты или же можно привлечь граждан Республики Беларусь; в первом случае въезд разрешается, но на срок не больше года. Я считаю, что данные меры очень позитивно повлияют на миграционную политику и поспособствуют уменьшению потока внешней миграции.

Хочется сказать, что данный позитивный опыт уже перенят нашими соотечественниками. В Вологодской области расширили список видов деятельности, где нельзя привлекать на работу иностранных граждан на основании патента. В этот список вошли сферы образования, розничной торговли и спорта [14]. По моему мнению, данная мера противодействует незаконной миграции, а также улучшает состояние российской экономики. Ведь стоит признать, что росту незаконной миграции способствуют сами российские предприниматели: их интересует прибыль, которую можно получить за счет дешевой рабочей силы мигрантов. Однако данное явление получило слишком широкое распространение и стало приводить к негативным последствиям. Председатель Следственного комитета А. И. Бастрыкин отметил, что за четыре месяца 2024 г. только в Москву прибыло около 1,2 миллионов мигрантов [15]. Это колоссальная цифра,

о которой стоит задуматься. В связи с этим меры по противодействию незаконной миграции становятся особо актуальными.

Для совершенствования миграционной политики в Российской Федерации необходимо ввести некоторые изменения. На мой взгляд, стоит начать с повышения эффективности проведения экзамена по русскому языку у мигрантов. Данная инициатива уже нашла свое выражение в законопроекте Государственной думы и начинает реализовываться на практике. Так, планируется, что правом выдавать соответствующий сертификат будут наделены только организации из установленного Правительством перечня.

Также мы не должны упрощать процедуру сдачи экзамена. Поэтому предлагается, что данная процедура должна проходить только устно, в целях уменьшения фальсификации результатов. Было решено уже весной 2024 г. лишить коммерческие организации права принимать данный экзамен.

Следующей тенденцией в борьбе с незаконной миграцией является ужесточение норм, которые регулируют совершённые мигрантами правонарушения. Для этого существуют все предпосылки. К сведению, за 2023 г. число преступлений экстремистского характера, совершённых мигрантами, выросло на 147 %, а особо тяжких — на 32 % [16]. М. А. Севрюгин полагает, что преступная деятельность незаконных мигрантов влечет за собой ухудшение криминогенной обстановки, дестабилизирует общественный порядок и безопасность внутри государства [6]. Основным документом в затрагиваемой сфере является Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы». На первом месте среди документов, которые легли в основу Концепции, находятся Стратегия национальной безопасности и Стратегия противодействия экстремизму, что является важным аспектом, ведь ранее упоминалось, что одной из главных

целей регулирования сферы миграции является защита конституционного строя РФ и ее граждан. В Указе Президента подчеркивается важность устранения административных барьеров и обусловленных ими издержек, создания более прозрачных административных процедур [10].

Хотя законодательные ограничения могут чрезмерно усложнять жизнь мигрантов и приводить к усилению бюрократии и контроля, но эти ограничения защищают права граждан РФ и помогают поддерживать конституционный порядок в стране.

Улучшению административно-правового регулирования миграции также может способствовать расширение функций полиции. Уже с февраля 2025 г. органы внутренних дел получили право принимать решения о выдворении иностранных лиц из РФ за некоторые административные правонарушения [11, ст. 23.3]. Эта мера будет способствовать своевременному реагированию на совершённый проступок и предупреждению аналогичных проступков в дальнейшем. Контролируемость миграционных процессов позволяет государству сохранять стабильность.

Подводя итог, можно сделать вывод, что незаконная миграция представляет собой серьезную угрозу для национальной безопасности страны. Противодействие этому явлению требует комплексного подхода, включающего в себя как меры по ужесточению контроля и наказаний, так и содействие развитию легальной миграции и профилактике миграционных правонарушений. Важно понимать, что успешная борьба с незаконной миграцией возможна лишь при условии соблюдения прав мигрантов, включая право на свободное передвижение. Комплекс административно-правовых мер противодействия незаконной миграции, в свою очередь, обеспечивает контроль и регулирование миграционных процессов с учетом интересов и безопасности как государства, так и самого мигранта.

Литература:

1. Осокин, Р. Б. Уголовно-правовая охрана общественной нравственности: история и зарубежный опыт противодействия : монография. — Тамбов : Издательство Першина Р. В., 2013. — 156 с.
2. Гайнутдинова, Е. И. Становление и развитие миграционной службы Российского государства // Вестник экономической безопасности. — 2020. — № 6. — С. 193–197.
3. Коваленко, Е. Г. Понятие административно-правового противодействия незаконной миграции и его отличие от административно-правового регулирования миграционных отношений / Е. Г. Коваленко, М. Ю. Четверткова // Проблемы в российском законодательстве. — 2016. — № 2. — С. 184–186.
4. Миронов, Т. И. Миграционная политика советского государства в 1920-е гг. // Государственный аппарат России в эпоху войн и революций первой четверти XX в. Материалы студенческой межвузовской научной конференции, Москва, 15 февраля 2022 г. — Москва : ООО «Издательство «Спутник+», 2022.
5. Попов, И. А. Совершенствование правового и организационного обеспечения противодействия незаконной миграции / И. А. Попов, О. И. Попова // Миграционное право. — 2013. — № 2. — С. 12–19.
6. Севрюгин, М. А. Основные проблемы противодействия нелегальной миграции в России // Административное право и процесс. — 2014. — № 6. — С. 75–77.
7. Постановление Правительства РФ от 10 ноября 1997 г. № 1414 «О Федеральной миграционной программе на 1998–2000 годы» // Гарант : [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/1569180/> (дата обращения: 06.10.2026).

8. Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Президентом РФ 13 июня 2012 г.) (утратила силу) // Гарант : [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/70188244/> (дата обращения: 06.10.2026).
9. Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_389271/cb0c5bc1eaf4bd94d8e78f233af494e8e9dcde2b/ (дата обращения: 06.10.2026).
10. Указ Президента РФ от 31 октября 2018 г. № 622 «О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019–2025 годы» (с изменениями и дополнениями) // Гарант : [сайт]. — URL: <https://base.garant.ru/72092260/> (дата обращения: 06.10.2026).
11. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях от 30.12.2001 № 195-ФЗ (ред. от 04.08.2026) // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 06.10.2026).
12. Определение Конституционного суда РФ от 9 апреля 2024 г. № 830-О // Гарант : [сайт]. — URL: <https://www.garant.ru/products/ipo/prime/doc/408824885/> (дата обращения: 06.10.2026).
13. Федеральный закон «О правовом положении иностранных граждан в Российской Федерации» от 25.07.2002 № 115-ФЗ (последняя редакция) // КонсультантПлюс : [сайт]. — URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37868/ (дата обращения: 06.10.2026).
14. Постановление Губернатора Вологодской области от 14.08.2024 № 255 «Об установлении запрета на 2024 год на привлечение хозяйствующими субъектами, осуществляющими деятельность на территории Вологодской области, иностранных граждан, осуществляющих трудовую деятельность на основании патентов, по отдельным видам экономической деятельности» // Официальное опубликование правовых актов : [сайт]. — URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/3500202408160001> (дата обращения: 06.10.2026).
15. В Москву за четыре месяца приехали более 1,2 млн мигрантов // Газета.ru : [сайт]. — URL: <https://www.gazeta.ru/social/news/2024/06/27/23334715.shtml> (дата обращения: 06.10.2026).
16. Дел невпроворот: почему растет число преступлений с участием мигрантов // Известия : [сайт]. — URL: <https://iz.ru/1719267/izvestiia/del-nevprovorot-pochemu-rastet-chislo-prestuplenii-s-uchastiem-migrantov> (дата обращения: 06.10.2026).

Особенности проведения следственных действий по делам о терроризме

Царева Дарья Сергеевна, студент магистратуры
Херсонский технический университет (г. Геническ)

В статье рассматриваются условия, в которых осмотр места происшествия, допрос, обыск и выемка производятся по делам о преступлениях террористической направленности. Обосновывается, что специфика действий определяется не особым процессуальным порядком, а обстоятельствами их производства. Допустимость доказательств зависит от закрепления оперативных сведений самостоятельными следственными действиями.

Ключевые слова: терроризм, следственные действия, осмотр места происшествия, допрос, меры безопасности, электронные носители информации, результаты оперативно-розыскной деятельности.

Features of conducting investigative actions in terrorism cases

The article examines the conditions in which crime scene examination, interrogation, search and seizure are carried out in criminal cases on terrorist crimes. The author argues that the specifics of these actions are determined not by a special procedural order but by the circumstances of their performance. The admissibility of evidence depends on whether operational information is consolidated by independent investigative actions.

Keywords: terrorism, investigative actions, crime scene examination, interrogation, security measures, electronic storage media, results of operational-search activities.

Число зарегистрированных преступлений террористического характера, по данным МВД России, которые приводят М. Н. Таршева и Н. Н. Толкунова, вы-

росло с 2382 в 2023 г. до 3714 в 2024 г., то есть на 55,9 % [6]. Каждое дело начинается с первоначального этапа, на котором следователь осматривает место взрыва, допра-

шивает переживших шок людей и изымает технику, не имея возможности повторить действие. Ошибку на этом этапе исправить трудно, и от него зависит доказывание по всему делу.

Осмотр при применении беспилотных аппаратов описывают В. А. Попов и А. А. Рудавин [5], допрос потерпевших и свидетелей анализируют В. С. Кряжев и Д. А. Степаненко [2], меры безопасности рассматривает А. В. Мишин [3], электронные сети как объект обыска и выемки изучает Ю. А. Телевицкая [7], допустимость результатов оперативно-розыскной деятельности исследует С. Ю. Туров [8], общие вопросы расследования освещает П. Л. Ишимов [1], следственные ситуации при режиме контртеррористической операции разбирает И. А. Обухов [4].

Цель статьи состоит в том, чтобы выяснить, чем следственные действия по делам о терроризме отличаются от действий по другим делам, каков характер отличий и при каких условиях оперативные сведения сохраняют доказательственную силу. Автор исходит из того, что различия определяются условиями производства действий, а не особым процессуальным порядком. Задачи состоят в сопоставлении позиций авторов и в анализе пути оперативных сведений в доказательства.

Материалом послужили Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (далее УПК РФ), федеральные законы о противодействии терроризму, о защите участников судопроизводства, об оперативно-розыскной деятельности и научных публикациях 2018–2025 гг. [1–8]. Применялись формально-юридический и сравнительный методы.

УПК РФ не содержит для дел о терроризме особых правил осмотра, допроса, обыска или выемки. В. А. Попов и А. А. Рудавин после решения вопросов безопасности возвращают осмотр в русло проведения «по общим правилам» [5, с. 196], В. С. Кряжев и Д. А. Степаненко называют регламентацию допроса универсальной [2, с. 126]. Исключения связаны с угрозой участнику, а не с видом преступления. К ним относятся меры безопасности по ч. 3 ст. 11 УПК РФ и сохранение в тайне данных о личности по ч. 9 ст. 166 УПК РФ [3, с. 85].

Особого порядка не создаёт и режим контртеррористической операции. Он вводится на период операции в пределах определённой территории ради пресечения террористического акта и, по наблюдению И. А. Обухова, влияет на тактику отдельных действий, но процессуальных отличий не порождает [4, с. 175]. Этот вывод 2018 г. не устарел, так как согласуется с более поздними оценками осмотра и допроса. Различия объясняются условиями. Следователь работает при дефиците времени на первоначальном этапе, в обстановке повышенной опасности, с большим числом очевидцев, чьё восприятие искажено, со значительной долей цифровых следов и с опорой на оперативную информацию.

Осмотры места взрыва, в том числе при падении беспилотных аппаратов, В. А. Попов и А. А. Рудавин от-

носят к наиболее сложным, поскольку следы трудно искать и фиксировать, риск разрушений и жертв высок [5, с. 195]. Поэтому в следственно-оперативную группу входят криминалисты, взрывотехники, специалисты в компьютерной сфере и судебно-медицинские эксперты [5, с. 195]. Центральное место занимает протокол с описанием положения каждого следа и схемой с «привязкой» к местности, фрагменты устройства могут направляться на взрывотехническую и химическую экспертизы [5, с. 196].

Потерпевших, как отмечают В. С. Кряжев и Д. А. Степаненко, трудно, а иногда невозможно отделить от свидетелей, поскольку психотравмирующий фактор влияет на показания, часть очевидцев ошибочно считает себя потерпевшими [2, с. 127–128].

Вторая особенность связана с угрозой расправы. Разъяснение положений о государственной защите, по мнению В. С. Кряжева и Д. А. Степаненко, может поддоставлять на боящихся мести участников сильнее предупреждения об уголовной ответственности [2, с. 130–131]. Механизм закреплён в Федеральном законе от 20 августа 2004 г. № 119-ФЗ «О государственной защите потерпевших, свидетелей и иных участников уголовного судопроизводства» и в ст. 11, 166 УПК РФ, но, как отмечают авторы, применяется избирательно, поскольку защиту получают в основном заявившие ходатайство, чаще всего лица, содействующие субъектам оперативно-розыскной деятельности [2, с. 131]. Обе особенности объясняются состоянием и безопасностью допрашиваемых.

Электронная информация ставит вопрос об объекте действия. Ю. А. Телевицкая сопоставляет подходы, по которым объектом служит электронный носитель, сетевой ресурс или документ, найденный в сети. Последний подход она отвергает и предлагает включить в перечень объектов электронную сеть, а в протоколе указывать техническое средство и способ размещения данных [7, с. 192–193].

Результаты оперативно-розыскной деятельности допустимо использовать в доказывании в порядке, установленном уголовно-процессуальным законом, ст. 89 УПК РФ запрещает опираться на результаты, не отвечающие требованиям к доказательствам. С. Ю. Туров, ссылаясь на позицию Конституционного Суда Российской Федерации, называет их не доказательствами, а сведениями об источниках, способных стать доказательствами после процессуального закрепления [8, с. 352]. Среди юристов одни допускают прямое использование таких результатов, другие требуют преобразования процессуальным путём, третьи отрицают возможность использования [8, с. 353–354]. Более обоснованной представляется вторая позиция, так как она согласуется со ст. 89 УПК РФ.

Тактические работы акцентируют другое. А. В. Мишин считает связь с оперативными подразделениями полезной, поскольку их сведения обосновывают меры безопасности [3, с. 86]. П. Л. Ишимов видит в обмене информацией основу установления причастных лиц и предлагает включать оперативных сотрудников в осмотр [1, с. 305–306].

Авторы говорят о скорости, С. Ю. Туров говорит о форме, в которой сведения допускаются в дело, и расхождение, объясняется разным предметом анализа.

Таким образом, подводя итоги, можно сказать, что следственные действия по делам о терроризме не образуют особой процессуальной группы, их особенности порождены условиями производства. Осмотр требует

специальных знаний и фиксации, допрос раннего разграничения статусов потерпевших и свидетелей и решения вопроса о безопасности, не должна зависеть только от ходатайства. Электронная информация требует точного определения объекта действия. Оперативные сведения сохраняют доказательственную силу после закрепления самостоятельным следственным действием.

Литература:

1. Ишимов П. Л. Особенности расследования уголовных дел террористической направленности // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2022. Т. 32, вып. 2. С. 302–308.
2. Кряжев В. С., Степаненко Д. А. Некоторые тактические и организационные особенности допроса потерпевших и свидетелей при расследовании преступлений террористической и экстремистской направленности // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 29, № 1. С. 124–134.
3. Мишин А. В. Тактика производства процессуальных действий, связанных с применением мер безопасности // Вестник Казанского юридического института МВД России. 2023. Т. 14, № 2 (52). С. 84–89.
4. Обухов И. А. Типичные следственные ситуации последующего этапа расследования преступлений террористического характера в условиях правового режима контртеррористической операции и алгоритм их разрешения // Известия Алтайского государственного университета. 2018. № 3 (101). С. 174–178.
5. Попов В. А., Рудавин А. А. Некоторые аспекты осмотра места происшествия при расследовании террористических актов, совершенных с использованием беспилотных летательных аппаратов // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2024. Т. 30, № 2. С. 191–198.
6. Таршева М. Н., Толкунова Н. Н. Актуальные проблемы раскрытия и расследования преступлений террористического характера в цифровую эпоху // Криминалистика: вчера, сегодня, завтра. 2025. Т. 33, № 1. С. 194–207.
7. Телевицкая Ю. А. Объект выемки, осмотра и обыска в электронных сетях // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 4 (64). С. 191–194.
8. Туров С. Ю. Допустимость использования результатов оперативно-розыскной деятельности в уголовном судопроизводстве // Вестник Удмуртского университета. Серия Экономика и право. 2024. Т. 34, вып. 2. С. 352–359.

Правовой режим объектов авторского права, размещаемых в сети Интернет

Шавва Андрей Александрович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье рассматриваются критерии охраноспособности произведений, размещаемых в сети Интернет, и особенности правового режима отдельных видов цифровых объектов: интернет-сайта, программы для ЭВМ, базы данных, мультимедийного продукта, фотографии, публикации в социальной сети. Анализируются разъяснения Верховного Суда Российской Федерации и судебная практика последних лет. Делается вывод о том, что в сети охраняются те же объекты, что и вне ее, а особенности их режима связаны со сложностью состава, легкостью переработки и договорной средой платформ.

Ключевые слова: авторское право, сеть Интернет, объект авторского права, интернет-сайт, база данных, мультимедийный продукт, социальная сеть, искусственный интеллект.

Сеть Интернет сама по себе объектом авторского права не является. Это среда, в которой размещаются и используются произведения самых разных видов: тексты, фотографии, видео, музыка, программы, базы данных. Поэтому вопрос о том, что охраняется в сети, решается по общим правилам части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации. Особенности сетевой среды проявляются не в перечне объектов, а в том, как эти правила применяются на практике.

Объектами авторских прав являются произведения науки, литературы и искусства независимо от достоинств, назначения и способа выражения (п. 1 ст. 1259 ГК РФ) [1]. Для охраны нужно, чтобы произведение было результатом творческого труда и существовало в объективной форме. Регистрация не требуется. Верховный Суд РФ разъяснил, что, пока не доказано иное, результаты интеллектуальной деятельности предполагаются созданными творческим трудом [2]. Для сетевого контента эта презумпция имеет

большое значение: автору фотографии или поста не нужно объяснять суду, в чем именно состоял его творческий вклад, обязанность доказать обратное лежит на ответчике.

Закон прямо называет то, что не охраняется. Это идеи, концепции, принципы, методы, процессы, способы решения задач, открытия и факты (п. 5 ст. 1259 ГК РФ), а также официальные документы, государственные символы, произведения народного творчества и сообщения о событиях и фактах, имеющие исключительно информационный характер (п. 6 ст. 1259 ГК РФ) [1]. Последнее правило постоянно применяется к новостному контенту. Короткое сообщение о том, что произошло, охраны не получает, а авторский материал с анализом и оценками охраняется. При этом охраняются часть произведения, его название и персонаж, если они сами являются результатом творческого труда (п. 7 ст. 1259 ГК РФ). Это важно для оригинальных заголовков и слоганов, которые в сети часто перепечатываются без изменений.

Наибольшие споры вызывает интернет-сайт. Он объединяет тексты, изображения, программный код, базы данных и элементы дизайна, но единого правового режима для такого объекта законодатель не предусмотрел. Правовому положению сайта посвящено диссертационное исследование Е. С. Басмановой [4]. В доктрине сайт чаще всего рассматривают как составное произведение: составителю принадлежат права на подбор и расположение материалов при условии соблюдения прав авторов каждого включенного произведения (ст. 1260 ГК РФ). Программная часть сайта может охраняться как программа для ЭВМ, а контент сохраняет самостоятельную охрану. Практический вывод отсюда простой: владелец сайта не получает прав на все его элементы автоматически, ему нужны договоры с каждым автором.

Отдельно стоит сказать о дизайне сайта. В Обзоре судебной практики от 29 мая 2024 года Верховный Суд РФ указал, что дизайн может охраняться как произведение, если суд установит его творческий характер [3]. Для этого

обычно требуется экспертиза. Сайт, собранный из стандартного шаблона, охраны как целое, как правило, не получает, хотя отдельные его элементы могут охраняться.

Программы для ЭВМ охраняются как литературные произведения (ст. 1261 ГК РФ), включая исходный текст и объектный код, подготовительные материалы и порождаемые программой аудиовизуальные отображения. Алгоритмы и идеи, лежащие в основе программы, не охраняются. Правообладатель может зарегистрировать программу в Роспатенте (ст. 1262 ГК РФ). Регистрация не создает права, но фиксирует дату и состав программы и облегчает последующий спор о копировании кода.

База данных охраняется двояко. Если подбор или расположение материалов являются результатом творческого труда, на базу возникает авторское право составителя. Если создание базы потребовало существенных затрат, ее изготовитель приобретает смежное право (ст. 1333, 1334 ГК РФ), которое действует пятнадцать лет и возобновляется при каждом обновлении (ст. 1335 ГК РФ) [1]. Два режима могут существовать одновременно. Для сети это особенно актуально в связи с автоматизированным сбором данных с чужих ресурсов. Если собираются отдельные факты, например, цены, авторское право не нарушается, но может быть нарушено право изготовителя базы данных при извлечении существенной части ее содержания.

Мультимедийный продукт прямо упомянут в ст. 1240 ГК РФ среди сложных объектов. Лицо, организовавшее его создание, приобретает право использования входящих в него результатов по договорам. Легального определения мультимедийного продукта нет, и правовому режиму этого объекта посвящена монография Е. С. Гринь [5]. На практике обучающая платформа или компьютерная игра может быть квалифицирована и как сложный объект, и как программа для ЭВМ, и от этого выбора зависит распределение прав между участниками создания.

Основные виды объектов и особенности их правового режима обобщены в таблице 1.

Таблица 1. Правовой режим объектов авторского права в сети Интернет

Объект	Квалификация	Нормы ГК РФ	Особенность в сети
Интернет-сайт	Составное произведение	Ст. 1259, 1260, 1261	Права на элементы принадлежат разным лицам
Программа, приложение	Литературное произведение	Ст. 1261, 1262	Добровольная регистрация; лицензия-присоединение
База данных	Составное произведение и объект смежного права	Ст. 1260, 1333–1335	Защита от извлечения существенной части
Мультимедийный продукт	Сложный объект	Ст. 1240	Права приобретаются организатором по договорам
Фотография	Фотографическое произведение	Ст. 1259	Творческий характер предполагается
Пост в социальной сети	Литературное произведение	Ст. 1259	Охраняется при творческом характере
Результат нейросети	Произведение только при вкладе человека	Ст. 1228, 1257	Простой запрос вкладом не является

Примечание: составлено автором

Чаще всего предметом сетевых споров становятся фотографии. Их легко найти через поиск по картинкам и легко скопировать, а пользователи редко задумываются о том, что у снимка есть автор. В доктрине долго обсуждалось, любая ли фотография является произведением. Презумпция творческого характера фактически сняла этот вопрос для практики: ответчик, утверждающий, что снимок является технической фиксацией, должен это доказать [2]. В результате охраняется подавляющее большинство фотографий, включая любительские.

Долгое время считалось, что короткая публикация в социальной сети слишком мала, чтобы быть произведением. Практика с этим не согласна. Арбитражный суд Ростовской области в решении от 23 июля 2025 года по делу № А53–12667/2025 признал объектами авторского права тексты психолога, опубликованные в ее канале в Telegram, и взыскал с предпринимателя, разместившего их переработанные версии во «ВКонтакте» под своим именем, компенсацию в размере 100 тыс. рублей, из расчета 20 тыс. рублей за каждое нарушение [6]. Авторство истца было подтверждено более ранними датами публикаций. Решение показывает, что охрана зависит от творческого характера текста, а не от его длины.

Сетевая среда расширила использование и устной формы произведений. Закон признает объективной формой публичное произнесение (п. 3 ст. 1259 ГК РФ), поэтому лекция, прочитанная в прямом эфире, охраняется независимо от того, была ли она записана. Слушатель, ко-

торый записал трансляцию и выложил ее на собственный канал, использует чужое произведение без согласия автора.

Самый новый вопрос связан с результатами, созданными с помощью генеративных нейросетей. Автором по ст. 1257 ГК РФ может быть только гражданин, творческим трудом которого создано произведение [1]. Программа автором быть не может. Если человек лишь ввел короткий запрос, а изображение или текст полностью сгенерированы системой, оснований признать его автором, на наш взгляд, нет. Если же он отбирал варианты, дорабатывал и компоновал результат, творческий вклад может быть доказан, и произведение получает охрану в части, созданной человеком. Критерий существенного творческого вклада пока остается оценочным и нуждается в разъяснении на уровне Верховного Суда РФ.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что в сети Интернет охраняются те же объекты, что и вне ее, по общим правилам ст. 1259 ГК РФ. Особенность их правового режима состоит в другом. Цифровые объекты сложны по составу, легко перерабатываются и почти всегда используются на условиях пользовательских соглашений платформ. Поэтому при определении режима конкретного объекта нужно одновременно учитывать его вид, наличие составных элементов с самостоятельной охраной и договорную среду, в которой он размещен. Сходные выводы о необходимости учитывать специфику сетевой среды при сохранении общих норм делаются и в литературе [7; 8; 9].

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федер. закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 52 (ч. 1). — Ст. 5496.
2. О применении части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 23.04.2019 № 10 // Бюллетень Верховного Суда РФ. — 2019. — № 7.
3. Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024 // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. — URL: <https://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 01.10.2026).
4. Басманова Е. С. Интернет-сайт как объект имущественных прав: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. — М., 2010. — 175 с.
5. Гринь Е. С. Авторские права на мультимедийный продукт: монография. — М.: Проспект, 2021. — 128 с.
6. Решение Арбитражного суда Ростовской области от 23.07.2025 по делу № А53–12667/2025 // Картотека арбитражных дел. — URL: <https://kad.arbitr.ru> (дата обращения: 01.10.2026).
7. Калятин В. О. Право в сфере Интернета. — М.: Норма, 2004.
8. Право интеллектуальной собственности. Т. 2. Авторское право: учебник / под общ. ред. Л. А. Новоселовой. — М.: Статут, 2017. — 367 с.
9. Болдырев С. И. Авторские права на объекты, размещенные в сети Интернет, и их защита в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. — Курск, 2020. — 181 с.

Ответственность информационных посредников за нарушение авторских прав в сети Интернет: российский и зарубежный подходы

Шавва Андрей Александрович, студент магистратуры
Московский финансово-юридический университет МФЮА

В статье анализируется правовое положение информационных посредников в российском праве, условия освобождения их от ответственности по ст. 1253.1 Гражданского кодекса Российской Федерации и позиции Верховного Суда Российской Федерации. Российская модель сопоставляется с моделью «безопасной гавани» законодательства США и с правилами ст. 17 Директивы (ЕС) 2019/790. Предлагаются изменения законодательства: требования к заявлению правообладателя, срок реагирования посредника, процедура встречного уведомления и ответственность за заведомо ложные заявления.

Ключевые слова: авторское право, информационный посредник, интернет-платформа, ответственность, уведомление и удаление, встречное уведомление, DMCA, Директива 2019/790.

Нарушения авторских прав в сети почти всегда совершаются с использованием чужой инфраструктуры: хостинга, видеоплатформы, социальной сети. Правообладателю часто проще и быстрее обратиться не к анонимному нарушителю, а к площадке. Поэтому вопрос о том, когда отвечает сама площадка, является одним из центральных для защиты авторских прав в цифровой среде.

В российском праве этот вопрос решается ст. 1253.1 ГК РФ, введенной Федеральным законом от 2 июля 2013 года № 187-ФЗ и действующей с 1 августа 2013 года [1; 2]. Статья называет информационным посредником лицо, осуществляющее передачу материала в сети, лицо, предоставляющее возможность размещения материала или информации, необходимой для его получения, и лицо, предоставляющее возможность доступа к материалу. Посредник отвечает за нарушение интеллектуальных прав на общих основаниях, но только при наличии вины.

Для каждого вида посредника закон устанавливает условия освобождения от ответственности. Посредник, осуществляющий передачу материала, не отвечает, если он не является инициатором передачи, не определяет получателя, не изменяет материал и не знал о неправомерности использования (п. 2 ст. 1253.1 ГК РФ). Посредник, предоставляющий возможность размещения материала, освобождается от ответственности, если не знал и не должен был знать о неправомерности использования, а получив письменное заявление правообладателя, своевременно принял необходимые и достаточные меры для прекращения нарушения (п. 3 ст. 1253.1 ГК РФ) [1]. Освобождение от ответственности не исключает требований, не связанных с ответственностью, например, об удалении материала (п. 4 ст. 1253.1 ГК РФ).

Статус посредника определяется не названием компании, а характером ее деятельности. Верховный Суд РФ указал, что суд должен оценить, какую роль лицо выполняло в отношении спорного материала [3]. Владелец сайта, который сам отбирает, редактирует и публикует материалы, является не посредником, а непосредственным пользователем произведения. Тот, кто лишь предоставляет техническую возможность размещения, может пре-

тендовать на льготный режим. Даже лицо, размещающее гиперссылку на материал, при определенных условиях может быть признано посредником. Администратор доменного имени предполагается владельцем сайта, пока не доказано иное, что облегчает установление надлежащего ответчика [3].

Оценочные понятия п. 3 ст. 1253.1 ГК РФ суды наполняют содержанием в каждом деле. Своевременность мер оценивается с учетом объема заявления, технических возможностей посредника и количества спорных материалов. Необходимыми и достаточными мерами обычно признается удаление материала или ограничение доступа к нему. Если из заявления невозможно понять, о каком материале идет речь и на чем основаны права заявителя, бездействие посредника виновным не считается. Бремя доказывания распределяется так: правообладатель доказывает принадлежность права и факт размещения, а посредник, ссылающийся на освобождение от ответственности, доказывает выполнение условий п. 3 ст. 1253.1 ГК РФ. Такое распределение справедливо, поскольку сведения о получении заявления и принятых мерах находятся у посредника.

Наряду с гражданско-правовой моделью в России действуют публично-правовые механизмы, закрепленные в Федеральном законе «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» [4]. По определению Московского городского суда о предварительных обеспечительных мерах Роскомнадзор запускает процедуру ст. 15.2: хостинг-провайдер уведомляет владельца сайта, а при неудалении материала доступ к ресурсу ограничивается. С 1 мая 2015 года механизм распространен на все объекты, кроме фотографий, и дополнен бессрочной блокировкой при повторном нарушении и внесудебным порядком ст. 15.7 [5]. С 1 октября 2017 года блокируются копии заблокированных сайтов, а поисковые системы обязаны исключать ссылки на них из выдачи [6]. Неполное выполнение этих обязанностей ведет не к гражданской ответственности, а к ограничению доступа. По сути, это публично-правовой вариант процедуры «уведомление и удаление».

Российская гражданско-правовая модель близка к американской модели «безопасной гавани», закрепленной в разделе 512 Закона США об авторском праве в цифровую эпоху (DMCA) 1998 года. Провайдер хостинга там освобождается от ответственности, если после получения уведомления правообладателя быстро удаляет материал. Но есть два важных отличия. Во-первых, закон США подробно определяет требования к уведомлению и предусматривает процедуру встречного уведомления: пользователь, считающий удаление ошибочным, направляет возражение, и если правообладатель в установленный срок не обращается в суд, материал восстанавливается. Во-вторых, в США установлена ответственность за заведомо ложное уведомление. В российском законе этих правил нет, а понятия «своевременно» и «необходимые и достаточные меры» не конкретизированы. Правовое регулирование электронной коммерции, включая положение посредников, подробно рассмотрено А. И. Савельевым [8].

Европейский союз пошел другим путем. Статья 17 Директивы (ЕС) 2019/790 возложила на крупные платформы для обмена контентом прямую ответственность за загружаемые пользователями произведения [7]. Платформа должна получить лицензию правообладателя либо доказать, что приложила максимальные усилия для получения разрешения, обеспечила недоступность произведений, о которых правообладатель предоставил сведения, и оперативно реагировала на уведомления. Фактически это

означает обязательную предварительную фильтрацию. Модель критикуют за риск блокировки законного контента, в том числе цитат и пародий, поэтому Директива одновременно требует сохранять возможность такого использования и вводить механизм рассмотрения жалоб пользователей.

Сопоставление трех моделей показывает, что слабое место российского регулирования не в самом принципе ответственности, а в отсутствии процедурных правил. Пользователь, чей материал удален по жалобе, часто не знает, кто и на каком основании ее подал, и не имеет действенного способа оспорить удаление. Правообладатель, в свою очередь, не знает, в какой срок посредник обязан отреагировать. Проблема баланса интересов субъектов авторского права в интернет-среде давно обсуждается в литературе [9; 10].

На наш взгляд, ст. 1253.1 ГК РФ целесообразно дополнить следующими правилами. Во-первых, требованиями к содержанию заявления правообладателя: идентификация произведения и спорного материала, сведения о правах заявителя. Во-вторых, конкретным сроком реагирования посредника, например, двадцать четыре часа для крупных платформ. В-третьих, процедурой встречного уведомления. В-четвертых, ответственностью за заведомо ложные заявления, причинившие убытки пользователю или посреднику. Предлагаемая процедура встречного уведомления показана на рисунке 1.

Дополнительно предлагается ответственность за заведомо ложные заявления, причинившие убытки пользователю или посреднику

Рис. 1. Предлагаемая процедура встречного уведомления (составлено автором)

Такая процедура уравнивает интересы правообладателя и пользователя и переносит окончательное решение спора в суд, а посредник лишь выполняет формальные действия в установленные сроки.

Предлагаемые изменения не требуют принятия отдельного закона об авторском праве в цифровой среде. Их можно внести в ст. 1253.1 ГК РФ и в Закон об инфор-

мации, сохранив системность части четвертой Гражданского кодекса. Подход, при котором посредник отвечает за бездействие после получения обоснованного уведомления, но не обязан заранее проверять весь контент, представляется более сбалансированным, чем европейская модель обязательной фильтрации, и лучше соответствует российской правовой традиции.

Литература:

1. Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федер. закон от 18.12.2006 № 230-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 52 (ч. 1). — Ст. 5496.
2. О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросам защиты интеллектуальных прав в информационно-телекоммуникационных сетях: Федер. закон от 02.07.2013 № 187-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2013. — № 27. — Ст. 3479.
3. Обзор судебной практики рассмотрения гражданских дел, связанных с нарушением авторских и смежных прав в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет»: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 29.05.2024 // Верховный Суд Российской Федерации: официальный сайт. — URL: <https://www.vsrfr.ru> (дата обращения: 01.10.2026).
4. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федер. закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2006. — № 31 (ч. 1). — Ст. 3448.
5. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации» и Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 24.11.2014 № 364-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2014. — № 48. — Ст. 6645.
6. О внесении изменений в Федеральный закон «Об информации, информационных технологиях и о защите информации»: Федер. закон от 01.07.2017 № 156-ФЗ // Собрание законодательства РФ. — 2017. — № 27. — Ст. 3953.
7. Директива (ЕС) 2019/790 Европейского парламента и Совета от 17.04.2019 об авторском праве и смежных правах на едином цифровом рынке // Official Journal of the European Union. — 2019. — L 130. — P. 92–125.
8. Савельев А. И. Электронная коммерция в России и за рубежом: правовое регулирование. — 2-е изд., перераб. и доп. — М.: Статут, 2016. — 638 с.
9. Радайкин М. Ф. Правовые механизмы обеспечения баланса интересов субъектов авторского права в Интернет-среде: автореф. дис. ... канд. юрид. наук: 12.00.03. — М., 2013. — 25 с.
10. Право в сфере Интернета: сборник статей / рук. авт. кол. и отв. ред. М. А. Рожкова. — М.: Статут, 2018. — 528 с.

Деятельность Совета по правовой культуре при Тюменской областной Думе как правовой инструмент координационного взаимодействия власти и гражданского общества

Шаламов Владислав Андреевич, студент магистратуры
Тюменский государственный университет

Введение

Современное развитие российского государства сопровождается расширением форм участия граждан и общественных объединений в процессах публичного управления [6, с. 45]. Эффективность реализации правовой политики во многом зависит от уровня правовой культуры населения, который оказывает непосредственное влияние на состояние законности, правопорядка и доверия граждан к институтам власти [12, с. 114].

Актуальность исследования определяется как практическими потребностями развития институтов гражданского общества, так и изменениями конституционно-правового регулирования. Согласно статье 7 Конституции Российской Федерации, Россия является социальным государством, политика которого направлена на создание условий для достойной жизни и свободного развития человека. Существенное значение имеют также конституционные изменения 2020 года, усилившие значение об-

щественной солидарности и взаимодействия государства с институтами гражданского общества [8, с. 102].

Дополнительную актуальность исследованию придает Указ Президента РФ от 9 ноября 2022 г. № 809. В документе подчеркивается необходимость участия институтов гражданского общества в реализации государственной политики и использования средств массовой информации как инструмента формирования общественно значимых ценностей. В данных условиях особое значение приобретают консультативные и координационные структуры при органах государственной власти [11, с. 45]. Одним из таких признанных институтов является Совет по правовой культуре при Тюменской областной Думе.

Цель исследования заключается в определении правовой природы Совета по правовой культуре, выявлении его роли в системе взаимодействия государства и гражданского общества и разработке предложений по совершенствованию его деятельности на основе анализа актуальной региональной практики.

Материалы и методы исследования

Методологическую основу исследования составили общенаучные и специальные юридические методы познания. В работе использованы формально-юридический, сравнительно-правовой и системный методы, а также институциональный подход. Нормативную и эмпирическую основу исследования составили Конституция РФ, федеральное законодательство [2; 3], Указ Президента РФ № 809, Постановление Тюменской областной Думы № 2185 [5], а также Отчет о деятельности Тюменской областной Думы [13] и внутренние Материалы деятельности Совета за период 2022–2025 гг.

Результаты исследования и их обсуждение

Проведенный анализ позволяет сделать вывод о том, что Совет по правовой культуре представляет собой особый координационный институт взаимодействия органов публичной власти и гражданского общества [11, с. 48]. Его правовой статус носит общественно-государственный характер: не обладая властно-распорядительными полномочиями, Совет институционально интегрирован в структуру законодательного органа субъекта РФ.

В отличие от традиционных консультативных органов, деятельность Совета имеет выраженный межведомственный и практико-ориентированный характер. В его состав на паритетных началах входят депутаты, представители исполнительной власти, адвокатуры, нотариата, вузов, а также ключевых правоохранительных ведомств региона — Прокуратуры Тюменской области и УМВД. Данный подход позволяет объединить жестко формализованные ресурсы государственных структур с инициативой институтов гражданского общества [8, с. 115].

Анализ конкретной правоприменительной практики Совета за исследуемый период (2022–2025 гг.) позволяет выделить магистральные направления его работы, вышедшие далеко за рамки сугубо экспертных заседаний:

1. *Координация правопросветительских проектов.* Под эгидой Совета в Тюменской области ежегодно реализуются такие масштабные региональные проекты, как «Открытые уроки права» для школьников и студентов, и Областная правовая олимпиада, охватывающая более 5 000 участников ежегодно [13; 14]. Это позволяет напрямую транслировать академические правовые знания в молодежную среду.

2. *Обеспечение ведомственной профилактики правонарушений.* На органы прокуратуры и внутренних дел законом возложена обязанность по правовой профилактике, однако они часто испытывают дефицит каналов прямой коммуникации с населением [7, с. 150]. На площадке Совета данные ведомства получают легальный экспертный выход на целевые аудитории гражданского общества.

Особый научно-практический интерес представляет медийный кейс Совета, а именно использование регио-

нальных телевизионных площадок в качестве легальной информационно-коммуникационной формы государственно-общественного партнерства. Ярким примером выступает системное участие экспертов Совета и представителей правоохранительных органов (Прокуратуры, УМВД, Минюста) в эфирах популярной региональной телепрограммы «Вечерний хэштег» (телеканал «Тюменское время»).

В рамках эфиров программы «Вечерний хэштег» члены Совета в доступной для населения интерактивной форме осуществляют разбор наиболее острых и актуальных правовых проблем Тюменского региона: от механизмов защиты прав граждан в сфере ЖКХ до профилактики дистанционного мошенничества и киберпреступности среди молодежи. С юридической точки зрения этот механизм уникален: государственные ведомства, не имеющие коммерческих бюджетов на продвижение, благодаря координации Областной Думы получают бесплатный и легальный доступ к прайм-тайму регионального телевидения. Это напрямую способствует эффективному исполнению их публичных обязанностей по правовому просвещению населения и снижению уровня правового нигилизма [12, с. 120].

Научная новизна исследования

Научная новизна исследования состоит в обосновании положения о том, что Совет по правовой культуре при Тюменской областной Думе представляет собой самостоятельную, институционализированную форму координационного государственно-общественного взаимодействия. Автором доказано, что средства массовой информации (на примере кейса телепрограммы «Вечерний хэштег») выступают не просто информационным каналом, а самостоятельным нормативно скоординированным инструментом реализации государственно-общественного партнерства в правовой сфере субъекта РФ.

Заключение

Проведенное исследование позволяет сделать вывод о том, что Совет по правовой культуре при Тюменской областной Думе является эффективным инструментом взаимодействия государства и гражданского общества.

В целях дальнейшего совершенствования правового регулирования и практической деятельности Совета представляется целесообразным:

1. Закрепить на уровне Федерального закона «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах РФ» единый правовой статус и гарантии учета экспертных рекомендаций подобных советов при разработке региональных законопроектов [9, с. 95].

2. Разработать и нормативно закрепить в Регламенте Тюменской областной Думы процедуру обязательного направления социально значимых законопроектов на общественную экспертизу в Совет по правовой культуре.

3. Расширить практику создания совместных цифровых и медийных проектов (интерактивных платформ, подкастов, расширения пула правовых рубрик в программе «Вечерний хэштег») для правового воспитания молодежи.

Использование положительного опыта Тюменской области по координации медиа-ресурсов в деятельности консультативных структур может быть рекомендовано к правовой рецепции в других субъектах Российской Федерации [10, с. 180].

Литература:

1. Конституция Российской Федерации: принята всенародным голосованием 12 декабря 1993 г. (с изм., одобренными в ходе общероссийского голосования 1 июля 2020 г.). — Текст: электронный // Официальный интернет-портал правовой информации. — URL: <http://pravo.gov.ru>.
2. Об общественных объединениях: Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ (ред. от 25.12.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 1995. — № 21. — Ст. 1930.
3. Об основах общественного контроля в Российской Федерации: Федеральный закон от 21.07.2014 № 212-ФЗ (ред. от 27.11.2023) // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2014. — № 30 (Часть I). — Ст. 4213.
4. Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей: Указ Президента РФ от 09.11.2022 № 809 // Собрание законодательства Российской Федерации. — 2022. — № 46. — Ст. 7977.
5. О Совете при Тюменской областной Думе по повышению правовой культуры и юридической грамотности населения Тюменской области: Постановление Тюменской областной Думы от 24.10.2019 № 2185 (с изм. на 15.12.2022) // Тюменские известия. — 2019. — № 192.
6. Авакьян, С. А. Конституционное право России. Учебный курс: учебное пособие: в 2 т. / С. А. Авакьян. — 7-е изд., перераб. и доп. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2023. — 912 с.
7. Астафичев, П. А. Конституционное право России: учебник / П. А. Астафичев. — Москва: РИОР: ИНФРА-М, 2020. — 390 с.
8. Бондарь, Н. С. Гражданское общество и конституционное государство в современной России: ценностно-правовой дискурс отношений / Н. С. Бондарь. — Текст: непосредственный // Журнал конституционного правосудия. — 2022. — № 4 (88). — С. 1–11.
9. Малько, А. В. Теория государства и права: учебник / А. В. Малько, А. Ю. Саломатин. — 4-е изд. — Москва: ИНФРА-М, 2023. — 423 с.
10. Чиркин, В. Е. Государственное и муниципальное управление: учебник / В. Е. Чиркин. — Москва: Норма: ИНФРА-М, 2022. — 432 с.
11. Чепурнова, Н. М. Общественно-консультативные советы при органах публичной власти как институт взаимодействия государства и гражданского общества / Н. М. Чепурнова. — Текст: непосредственный // Образование и право. — 2022. — № 7. — С. 34–41.
12. Тепляков, И. И. Правовая культура и правовое просвещение в Тюменском регионе: институциональные формы государственно-общественного партнерства / И. И. Тепляков, С. В. Романчук. — Текст: непосредственный // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. — 2021. — Т. 7, № 2 (26). — С. 112–129.
13. Отчет о деятельности Тюменской областной Думы за 2024 год // Официальный сайт Тюменской областной Думы. — URL: <https://www.duma72.ru> [1.3].
14. Материалы деятельности Совета по повышению правовой культуры и юридической грамотности населения Тюменской области за 2022–2025 гг. // Внутренний текущий архив Тюменской областной Думы.

Административный надзор за лицами, освобожденными из мест лишения свободы: проблемы и пути их решения

Шепеленко Диана Игоревна, студент магистратуры
Саратовская государственная юридическая академия

Статья посвящена критическому анализу института административного надзора за лицами, освобожденными из мест лишения свободы в контексте его правовой природы, практики применения и влияния на ресоциализацию. Рассматриваются различные доктринальные подходы к определению надзора, обосновывается его двойственная сущность как меры административного принуждения и формы социального контроля. Делается вывод об архаичности действу-

ющей модели и необходимости её трансформации в реабилитационный механизм, интегрированный с институтом probation, с акцентом на индивидуализацию, гуманизацию и устранение барьеров для социализации.

Ключевые слова: административный надзор, постпенитенциарное воздействие, рецидивная преступность, ресоциализация, правовой статус, административное принуждение, probation, гуманизация, пропорциональность ответственности.

Administrative supervision of persons released from penal institutions: problems and solutions

Shepelenko Diana Igorevna, master's degree student
Saratov State Law Academy

This article presents a critical analysis of the system of administrative supervision over individuals released from places of detention, examining its legal nature, practical application, and impact on resocialization. It explores various doctrinal approaches to defining supervision and substantiates its dual nature as both a measure of administrative coercion and a form of social control. The article concludes that the current model is archaic and requires transformation into a rehabilitation mechanism integrated with the probation system, emphasizing individualization, humanization, and the removal of barriers to social reintegration.

Keywords: administrative supervision, post-penitentiary measures, recidivism, resocialization, legal status, administrative coercion, probation, humanization, proportionality of liability.

«Административный надзор включает в себя характерные черты не только надзора, но и контроля. Органы административного надзора проверяют только законность, что является отличительным признаком надзора. Однако в отличие от надзора, при обнаружении нарушения законодательства наряду с мерами, направленными на восстановление законности, могут применяться меры административного принуждения» [4, с. 354].

В системе постпенитенциарного воздействия административный надзор за освобожденными занимает особое положение: он одновременно предупреждает рецидивы и ограничивает конституционные права. Учитывая разнообразие трактовок надзора в научной литературе, обратимся к некоторым из них. Например, по мнению Никитина А. Д. и Пропостина А. А. «административный надзор определяется не как наблюдение, а как вид специфического контроля» [3, с. 12].

Мартынов А. В. определяет «административный надзор как особую форму публичного управления, предназначенную для профилактики, предупреждения и пресечения правонарушений, выявления и ликвидации угроз для безопасности общества и государства, защиты и охраны конституционных прав и свобод человека и гражданина, обеспечения законных интересов, организация противодействия противоправному поведению, реализации правовых норм с целью решения задач управления, осуществляемая в рамках соответствующих административно-надзорных производств посредством установленных в законодательстве административных процедур» [2, с. 12].

Зырянов С. М. рассматривает «административный надзор как деятельность правоохранительных органов, которая осуществляется с целью социализации граждан, отбывших уголовное наказание в виде лишения свободы» [1, с. 47].

Обобщение существующих точек зрения приводит к выводу: определение, данное законодателем, является достаточным, поскольку всесторонне охватывает реализацию надзорной деятельности

Заложенная в Федеральном законе от 6 апреля 2011 г. № 64-ФЗ [6] конструкция, изначально двойственна — это одновременно мера административного принуждения, направленная на обеспечение общественной безопасности, и форма социального контроля, существенно затрагивающая правовой статус лица.

Однако практика применения названного закона выявляет все больше дисбалансов, превращающих надзор из превентивного механизма в репрессивный рудимент, что требует безотлагательного научного переосмысления и поиска эффективных решений.

Ключевая проблема современного правового регулирования кроется в формализме оснований установления надзора. Законодатель связал обязательность надзора не с реальной степенью общественной опасности личности, а с формальными признаками состава преступления и наличием рецидива. Это привело к тому, что суды, будучи лишены широких дискреционных полномочий, вынуждены назначать надзор практически автоматически, нивелируя данные о поведении осужденного в период отбывания наказания, его психологический портрет и социальные связи. Такая практика вступает в противоречие с принципами индивидуализации ответственности и гуманизма, поскольку лицо, доказавшее свое исправление и не представляющее значимой угрозы, в течение длительного времени (вплоть до восьми лет) подвергается избыточным ограничениям.

Особого внимания заслуживает деструктивное влияние надзора на процессы ресоциализации. Правовой статус поднадзорного лица, по сути, создает непреодолимые барьеры для трудовой занятости и семейной

жизни, поскольку работодатели, даже в частном секторе, опасаются связываться с лицами, находящимися под постоянным контролем полиции. Это приводит к тому, что надзор, вместо того чтобы способствовать включению человека в нормальную жизнь, консервирует его маргинальное положение.

Самым болезненным элементом надзорной практики остается гипертрофированная ответственность за нарушения. Столь жесткие санкции, как административный арест или замена надзора на реальное лишение свободы, сегодня могут последовать даже за незначительное нарушение — например, за опоздание на регистрацию на пятнадцать минут или за нахождение вне дома в разрешенное время по уважительной причине. Это превращает институт надзора в «капкан», где малейшая формальная оплошность влечет восстановление уголовной репрессии. Подобный подход противоречит всем принципам пропорциональности и, по сути, нивелирует конституционное требование о том, что наказание должно быть соразмерно деянию. Гуманизация административно-деликтного механизма предполагает введение четкой шкалы нарушений на грубые (связанные с уклонением и угрозой обществу) и негрубые

(формальные), а также закрепление приоритета денежных штрафов или письменных предупреждений за негрубые проступки, оставляя изоляцию от общества исключительно для злостных нарушителей. «С принципом обеспечения баланса интересов личности, общества и государства непосредственно связан принцип наличия ясно выраженных ограничительных требований для недопущения злоупотреблений со стороны проверяющих субъектов» [5, с. 31].

Таким образом, действующая модель административного надзора является архаичной и не отвечает современным требованиям криминологической науки и правового государства. Вектор реформирования должен быть направлен на трансформацию надзора из карательного инструмента в реабилитационный комплекс мер, синхронизированный с институтом пробации. Административный надзор должен служить не барьером на пути социализации, а эффективным мостиком, обеспечивающим безопасность общества без ущемления фундаментальных прав человека. Только такой сбалансированный подход может обеспечить реальное снижение рецидивной преступности и восстановление доверия граждан к государственным институтам.

Литература:

1. Зырянов С. М. Административный надзор полиции и полицейский надзор: соотношение правовых категорий // Журнал российского права, 2018. № 2 (182). С. 47.
2. Мартынов А. В. Административный надзор в Российской Федерации: теоретические основы построения, практика осуществления и проблемы правового Регулирования: автореферат дисс. к.ю.н. Воронеж, 2011. С.12.
3. Никитин А. Д., Пропостин А. А. Постпенитенциарный административный надзор: монография. Москва, 2016. С. 12.
4. Соколова А. Ю. Административное право Российской Федерации: учебник для бакалавров / под ред. доктора юридических наук, профессора А. Ю. Соколова. Москва: Издательство «ДМК Пресс», 2025. С. 354.
5. Соколов А. Ю., Лакаев О. А. Правовая политика в сфере государственного контроля и надзора // Правовая политика и правовая жизнь. 2020. № 2. С. 31.
6. Федеральный закон «Об административном надзоре за лицами, освобожденными из мест лишения свободы» от 06.04.2011 № 64-ФЗ (в ред. от 06.04.2024) // Собрание законодательства Российской Федерации, 2011. № 15. Ст. 2097.

ПОЛИТОЛОГИЯ

Особенности национальных подходов к религиозной дипломатии в современной системе международных отношений

Холзода Масрур Бахтовар, студент магистратуры
Южно-Уральский государственный университет (г. Челябинск)

В статье рассматриваются особенности национальных подходов к религиозной дипломатии как к инструменту мягкой силы. Анализируются исторические предпосылки формирования религиозной дипломатии, ее соотношение с духовной дипломатией, основные механизмы и технологии взаимодействия государства с религиозными организациями. На основе сравнительного изучения опыта Ватикана, США, Германии, России, Саудовской Аравии, Турции, Марокко и Таиланда выделяются ценностно-миссионерская, цивилизационно-идентификационная и культурно-адаптивная модели религиозной дипломатии. Особое внимание уделяется критериям оценки ее эффективности. Делается вывод о том, что наиболее устойчивыми являются подходы, основанные на невмешательстве во внутренние дела другого государства и решении актуальных гуманитарных задач.

Ключевые слова: религиозная дипломатия, духовная дипломатия, мягкая сила, межрелигиозный диалог, религиозные организации, международные отношения, гуманитарное сотрудничество, национальные модели.

На протяжении всей истории религия играла важную роль в процессе международного взаимодействия. В традиционных обществах религиозные институты задавали ценностные рамки политического порядка, через них осуществлялась коммуникация между правителями, общинами и духовными элитами разных стран. В Средневековой Европе за дипломатические связи отвечал Святой Престол, зачастую выступавший посредником в межгосударственных конфликтах. В исламском мире транснациональное взаимодействие осуществлялось халифатом, улемами, религиозными школами, а также посредством паломничества [7].

Формирование Вестфальской системы международных отношений способствовало закреплению принципа государственного суверенитета и постепенному разграничению религиозной и политической сфер [15]. В результате религия стала вопросом внутренней политики государства. Однако свое влияние на международные процессы ей все же удалось сохранить. Во второй половине XX — начале XXI в. религиозные институты вновь вышли на международный уровень с помощью инициирования проектов по миротворчеству, гуманитарной деятельности, защите культурного наследия и формированию транснациональных общественных связей [9].

Возвращение религии в международную повестку обусловлено следующими факторами: отходом от секуляризации мировой политики, усилением конфликтов идентичности, ростом миграции, развитием транснацио-

нальных религиозных сетей и повышением роли негосударственных акторов [2]. В этих условиях религиозная дипломатия вышла за рамки деятельности отдельных духовных организаций, став инструментом реализации внешнеполитической стратегии государств [12].

Целью статьи является выявление особенностей национальных подходов к религиозной дипломатии и определение условий, при которых религиозный фактор становится ресурсом для распространения международного влияния.

В научной литературе религиозная дипломатия трактуется неоднозначно. В наиболее общем смысле под ней можно понимать совокупность практик, при реализации которых государства и негосударственные акторы используют религиозные институты и атрибуты для установления международных контактов, защиты государственных интересов и формирования благоприятного образа страны [2, с. 14–15].

Религиозная дипломатия тесно связана с концепцией мягкой силы, разработанной Дж. Наем, специфика которой заключается в воздействии на целевую аудиторию посредством распространения привлекательных ценностей, культуры, образа жизни [13]. В отличие от культурной дипломатии, религиозная дипломатия обращается к более глубоким пластам коллективной идентичности, включая историческую память, моральные представления, сакральные символы и чувство принадлежности к определенной цивилизационной общности [9].

При этом религиозную дипломатию необходимо отличать от духовной дипломатии. Духовная дипломатия ориентирована прежде всего на поиск универсальных нравственных оснований взаимодействия, укрепление взаимопонимания, гуманизм и миротворчество [2]. Религиозная дипломатия имеет более выраженный инструментальный характер: ресурсы религии используются для решения конкретных внешнеполитических задач [4]. В практической деятельности эти два направления могут пересекаться, однако их целевые установки различны.

Религиозную дипломатию целесообразно рассматривать в трех измерениях. Первое — дипломатия о религии, связанная с защитой прав верующих, религиозных общин и культурного наследия за рубежом. Второе — дипломатия через религию, предполагающая использование религиозных сетей и институтов для достижения внешнеполитических целей государства. Третье — дипломатия ради религии, направленная на развитие межконфессионального диалога и снижение напряженности.

В рамках сравнительного анализа стоит использовать второй подход, потому что он позволяет проследить, каким образом государство превращает религиозный фактор в политико-дипломатический ресурс. Стоит говорить, что национальные подходы к религиозной дипломатии формируются под воздействием исторического опыта, конфессионального состава населения, характера государственно-конфессиональных отношений и внешнеполитических приоритетов [14].

В Ватикане духовный авторитет и международно-правовой статус религии соединены в одном институте — Святом Престоле [8]. Святой Престол поддерживает дипломатические отношения с большим числом государств, апостольскими нунциатурами и транснациональными органами Католической церкви [3]. Ограниченные материальные возможности Ватикана компенсирует своим международным имиджем, связанным с авторитетом католической церкви, объединяющей более 1,3 миллиарда верующих [5].

Особенностью ватиканского подхода к религиозной дипломатии является посредническая деятельность. Святой Престол предпринял дипломатические усилия по урегулированию конфликта между Чили и Аргентиной (1978–1985 гг.), в Мозамбике (1992 г.), между США и Кубой (2014 г.) [4]. Продолжается челночная дипломатия Ватикана по урегулированию вооружённого конфликта между Россией и Украиной, результатом которой стало освобождение пленных. Помимо посредничества Ватикан уделяет внимание продвижению межрелигиозного диалога, в частности, налаживает связи с исламским миром [8]. На примере Ватикана такой подход к религиозной дипломатии показывает свою эффективность даже в условиях отсутствия экономического и военного ресурса [9].

В США реализуется другая модель религиозной дипломатии — плюралистическая. Ее отличительной чертой является наличие большого количества автономных религиозных организаций, гуманитарных фондов, миссио-

нерских объединений [11]. Государство координирует деятельность своих религиозных организаций, оказывает им политическую и финансовую поддержку, но при этом не является единственным центром принятия решений в вопросах внешнеполитической религиозной деятельности [9].

Такой подход основан на Законе о международной религиозной свободе 1998 г., закрепившем защиту религиозных прав в качестве направления внешней политики [11]. Религиозные НКО участвуют в гуманитарных операциях, постконфликтном урегулировании и миротворческой деятельности. Вместе с тем в США сильна политическая конкуренция различных религиозных групп, что может приводить к провокациям и снижению доверия к американским религиозным инициативам в отдельных регионах мира. Например, Католическая служба помощи участвовала в миротворческих миссиях в Анголе, Конго, Боснии и Герцеговине. Однако в 2010 году группировка «Аш-Шабаб» выслала 3 американских религиозных организации из-за пропаганды христианства среди мусульманского населения.

В Германии также господствует плюралистический подход к религиозной дипломатии, но с некоторыми национальными особенностями. Государство находится в тесном взаимодействии с Евангелической церковью Германии, Католической церковью и религиозными организациями общин мигрантов [2]. Религиозная дипломатия Германии направлена на защиту прав человека, вопросы экологической повестки, социальной справедливости и межрелигиозного диалога. Существенную роль играют церковные структуры, отвечающие за гуманитарное сотрудничество, которые действуют при поддержке специализированных государственных агентств.

Российский подход предполагает взаимодействие государства с религиозными организациями, сохраняющими юридическую автономию [4]. Центральным негосударственным субъектом в международной дипломатии выступает Русская Православная Церковь, также международным потенциалом обладают и российские исламские, буддийские и иудейские организации [1]. Такой подход имеет название партнерского или симфонического, который обозначает взаимное согласие церкви и государства [2].

Особенность российской модели состоит в государственной многоконфессиональности и многонациональности [1]. Религиозная дипломатия России одновременно строится и на православной традиции, и на имидже страны как места мирного сосуществования различных конфессий. Межрелигиозный совет России используется в качестве площадки для укрепления религиозной стабильности и представления позитивного опыта страны на международном уровне. В этих процессах важной представляется деятельность Отдела внешних церковных связей Московского Патриархата, российских муфтиятов, буддийской сангхи и еврейских религиозных объединений [4].

В исламском мире существует несколько различных национальных подходов. Саудовская Аравия до конца XX в. придерживалась ресурсно-идеологической модели, основанной на религиозном статусе страны, финансовых возможностях, позволяющих финансировать строительство и поддержание работы мечетей, медресе и культурных центров за рубежом [6]. Паломничество в Мекку и Медину предоставляло Королевству особый канал для транснационального взаимодействия. Однако экспорт страной консервативной идеологии привел к значительным репутационным издержкам и способствовал появлению ассоциации Саудовской Аравии с радикальными течениями. В рамках программы «Видение–2030» саудовский подход был скорректирован и направлен в сторону продвижения умеренного ислама, межрелигиозного диалога и религиозного туризма [6].

Для Турции характерна секулярно-инструментальная модель. Формально сохраняя светский характер государства, страна активно задействует для работы с зарубежными мусульманскими общинами Управление по делам религий — Диянет [10]. В комплексе с деятельностью фонда «Маариф», института Юнуса Эмре, Турецкого агентства по сотрудничеству и координации и других структур Диянет курирует строительство мечетей, подготовку имамов, распространение религиозной литературы и продвижение турецкой культуры за рубежом.

Главной проблемой турецкого подхода к религиозной дипломатии является сильная зависимость религиозных международных проектов страны от политической обстановки внутри Турции [14]. Учитывая авторитарные турецкие политические тенденции, страны-реципиенты, особенно страны Запада, с осторожностью относятся к работе религиозных организаций, поддерживаемых властями Турции, поскольку видят в них угрозу вмешательства в свои внутренние дела силами турецкой диаспоры. В результате религиозные проекты Турции за рубежом нередко сталкиваются с обвинениями в религиозной экспансии, ведущими к политическим ограничениям со стороны местных властей [12].

Наиболее успешным среди исламских подходов является подход продвижения умеренного ислама Марокко. Для его реализации государство использует площадку Института им. Мухаммеда VI, на базе которого осуществляется образовательная подготовка имамов и других религиозных служащих для стран Африки [12]. Основной целью марокканского подхода является разработка и продвижение механизма по противодействию радикализации ислама на африканском континенте, в связи с чем он не представляет угрозы политическому устройству принимающих стран и потому не сталкивается с административными барьерами, в отличие от Турции.

Основными причинами успеха такой модели ученые называют тесные культурные связи Марокко со странами-реципиентами и отсутствие какого-либо принуждения [12]. Добровольный характер марокканских религиозных программ повышает уровень доверия к ее инициа-

тивам. Выпускники марокканских ВУЗов возвращаются в свои страны и становятся трансляторами идей умеренного ислама, борясь с распространением радикальных идей. В долгосрочной перспективе это способствует повышению международного имиджа Марокко как страны, предлагающей проактивный подход к поддержанию спокойствия в Африке.

Совсем иную природу имеет буддийская дипломатия Таиланда. В своем подходе Таиланд активно интегрирует религию в туристический потенциал страны: организует религиозный туризм и проводит «реликвенную дипломатию» [1, с. 115–116]. Деятельность по повышению международного имиджа включает открытие новых и реставрацию старых буддийских святынь и монастырей, проведение буддийских фестивалей и выставок [1]. Подход Таиланда главным образом основан на культурной привлекательности страны, а потому не предполагает навязывание каких-либо религиозных догм. Тайская модель обращается к универсальным темам духовного благополучия, внутреннего равновесия и гармонии [1].

Результаты религиозной дипломатии зачастую нематериальны и проявляются только спустя определенное время. Подготовка религиозных кадров, формирование доверия к религиозным институтам и изменение отношения к стране могут занимать десятилетия [2]. В связи с чем оценить ее эффективность только в количественных показателях довольно сложно. Процесс анализа требует синтезированного подхода.

К количественным показателям результативности религиозной дипломатии можно отнести:

- число иностранных студентов в религиозных учебных заведениях;
- число паломников;
- число построенных и отреставрированных культовых сооружений;
- число реализованных благотворительных проектов;
- объем помощи от религиозных НКО [9].

Эти показатели позволяют определить масштаб, но не всегда отражают качество реализации религиозной дипломатии.

Качественные показатели включают:

- динамику характера общественной и медийной оценки страны за рубежом;
- готовность местных религиозных элит участвовать в проектах;
- наличие доверия к организациям страны-донора;
- участие религиозных лидеров в миротворческих процессах;
- поддержку внешнеполитических инициатив страны-донора со стороны стран-реципиентов [2].

Если возникает ситуация, когда религиозная организация используется в качестве инструмента оказания идеологического и политического давления, существует вероятность применения проактивных мер со стороны страны-реципиента в отношении иностранных НКО по противодействию иностранному вмешательству во вну-

тренние дела [14]. Кроме того, пренебрежение страной-донором местных законов и традиций может привести к дестабилизации политической обстановки в стране-реципиенте [12]. Особенно чувствительно к этому относятся власти светских государств, где иностранные религиозные структуры могут восприниматься как угроза национальной безопасности [14].

Кроме того, зарубежные религиозные проекты могут быть подвержены влиянию местных радикальных течений. Финансирование мечетей, образовательных учреждений и гуманитарных программ без достаточного контроля способно создать риски распространения экстремистских настроений [6]. В связи с этим религиозная дипломатия должна сопровождаться тщательным мониторингом реализуемых программ и объективной оценкой локальных последствий [11].

Наконец, результативность религиозной дипломатии зависит от внутреннего морального авторитета религиозных организаций. Коррупционные скандалы, злоупотребления, политические конфликты и участие духовных лидеров в сомнительной деятельности снижают доверие к международным инициативам и проектам [9]. Таким образом, эффективность религиозной дипломатии зависит от репутации её участников [2].

Таким образом, национальные подходы к религиозной дипломатии существенно различаются по степени институционализации, роли государства в системе ее реализации, характеру религиозных нарративов и объему,

и набору используемых ресурсов. Ватикан опирается на универсальный моральный авторитет; США и Германия — на плюрализм религиозных организаций; Россия — на сотрудничество государства с традиционными конфессиями; Саудовская Аравия — на сакральный статус и финансовые ресурсы; Турция — на религиозную инфраструктуру; Марокко — на образовательные программы; Таиланд — на культурную привлекательность буддизма.

В сравнении данных национальных подходов эффективность религиозной дипломатии определяется не столько объемом материальных ресурсов, сколько наличием доверия, институциональной устойчивостью, соответствием внутренней и внешней политики и уважением к суверенитету стран-реципиентов. Наиболее результативными оказываются модели, которые продвигают востребованные гуманитарные и образовательные инициативы и не воспринимаются как угроза национальному суверенитету.

Религиозная дипломатия может способствовать миротворчеству, укреплению гуманитарных связей, защите культурного наследия и развитию региональной интеграции. Однако ее чрезмерная политизация способна привести к репутационным потерям, радикализации и дипломатическому противодействию. В связи с чем наиболее эффективной является та религиозная дипломатия, которая соответствует местной политической и религиозной культуре и не представляет угрозы внутренней стабильности страны-реципиента в период её реализации.

Литература:

1. Бадмаев, В. Н. Буддийская дипломатия: идеи и практика / В. Н. Бадмаев. — Текст: непосредственный // Вестник Калмыцкого университета. — 2021. — № 1 (49). — С. 111–118.
2. Илиопулу, А. Взаимодействие государства и церкви в Греции: политика цивилизационного моста и ресурсы: автореферат на соискание ученой степени кандидата политических наук / Илиопулу А.. — М., 2023. — 30 с.
3. Красилов, А. А. Ватикан 2000 лет спустя. Римо-католичество между прошлым и будущим / А. А. Красилов. — М.: Институт Европы РАН, 2012. — 312 с.
4. Мельник, С. В. Дипломатический межрелигиозный диалог в системе межрелигиозных отношений / С. В. Мельник. — Текст: непосредственный // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. — 2021. — № Т. 38. — С. 129–140.
5. Мусульмане любят папу Франциска больше, чем многие христиане. — Текст: электронный // Независимая газета: [сайт]. — URL: https://www.ng.ru/ng_religii/2024-09-17/9_580_pope.html (дата обращения: 03.10.2026).
6. Останин-Головня, В. Д. Религиозный фактор во внешней политике Саудовской Аравии (1979–2019 гг.): автореферат на соискание ученой степени кандидата политических наук / Останин-Головня В. Д. — М., 2025. — 28 с. — Текст: непосредственный.
7. Полонская, Л. Р. Ислам в современной политике стран Востока (конец 70-х — начало 80-х годов XX в.) / Л. Р. Полонская. — М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. — 279 с. — Текст: непосредственный.
8. Юань, Цюань Религиозно-политические отношения между Китаем и Ватиканом — Святым Престолом (1949–2017): автореферат на соискание ученой степени кандидата исторических наук / Юань Цюань. — М., 2019. — 28 с. — Текст: непосредственный.
9. Dimitropoulou, E. The crucial role of religion in contemporary world politics. The contribution of Religious Diplomacy to world peace and security: диссертация на соискание ученой степени магистра / Dimitropoulou E.; University of Macedonia. — Thessaloniki, 2025. — 57 с. — Текст: непосредственный.
10. Fraszka, Ł. S. Dyplomacja religijna Republiki Turcji / Ł. S. Fraszka. — Текст: непосредственный // Przegląd Geopolityczny. — 2021. — № 38. — С. 545–562.

11. Joseph, I. Faith-Based Diplomacy: The Role of Religion in Conflict Resolution and Peacebuilding in Africa / I. Joseph. — Текст: непосредственный // International Journal of Engineering Technology Research & Management. — 2025. — № Vol. 9. Issue 10. — С. 240–252.
12. Kaya, A. Diaspora politics and religious diplomacy in Turkey and Morocco / A. Kaya, A. Drhimeur. — Текст: непосредственный // Religion, State and Society. — 2023. — № Vol. 51. No. 3. — С. 215–236.
13. Nye, J. S. Soft Power: The Means to Success in World Politics / J. S. Nye. — New York: PublicAffairs, 2004. — 191 с. — Текст: непосредственный.
14. Ozturk, A. E. Islam and Foreign Policy: Turkey's Ambivalent Religious Soft Power in the Authoritarian Turn / A. E. Ozturk. — Текст: непосредственный // Religions. — 2020. — № Vol. 11. No. 7. — С. 341–358.
15. Troy, J. Faith-Based Diplomacy under Examination / J. Troy. — Текст: непосредственный // The Hague Journal of Diplomacy. — 2008. — № Vol. 3. — С. 209–231.

ФИЗИЧЕСКАЯ КУЛЬТУРА И СПОРТ

Сравнительный анализ методов развития гибкости в хореографической подготовке студентов

Каримова Виктория Рафаиловна, студент магистратуры
Вятский государственный университет (г. Киров)

В статье представлен сравнительный анализ различных методов развития гибкости, используемых в хореографической подготовке студентов. Рассматриваются статические, динамические, пассивные и комбинированные методы растягивания, их преимущества и недостатки применительно к задачам профессиональной подготовки хореографов. Особое внимание уделяется методике проприоцептивной нейромышечной фасилитации (ПНФ-растягивание) и элементам йоги как современным и эффективным средствам развития гибкости. На основе анализа научной литературы обосновывается необходимость комплексного использования различных методов с учётом возрастных и индивидуальных особенностей студентов. Предлагаются рекомендации по оптимальному сочетанию методов в рамках учебно-тренировочного процесса.

Ключевые слова: гибкость, методы развития гибкости, статическое растягивание, динамическое растягивание, ПНФ-растягивание, йога, хореографическая подготовка, студенты-хореографы.

Comparative analysis of methods for developing flexibility in students' choreographic training

The article presents a comparative analysis of various methods for developing flexibility used in the choreographic training of students. Static, dynamic, passive, and combined stretching methods are examined, along with their advantages and disadvantages in relation to the tasks of professional training for choreographers. Special attention is paid to the technique of proprioceptive neuromuscular facilitation (PNF stretching) and yoga elements as modern and effective means of developing flexibility. Based on an analysis of scientific literature, the need for a comprehensive use of various methods, taking into account the age-related and individual characteristics of students, is substantiated. Recommendations are offered regarding the optimal combination of methods within the framework of the training process.

Keywords: flexibility, methods of developing flexibility, static stretching, dynamic stretching, PNF stretching, yoga, choreographic training, student choreographers.

Введение

Развитие гибкости является одной из ключевых задач физической подготовки в хореографическом образовании. Современный танец предъявляет высокие требования к уровню подвижности суставов и эластичности мышц, что определяет необходимость поиска наиболее эффективных методов развития этих качеств [1; 2].

В теории и методике физической культуры выделяются различные методы развития гибкости: статические, динамические, пассивные, баллистические, а также комбинированные методы, основанные на проприоцептивной нейромышечной фасилитации (ПНФ) [3, с. 67]. Каждый

из этих методов имеет свои преимущества и ограничения, что требует их дифференцированного применения в зависимости от задач подготовки, возраста и индивидуальных особенностей занимающихся.

В профессиональной хореографической подготовке традиционно используются методы статического и динамического растягивания, однако в последние годы всё большее внимание уделяется таким методам, как ПНФ-растягивание и элементы йоги [1; 4]. Актуальность сравнительного анализа этих методов обусловлена необходимостью научного обоснования выбора наиболее эффективных средств развития гибкости в процессе профессиональной подготовки хореографов.

Классификация методов развития гибкости

В теории физического воспитания выделяются следующие основные методы развития гибкости [3, с. 67]:

1. Статический метод — основан на удержании определённого положения тела с максимальной амплитудой в течение определённого времени (от 20 до 60 секунд). Статические упражнения способствуют постепенному увеличению эластичности мышц и связок, снижают риск травм и могут выполняться самостоятельно без партнёра [3, с. 67].

2. Динамический метод — включает выполнение маховых, пружинистых и других активных движений с постепенным увеличением амплитуды. Динамические упражнения способствуют развитию активной гибкости и часто используются в разминке [3, с. 67].

3. Пассивный метод — предполагает использование внешних сил (партнёра, отягощения, снарядов) для достижения большей амплитуды движения. Пассивные упражнения позволяют превысить амплитуду, доступную при активных движениях, но требуют осторожности и контроля [3, с. 67].

4. Баллистический метод — основан на использовании инерции тела или его частей для выполнения движений с максимальной амплитудой. Этот метод считается наиболее травмоопасным и в хореографической подготовке применяется ограниченно [3, с. 68].

5. ПНФ-растягивание (проприоцептивная нейромышечная фасилитация) — комбинированный метод, основанный на чередовании изометрического напряжения мышц с их последующим пассивным растягиванием [5]. Метод позволяет значительно увеличить амплитуду движений за счёт рефлекторного расслабления мышц после напряжения [5].

6. Элементы йоги — система статических поз (асан), направленных на развитие гибкости, силы и расслабление мышц [1]. Асаны удерживаются от 30 до 70 секунд и выполняются в сочетании с дыхательными упражнениями [1].

Сравнительная характеристика методов

Статическое растягивание является наиболее распространённым методом в хореографической подготовке. Его преимущества заключаются в безопасности, доступности и возможности точной дозировки нагрузки. Однако, по мнению некоторых исследователей, статическое растягивание перед динамической нагрузкой может временно снижать мышечную силу [5].

Динамическое растягивание более эффективно для развития активной гибкости, так как имитирует структуру танцевальных движений. Однако оно требует большего контроля и может быть травмоопасным при недостаточной подготовке [3, с. 67].

Пассивное растягивание позволяет достичь большей амплитуды движений, чем активное, и часто используется

для развития специальной гибкости. При этом оно требует участия партнёра и повышенного внимания к технике безопасности [3, с. 67].

ПНФ-растягивание считается одним из наиболее эффективных методов развития гибкости [5]. Исследования показывают, что ПНФ-растягивание даёт более быстрый и устойчивый эффект по сравнению со статическим растягиванием [5]. Метод основан на физиологическом механизме реципрокного торможения: после изометрического напряжения мышцы рефлекторно расслабляются, что позволяет увеличить амплитуду движения [5].

Элементы йоги в хореографической подготовке получили распространение благодаря комплексному воздействию на организм [1]. Асаны не только развивают гибкость, но и укрепляют мышечный корсет, улучшают координацию и способствуют психоэмоциональному расслаблению [1]. Исследования показывают, что включение элементов йоги в занятия классическим танцем повышает подвижность суставов и улучшает функциональное состояние опорно-двигательного аппарата [1].

Особенности применения методов в работе со студентами-хореографами

При выборе методов развития гибкости в работе со студентами-хореографами необходимо учитывать следующие факторы:

1. Возрастные особенности. Студенты 18–21 года находятся в периоде завершения формирования опорно-двигательного аппарата [6]. Это требует осторожности при использовании пассивных и баллистических методов, особенно на начальных этапах обучения.

2. Уровень подготовленности. Студенты первых курсов часто имеют недостаточный уровень развития гибкости, что требует применения преимущественно статических и динамических методов на начальном этапе [1].

3. Специфика хореографической деятельности. В хореографии востребованы как активная (для выполнения махов и бросков ног), так и пассивная (для выполнения шпагатов и глубоких наклонов) гибкость, что определяет необходимость комплексного использования различных методов [2; 4].

4. Индивидуальные особенности. При выборе методов необходимо учитывать тип телосложения, состояние здоровья и индивидуальные психофизиологические особенности студентов [7].

Рекомендации по комплексному использованию методов

На основе проведённого анализа рекомендуется следующее сочетание методов развития гибкости в процессе хореографической подготовки студентов [1; 3; 5]:

1. Подготовительная часть занятия — динамическое растягивание для разогрева мышц и подготовки суставов к работе.

2. Основная часть занятия — статическое растягивание (40–60 секунд фиксации) для развития пассивной гибкости; элементы йоги для комплексного развития гибкости и расслабления.

3. Заключительная часть занятия — ПНФ-растягивание (с партнёром) для развития специальной гибкости и достижения максимальной амплитуды; статические упражнения на расслабление.

Оптимальное соотношение различных методов: 40 % — статические упражнения, 40 % — динамические, 20 % — пассивные и ПНФ-растягивание [3, с. 68].

Выводы

1. Развитие гибкости в хореографической подготовке требует комплексного использования различных методов, каждый из которых имеет свои преимущества и ограничения.

2. Наиболее эффективными методами развития гибкости в работе со студентами-хореографами являются статическое растягивание (для развития пассивной гибкости), динамическое растягивание (для развития активной гибкости) и ПНФ-растягивание (для достижения максимальной амплитуды).

3. Элементы йоги являются эффективным дополнительным средством развития гибкости, оказывающим комплексное воздействие на опорно-двигательный аппарат и психоэмоциональное состояние студентов.

4. Выбор методов развития гибкости должен осуществляться с учётом возрастных особенностей, уровня подготовленности и индивидуальных характеристик студентов-хореографов.

5. Рекомендуемое соотношение методов в учебно-тренировочном процессе: 40 % — статические, 40 % — динамические, 20 % — пассивные и ПНФ-растягивание.

Литература:

1. Каравацкая, Н. А. Методика повышения уровня гибкости у студентов, обучающихся по направлению подготовки «Хореографическое искусство» / Н. А. Каравацкая, Е. В. Смольянина, С. Н. Смольянин // Ученые записки университета им. П. Ф. Лесгафта. — 2022. — № 10 (212). — С. 173–178.
2. Моисейчик, Э. А. Научно-методические аспекты развития гибкости у студенток специальной медицинской группы средствами хореографии / Э. А. Моисейчик, С. Г. Лариошина, Г. Н. Зинкевич // Вестник Брестского государственного университета. — 2021. — № 3. — С. 88–93.
3. Булгакова, Н. Ж. Теория и методика физической культуры: учебник / Н. Ж. Булгакова. — М.: Академия, 2019. — 432 с.
4. Миловзорова, М. С. Развитие гибкости как профессионально значимого качества в хореографической деятельности: методические рекомендации / М. С. Миловзорова. — М.: МГИК, 2024. — 44 с.
5. Rubini, E. C. Immediate Effect of Static and Proprioceptive Neuromuscular Facilitation Stretching on Hip Adductor Flexibility in Female Ballet Dancers / E. C. Rubini, A. C. Souza, M. L. Mello, R. F. P. Bacurau, L. R. Cabrai, P. T. V. Fari-natti // Journal of Dance Medicine & Science. — 2011. — Vol. 15, № 4. — P. 177–181.
6. Барабанова, В. Б. Анатомия и физиология человека: учебник для вузов / В. Б. Барабанова. — М.: Высшая школа, 2016. — 486 с.
7. Сабанцева, Т. В. Индивидуализация специальной физической подготовленности студентов-хореографов на основе учета особенностей телосложения / Т. В. Сабанцева // Преподаватель XXI век. — 2019. — № 3, ч. 1. — С. 186–194.
8. Лях, В. И. Тесты в физическом воспитании / В. И. Лях. — М.: АСТ, 2008. — 272 с.
9. Шипилина, И. А. Хореография в спорте: учебник / И. А. Шипилина. — Ростов н/Д: Феникс, 2004. — 224 с.
10. Лисицкая, Т. С. Хореография в гимнастике: учебник для вузов / Т. С. Лисицкая. — 2-е изд., испр. и доп. — М.: Юрайт, 2025. — 242 с.

Влияние физической активности на здоровье студентов

Морозова Дарья Андреевна, студент;

Соболева Кира Юрьевна, студент

Научный руководитель: Швецова Мария Павловна, преподаватель
Карагандинский технический университет имени Абылкаса Сагинова (Казахстан)

В статье рассматривается влияние физической активности на физическое и психическое здоровье студентов высших учебных заведений. Приводятся данные систематических обзоров, подтверждающих связь между уровнем двигательной активности и показателями стресса, тревожности, качества сна и успеваемости. Представлены результаты авторского опроса, проведённого среди студентов 1–3 курсов, а также данные сравнительных исследований из российских и зарубежных вузов. Выявлены основные барьеры, препятствующие регулярной физической активности:

учебная нагрузка, низкая мотивация, предпочтение цифрового досуга. Обсуждаются возможные пути повышения вовлечённости студентов в занятия физической культурой.

Ключевые слова: физическая активность, здоровье студентов, гиподинамия, двигательный режим, психическое здоровье, профилактика, мотивация.

Введение

Студенческий возраст — критический период формирования жизненных привычек, которые определяют здоровье человека на десятилетия вперёд. Именно в эти годы закладываются модели поведения, связанные с питанием, сном, стресс-менеджментом и физической активностью. Однако статистика свидетельствует о тревожной тенденции: значительная часть студентов демонстрирует недостаточный уровень двигательной активности, не соответствующий рекомендациям Всемирной организации здравоохранения (150 минут умеренной или 75 минут интенсивной нагрузки в неделю).

Согласно данным, примерно 40 % населения Казахстана в возрасте 18 лет и старше не занимаются физической культурой и спортом. Среди студентов показатели ещё менее утешительны: исследования в казахстанских вузах фиксируют, что около 90 % студентов не достигают рекомендуемого уровня активности, а 14 % полностью исключают физические упражнения из своей жизни. Аналогичные данные получены в российских исследованиях: в период сессии двигательная активность студентов первого курса снижается на 30 %.

Физическая активность оказывает многомерное влияние на здоровье студентов. Она не только снижает риск хронических заболеваний — сердечно-сосудистых, диабета, ожирения, — но и непосредственно воздействует на когнитивные функции, эмоциональное состояние и академическую успеваемость. Систематический обзор 38 исследований с участием более 20 000 студентов подтвердил устойчивую связь между высоким уровнем физической активности и снижением стресса, депрессии и тревожности.

Цель настоящей работы — проанализировать влияние физической активности на здоровье студентов и выявить факторы, определяющие их двигательное поведение.

Задачи исследования:

1. Рассмотреть научные данные о влиянии физической активности на физическое и психическое здоровье студентов.
2. Провести опрос для оценки уровня активности и субъективного самочувствия студентов.
3. Выявить основные барьеры, препятствующие регулярным занятиям.
4. Обсудить возможные стратегии повышения физической активности в студенческой среде.

Методология исследования

Исследование носило смешанный характер и включало анализ вторичных данных научной литературы (система-

тические обзоры, мета-анализы, эмпирические исследования 2020–2026 годов) и проведение авторского опроса.

Выборка. В опросе приняли участие 150 студентов 1–3 курсов различных направлений подготовки (основная и подготовительная медицинские группы). Возраст респондентов — 18–24 года. Данные собирались посредством онлайн-анкетирования (Google Forms) в течение одного учебного семестра.

Инструментарий. Анкета включала блоки вопросов: самооценка уровня физической активности; предпочтительные форматы досуга; барьеры, препятствующие занятиям; отношение к академическим занятиям физической культурой; мотиваторы и предпочтительные форматы активности. Дополнительно использовались данные International Physical Activity Questionnaire (IPAQ) из сопоставимых исследований для сравнительного анализа.

Статистическая обработка. Результаты представлены в процентном распределении ответов. Для сравнительного анализа привлекались данные опубликованных исследований по российским и казахстанским вузам.

Итоги опроса

Самооценка уровня активности. Большинство студентов (41,5 %) оценили свой уровень физической активности как умеренный. Низкий уровень отметили 26,2 % респондентов, высокий — 24,6 %, очень низкий — оставшиеся. Таким образом, более четверти опрошенных осознают свою двигательную недостаточность.

Время в сидячем положении. 46,2 % студентов проводят сидя от 4 до 8 часов в день. Ещё 55 человек из 150 (36,7 %) находятся в сидячем положении от 8 до 12 часов. Это соответствует данным других исследований, фиксирующих высокий уровень седентарного поведения среди студентов.

Барьеры. Основными причинами недостатка движения респонденты назвали:

- предпочтение цифрового досуга — 56,9 %;
- усталость и стресс — 55,4 %;
- большая учебная нагрузка — 55,4 %.

Эти данные согласуются с результатами опросов в российских вузах, где учебная загруженность (78 %) и низкий уровень мотивации (67 %) выступают ведущими препятствиями. В казахстанском исследовании 58 % студентов указали на нехватку времени, 43 % — на высокую академическую нагрузку, 37 % — на недостаточную мотивацию.

Отношение к занятиям физической культурой. 49,2 % студентов воспринимают академические занятия как «обязательную рутину». С удовольствием посещают их лишь 26,7 % (40 человек из 150), остальные стараются из-

бегать. Показательно, что в другом исследовании 51–56 % студентов посещали занятия физкультуры преимущественно «для получения зачёта», а не для укрепления здоровья.

Предпочтительные форматы. 75,4 % студентов предпочли бы индивидуальные занятия. Наиболее привлекательными направлениями названы фитнес, танцы, единоборства. Среди технологических решений наибольший интерес вызвали мобильные приложения для тренировок (53,8 %) и фитнес-браслеты с системой поощрения от вуза (50,8 %).

Мотиваторы. Улучшение физической формы и внешности (32,8 %) и забота о здоровье (32,8 %) оказались ведущими стимулами. Это совпадает с данными казахстанского исследования, где улучшение здоровья и внешности отметили 55 респондентов из 93.

Результаты обсуждения

Во-первых, уровень физической активности студентов остаётся критически низким и не соответствует рекомендациям ВОЗ. Это не локальная, а глобальная тенденция: в странах Центральной Азии и Восточной Европы 40–60 % студентов не достигают нормативов, а в высокоурбанизированных регионах (Южная Корея, Сингапур) — 60–80 %. Студенты педагогических и медицинских направлений демонстрируют несколько более высокие показатели по сравнению с техническими специальностями, однако всё равно значительно уступают учащимся спортивных вузов.

Во-вторых, физическая активность оказывает прямое положительное влияние на психическое здоровье студентов. Систематический обзор 38 исследований подтвердил: более высокий уровень активности ассоциирован со снижением стресса, депрессии и тревожности, а также с улучшением субъективного благополучия. Особенно важны эти эффекты в период сессии, когда двигательная активность резко падает, а уровни тревоги и утомления возрастают. Исследование с участием 92 студентов показало, что в экзаменационную неделю 38 % были неактивны, а повышение активности коррелировало со сни-

жением усталости ($r = -0,449$) и улучшением качества сна ($r = -0,426$).

В-третьих, ключевым барьером является не отсутствие времени как такового, а конкуренция с цифровыми формами досуга и низкая внутренняя мотивация. Более половины студентов предпочитают пассивный отдых активному. При этом социальная поддержка — особенно со стороны друзей — значимо связана с уровнем активности ($r = 0,30$) и может выступать важным рычагом интервенции.

В-четвёртых, существующая система физического воспитания воспринимается значительной частью студентов как формальность. Вынесение практических занятий за рамки расписания или сокращение часов, по мнению исследователей, лишь усугубит гиподинамию. Напротив, интеграция цифровых инструментов, геймификация и предоставление выбора форматов активности способны повысить вовлечённость.

Выводы

1. Физическая активность студентов большинства вузов находится на уровне, недостаточном для поддержания здоровья. Около четверти студентов оценивают свою активность как низкую, а более трети проводят в сидячем положении 8–12 часов в день.

2. Основные барьеры носят комплексный характер: высокая учебная нагрузка, усталость, стресс и конкурирующий цифровой досуг. Низкая мотивация усугубляется восприятием академических занятий как обязательной рутины.

3. Научные данные убедительно свидетельствуют о положительном влиянии физической активности на психическое здоровье студентов: снижение стресса, тревожности, улучшение сна и когнитивных функций.

4. Для повышения активности необходимы системные меры: внедрение цифровых инструментов мотивации, геймификация, предоставление выбора форматов занятий, развитие социальной поддержки внутри студенческой среды, а также сохранение обязательных практических занятий в расписании.

Литература:

1. Более 700 студентов приняли участие в профилактических беседах проекта «Здоровый выбор» в текущем году // Минздрав Ульяновской области. URL: <https://med.ulgov.ru/news/20255.html>
2. Физическая активность студентов педагогического вуза: анализ современного состояния и детерминирующих факторов / М. Н. Рахимова и др. // Исследования в спортивной науке, 2026, 6(1). https://doi.org/10.62931/2959-6335_2026_1_29
3. Martín-Rodríguez A. et al. Influence of physical activity on perceived stress and mental health in university students: a systematic review // *Frontiers in Sports and Active Living*. 2026. Vol. 7.
4. Wang X. et al. Social Support and Physical Activity in College and University Students: A Meta-Analysis // *Health Education & Behavior*. 2024. Vol. 51(4). P. 533–543.
5. Guerriero M. A., Dipace A., Monda A., De Maria A., Polito R., Messina G., Monda M., di Padova M., Basta A., Ruberto M., Capasso E., Moscatelli F., Limone P. Relationship Between Sedentary Lifestyle, Physical Activity and Stress in University Students and Their Life Habits: A Scoping Review with PRISMA Checklist (PRISMA-ScR) // *Brain Sciences*. — 2025. — Vol. 15, № 1. — 78. DOI: 10.3390/brainsci15010078. URL: <https://doi.org/10.3390/brainsci15010078>

6. Baran E., Yilmaz A. The relationship between physical activity, fatigue, sleep quality, and anxiety levels of students during the university examination period // Northwestern Medical Journal. — 2025. — Vol. 5, № 1. — P. 39–45. DOI: 10.54307/NWMJ.2025.143. URL: <https://doi.org/10.54307/NWMJ.2025.143>
7. Прошляков В. Д., Пономарева Г. В., Котова Г. В., Левина Е. А. Формирование универсальных компетенций на занятиях по физическому воспитанию у студентов образовательных организаций высшего образования // Физическое воспитание и студенческий спорт. — 2024. — Т. 3, вып. 1. — С. 79–83. DOI: 10.18500/2782–4594–2024–3–1–79–83. URL: <https://doi.org/10.18500/2782–4594–2024–3–1–79–83>
8. Копейкина Е. Н., Волошина Л. Н., Кондаков В. Л., Третьяков А. А., Усатов А. Н. Самооценка студентами оптимальности индивидуальных двигательных режимов // Научный поиск: личность, образование, культура. — 2024. — № 3 (53). — С. 19–23. DOI: 10.54348/SciS.2024.3.4. URL: <https://doi.org/10.54348/SciS.2024.3.4>

Функциональная подготовка мышц как основа качественного исполнения основного хода в акробатическом рок-н-ролле

Путинцева Софья Сергеевна, студент
Научный руководитель Люлина Наталья Владимировна, доцент
Сибирский федеральный университет (г. Красноярск)

В статье рассматривается роль функциональной подготовки мышц в обеспечении качественного исполнения основного хода в акробатическом рок-н-ролле. Автор, являясь действующей спортсменкой и студенткой третьего курса, на основе анализа научно-методической литературы, правил вида спорта и собственного тренировочного опыта обосновывает необходимость целенаправленного развития мышц кора, нижних конечностей и мышечных групп, отвечающих за ритмическую координацию. Приводятся данные электромиографических и биомеханических исследований, подтверждающих связь функционального состояния мышц с эффективностью выполнения базового элемента. Предлагается комплекс упражнений, который может быть интегрирован в тренировочный процесс спортсменов различной квалификации.

Ключевые слова: акробатический рок-н-ролл, основной ход, функциональная подготовка, мышцы-стабилизаторы, биомеханика, специальная выносливость, ритмическая координация.

Введение

Акробатический рок-н-ролл относится к сложнокоординационным видам спорта, в которых сочетаются элементы акробатики и хореографии, выполняемые в высоком темпе под музыкальное сопровождение в стиле рок-н-ролл. Специфика соревновательной деятельности требует от спортсменов не только технического мастерства и артистизма, но и высокого уровня функциональной подготовленности. Фундаментальной частью соревновательных программ является основной ход — базовый танцевальный элемент, на котором строятся парные фигуры, перемещения по площадке в командных дисциплинах и композиция в целом.

Согласно правилам вида спорта основной ход должен выполняться динамично, в бит, с соблюдением ритмического рисунка. В оценке компонента «основной ход» учитываются не только ритмичность, но и положение корпуса, работа рук, линии тела, качество движений ног. Основной ход включает два базовых движения: кик-болчендж и кик-степпы. При этом партнёр начинает движение левой ногой, партнёрша — правой. Именно поэтому функциональная готовность мышц, обеспечивающих стабильность корпуса, точность и своевременность движений

ног, становится ключевым условием качественного исполнения данного элемента.

Автор настоящей работы, являясь действующей спортсменкой, специализирующейся в акробатическом рок-н-ролле, и студенткой третьего курса, неоднократно сталкивалась с ситуацией, когда технически отработанный основной ход теряет качество на последних минутах соревновательной программы. Причиной этого, как правило, становится не недостаток танцевальной подготовки, а функциональная слабость мышц, обеспечивающих стабилизацию туловища и точность движений. Это и определило цель работы — обосновать роль функциональной подготовки мышц в обеспечении качественного исполнения основного хода и предложить практические средства её совершенствования.

Основной ход в акробатическом рок-н-ролле представляет собой не просто танцевальное движение, а сложно организованный двигательный акт, выполняемый в строго заданном темпе и ритме по предусмотренной траектории движения ног. В соревновательной программе он выполняет связующую функцию: с его помощью спортсмены перемещаются по площадке, меняют позиции и переходят от одной фигуры к другой. Качество основного хода во многом определяет общее впечатление от выступления спортсменов и влияет на итоговую оценку судей.

Согласно правилам вида спорта основной ход имеет длительность $1\frac{1}{2}$ такта (музыкальный размер $4/4$) и содержит 6 долей (счётов): и-1, и-2, и-3, и-4, и-5, и-6. Под музыкальностью понимается соответствие фаз движений ног ритму музыкального сопровождения: броски выполняются в сильную долю музыки (на счёт 1 и 3 такта), постановка — в слабую (на счёт 2 и 4 такта), при этом основной ход исполняется на «пружинке» — ритмичном движении голеностопа опорной ноги. При исполнении основного хода пятки ног не должны касаться пола.

В компоненте «основной ход» оценивается не только сам элемент, но и положение корпуса, работа рук, линии корпуса, ног и рук. Основной ход оценивается отдельно у партнёра и партнёрши: судья выставляет сбавки за технические и эстетические ошибки, максимальная оценка составляет 20 баллов (по 10 баллов на каждого из партнёров).

Таким образом, спортсмен должен одновременно решать несколько двигательных задач: удерживать вертикальное положение туловища, точно выполнять фазы броска и постановки ноги в строгом соответствии с сильными и слабыми долями музыки, сохранять «пружинку» в голеностопе и взаимодействовать с партнёром. Электромиографические исследования, проведённые В. С. Терехиным, показали, что, независимо от варианта выполнения основного хода, наиболее высокие показатели максимальной амплитуды турнов фиксируются в левой прямой мышце бедра и правой икроножной медиальной мышце, а наибольшая частота электрической импульсации наблюдается в мышцах голени. Кроме того, наибольшая реципрокность в каждом из вариантов основного хода наблюдается в мышцах бедра опорной и маховой ноги. Это означает, что качество основного хода напрямую зависит от согласованной работы конкретных мышечных групп, что предъявляет повышенные требования к функциональной подготовке спортсмена.

Кроме того, исследования В. С. Терехина показали, что для базовой техники основного хода характерна необходимость быстрого и точного управления переключением работы мышц-антагонистов и агонистов, а также точного дозирования действий по усилию и направлению. Это означает, что функциональная подготовка должна быть направлена не только на развитие силы, но и на совершенствование координации мышечной активности, способности к быстрому переключению и сохранению стабильности при утомлении.

Функциональная подготовка мышц в акробатическом рок-н-ролле представляет собой комплекс средств и методов, направленных на развитие силы, выносливости, координации и стабильности мышечных групп, обеспечивающих эффективное выполнение базовых элементов вида спорта. В контексте основного хода можно выделить три группы мышц, функциональное состояние которых имеет первостепенное значение: мышцы кора, мышцы нижних конечностей и мышцы, отвечающие за ритмическую координацию движений.

Мышцы кора. Стабильность корпуса является фундаментом, на котором строится всё танцевальное движение. При выполнении основного хода спортсмен должен сохранять вертикальное положение туловища при высоком темпе движений ног и постоянных перемещениях в паре. Слабость мышц-стабилизаторов приводит к раскачиванию корпуса, потере равновесия и, как следствие, к потере ритма и снижению оценки. Зарубежные исследования подтверждают, что программа динамической стабилизации кора оказывает благоприятное воздействие на танцоров акробатического рок-н-ролла: улучшаются контроль поясничного отдела, сила мышц кора и их стабилизирующая роль, а также способность к балансированию. В исследовании, опубликованном в журнале *Value in Health*, приняли участие 34 танцора, разделённых на экспериментальную и контрольную группы. После трёхмесячной программы в экспериментальной группе были выявлены статистически значимые различия по показателям тестов, тогда как в контрольной группе значимых изменений не обнаружено. Аналогичные данные получены венгерскими специалистами: трёхмесячная программа развития стабильности туловища статистически значимо улучшила силу мышц кора, моторный контроль поясничного отдела и способность к балансированию у танцоров 12–17 лет. Эти результаты убедительно доказывают, что целенаправленная работа над мышцами кора должна рассматриваться не как дополнительное средство, а как обязательный компонент подготовки.

Мышцы нижних конечностей. Основной ход требует многократного повторения движений, в которых участвуют мышцы бедра, голени и стопы. Каждое движение включает отталкивание, перенос ноги и амортизацию. Электромиографические данные свидетельствуют о том, что наиболее высокая активность в цикле основного хода регистрируется в прямой мышце бедра и икроножной мышце, при этом наибольшая реципрокность наблюдается в мышцах бедра опорной и маховой ноги. Это означает, что для качественного исполнения основного хода необходимо развивать не только силу, но и способность к быстрому переключению между мышцами-антагонистами. Специальная физическая подготовка в акробатическом рок-н-ролле направлена на развитие именно этих качеств. В тренировочном процессе эффективно используются упражнения скоростно-силовой направленности: прыжковые упражнения, упражнения со скакалкой, имитирующие структуру основного хода, выпады с быстрой сменой ног, приседания на одной ноге с последующим выпрыгиванием. Особое внимание следует уделять развитию скоростно-силовой выносливости, поскольку основной ход выполняется многократно на протяжении всей соревновательной программы.

Мышцы, обеспечивающие ритмическую координацию. Специфика основного хода заключается в строгом соответствии музыкальному ритму. В правилах вида спорта подчёркивается, что основной ход должен выполняться в бит, с соблюдением ритмического рисунка. Это требует

не только силы, но и способности к быстрому переключению мышечной активности в заданном темпе. Функциональная слабость мышц приводит к «запаздыванию» движений, что фиксируется судьями как потеря ритма или отклонение от него.

На основе обобщения научных данных и собственного тренировочного опыта предлагается комплекс упражнений, направленных на развитие мышц, обеспечивающих качественное исполнение основного хода. Упражнения целесообразно включать в подготовительную или заключительную часть тренировки, а также выделять в отдельные блоки функциональной подготовки 3–4 раза в неделю по 15–20 минут.

1. Упражнения для мышц кора: планка с попеременным подниманием ног в темпе, соответствующим темпу основного хода; «мёртвый жук» с акцентом на стабильность таза; упражнения на балансировочной подушке с имитацией движений основного хода; упражнения на ротационную стабильность для развития косых мышц живота; удержание положения «лодочка» с последующим быстрым переключением на противоположную сторону.

2. Упражнения для мышц нижних конечностей: прыжки через скакалку в темпе 192–204 удара в минуту, что соответствует темпу основного хода, выпады с быстрой сменой ног, приседания на одной ноге с последующим выпрыгиванием; упражнения для развития прыжковой выносливости; бег с высоким подниманием бедра в темпе музыкального сопровождения.

3. Упражнения для ритмической координации: выполнение основного хода в замедленном темпе с акцентом на мышечные ощущения; чередование темпа выполнения основного хода (от 24 до 36 тактов в минуту), комбинирование основного хода с другими танцевальными элементами; выполнение основного хода после предварительной аэробной нагрузки для моделирования условий соревновательного утомления.

Важно подчеркнуть, что упражнения должны выполняться систематически, а не эпизодически. Как показывает практика, наиболее эффективна интеграция функциональной подготовки непосредственно в тренировочный процесс по акробатическому рок-н-роллу, а не выделение её в отдельные занятия. Это связано с тем, что основной ход является базовым элементом, на котором строятся все соревновательные программы, и его качество напрямую зависит от общей функциональной готовности спортсмена.

Кроме того, функциональная подготовка должна быть дифференцирована в зависимости от роли в паре. Для

партнёра, выполняющего более сложные силовые элементы, акцент делается на развитии мышц спины, плечевого пояса и ног. Для партнёрши — на стабильности кора и мышц тазового дна, обеспечивающих удержание равновесия при выполнении вращений и поддержек. Также необходимо учитывать возраст и этап спортивной подготовки: для юных спортсменов упражнения должны быть упрощены и выполняться в игровой форме, для спортсменов высшей квалификации — приближены к соревновательным условиям.

Отдельного внимания заслуживает контроль функциональной подготовленности. П. К. Хромых предложен инновационный тест для оценки уровня специальной физической работоспособности на основе базового элемента — основного хода, выполняемого в темпе 46–52 такта в минуту (192–204 удара в минуту). Тест состоит из двух последовательно выполняемых нагрузок продолжительностью 60 секунд каждая по аналогии с традиционным тестом PWC170. Это подтверждает, что именно основной ход является интегральным показателем функциональной готовности спортсмена. Использование подобных тестов позволяет тренеру объективно оценивать эффективность функциональной подготовки и своевременно вносить коррективы в тренировочный процесс.

Функциональная подготовка мышц является неотъемлемым компонентом спортивной подготовки в акробатическом рок-н-ролле. Качественное исполнение основного хода обеспечивается согласованной работой мышц кора, нижних конечностей и мышечных групп, отвечающих за ритмическую координацию движений. Анализ научной литературы и собственный практический опыт подтверждают, что целенаправленное развитие этих мышечных групп позволяет не только улучшить технику базового элемента, но и повысить общую специальную работоспособность спортсмена.

Предложенный комплекс упражнений может быть рекомендован тренерам и спортсменам для включения в тренировочный процесс на различных этапах спортивной подготовки. Дальнейшие исследования могут быть направлены на количественную оценку эффективности предложенных средств с использованием инструментальных методов контроля функционального состояния мышц: электромиографии, стабилотрии, тензодинамометрии. Это позволит перейти от эмпирических рекомендаций к научно обоснованным программам функциональной подготовки, ориентированным на конкретные требования основного хода.

Литература:

1. Правила вида спорта «акробатический рок-н-ролл» (утв. Приказом Минспорта России от 31.01.2017 № 56) [Электронный ресурс]. — URL: <https://sudact.ru> (дата обращения: 24.09.2026).
2. Терехин, В. С. Научное обоснование базовой техники основного хода в акробатическом рок-н-ролле на основе анализа кинематических характеристик / В. С. Терехин // Учёные записки университета имени П. Ф. Лесгафта. — 2015. — № 6 (124). — С. 241–245.

3. Ларионова, М. Н. Проектирование модельных характеристик основного хода акробатического рок-н-ролла на основе биомеханического анализа / М. Н. Ларионова, В. С. Терехин, С. П. Михайловский // Теория и практика физической культуры. — 2019. — № 4. — С. 25–97.
4. Хромых, П. К. Концепция и программа развития специальной работоспособности в акробатическом рок-н-ролле / П. К. Хромых // Теория и практика физической культуры. — 2026. — № 4. — С. 48.
5. Examination of a sport-specific dynamic core stability programme among female acrobatic rock and roll dancers // Value in Health. — 2019. — Vol. 22, Suppl. 3. — P. S694.
6. Halász, D. Törzs stabilizáció akrobatikus rock and roll táncosok körében / D. Halász, E. Ambrus, P. Ács, P. Tardi // Egészség-Akadémia. — 2018. — Vol. 9, № 3. — P. 40–50.
7. Федеральный стандарт спортивной подготовки по виду спорта «акробатический рок-н-ролл» (утв. Приказом Минспорта России от 09.11.2022 № 959) [Электронный ресурс]. — URL: <https://centralsportschool.ru> (дата обращения: 24.09.2026).
8. Балунова, Е. Н. Методика обучения детей в акробатическом рок-н-ролле: автореф. дис. ... канд. пед. наук / Е. Н. Балунова. — Санкт-Петербург, 2009. — 23 с.

ПРОЧЕЕ

Цифровизация процессов постановки и контроля исполнения поручений как направление совершенствования организации труда муниципальных служащих (на примере администрации городского округа Красногорск Московской области)

Максимчук Алина Олеговна, студент магистратуры
Московский международный университет

В статье рассматривается цифровизация постановки, исполнения и контроля поручений как инструмент совершенствования труда муниципальных служащих. Цель исследования — разработка модели единого цифрового контура работы с поручениями для Администрации городского округа Красногорск Московской области. Применены анализ нормативных правовых актов и открытых организационных документов, процессный и системный подходы, моделирование целевого процесса. Показано, что организационный эффект возникает не при простой замене бумажного или табличного реестра электронным, а при стандартизации жизненного цикла поручения, закреплении ролей и использовании единой карточки. Предложены статусы исполнения, автоматические уведомления, порядок эскалации просрочек, этапы пилотного внедрения и показатели оценки. Модель предусматривает взаимодействие подразделений контроля, муниципальной службы и кадров, информатизации и отраслевых исполнителей. Обоснована необходимость сочетать цифровые инструменты с регламентацией процессов, обучением и защитой от избыточного цифрового контроля.

Ключевые слова: муниципальная служба, организация труда, цифровизация, поручение, контроль исполнения, исполнительская дисциплина, электронный документооборот, управление задачами

Digitalization of assignment setting and execution control as a way to improve the organization of municipal servants' work (a case study of the administration of the Krasnogorsk urban district, Moscow region)

Maksimchuk Alina Olegovna, master's student
Moscow International University

The article examines the digitalization of assignment setting, execution and control as an organizational instrument for improving the performance of municipal servants. The purpose of the study is to develop a unified digital workflow model for assignments that can be applied in the Administration of the Krasnogorsk Urban District of the Moscow Region. The methodology combines an analysis of legal acts and publicly available organizational documents, process and systems approaches, and target-process modelling. The study argues that organizational effects result not from merely replacing a paper or spreadsheet register with an electronic one, but from standardizing the assignment life cycle, defining roles, using a single digital record, and introducing automated notifications and analytical dashboards. The proposed model specifies the data fields of an assignment record, execution statuses, overdue escalation rules, pilot implementation stages and a set of performance indicators. It takes account of the publicly presented structure of the municipal administration and requires cooperation between control, human resources, information technology and sectoral units. The conclusion emphasizes that digitalization should be accompanied by process regulation, staff training, information security measures and safeguards against excessive digital surveillance.

Keywords: municipal service, work organization, digitalization, assignment, execution control, performance discipline, electronic document management, task management.

Введение

Цифровая трансформация государственного и муниципального управления включена в число национальных

целей развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года [2]. Практическое со-
держание этой цели проявляется не только в переводе
услуг в электронную форму, но и во внутренних управ-

ленческих процессах: подготовке решений, распределении задач, межведомственном взаимодействии, контроле сроков и оценке результатов. Для органов местного самоуправления эти процессы особенно значимы, поскольку муниципальные служащие одновременно работают с нормативными документами, поручениями руководства, обращениями граждан и задачами, возникающими при реализации муниципальных программ.

Организация труда муниципального служащего включает распределение функций и ответственности, планирование рабочего времени, информационное обеспечение, координацию действий и контроль результатов. Федеральный закон от 2 марта 2007 г. № 25-ФЗ определяет правовые основы муниципальной службы и тем самым задаёт рамки, внутри которых должны выстраиваться современные методы работы [1]. Законодательная регламентация не устраняет потери времени, связанные с повторным вводом данных, неясными формулировками задач, фрагментарным хранением файлов и ручной подготовкой отчётности. Эти риски имеют общий организационный характер и не рассматриваются в данной статье как описание конкретного состояния какой-либо администрации.

Поручение следует рассматривать как минимальную управленческую единицу, объединяющую решение руководителя с конкретным результатом, ответственным исполнителем и установленным сроком. В случае, если информация о поручении распределена между текстом документа, электронной почтой, мессенджерами, локальными таблицами и устными договорённостями, сотрудник вынужден тратить время не только на выполнение задачи, но и на поиск и актуализацию контекста. Таким образом, улучшение процессов постановки и контроля поручений может оказать влияние на несколько аспектов организации труда, включая прозрачность распределения загрузки, своевременность выполнения, качество координации и управляемость рабочего времени.

В научной литературе цифровые инструменты рассматриваются как фактор повышения эффективности государственного и муниципального управления [12], а электронный документооборот — как средство оптимизации процессов органов местного самоуправления [8]. Исследования цифровизации управления персоналом подчёркивают значение аналитики, изменения компетенций и перестройки управленческих процедур [9; 10]. Одновременно отмечаются правовые ограничения цифровой трансформации местного самоуправления [11] и неоднозначное влияние цифровых технологий на содержание и интенсивность труда работников [13]. В прикладном контексте остается недостаточно изученной взаимосвязь между полным жизненным циклом поручения и структурой ежедневной трудовой деятельности муниципального служащего.

Объектом исследования является организация труда муниципальных служащих Администрации городского округа Красногорск Московской области. Предмет иссле-

дования — организационные и цифровые механизмы постановки, исполнения и контроля поручений. Цель статьи состоит в разработке предложений по созданию единого цифрового контура поручений. Для достижения цели решаются следующие задачи: раскрыть организационное содержание цифровизации; определить требования к целевому процессу; предложить функциональную модель и распределение ролей; сформировать этапы внедрения, показатели и меры управления рисками. Исследовательская гипотеза заключается в том, что наибольший эффект достигается не за счёт приобретения отдельной программы, а за счёт одновременной стандартизации процесса, единства данных и понятной ответственности.

Основная часть

Методическую основу исследования составили анализ нормативных правовых актов, научных публикаций и открытых материалов Администрации городского округа Красногорск, а также процессный, системный и структурно-функциональный подходы. Процессный подход помог показать работу с поручением как серию связанных между собой операций. Системный подход учитывает связь технологий, регламента, компетенций и контроля. Структурно-функциональный подход распределяет роли между подразделениями. На основе этих требований выполнено моделирование целевого процесса. У автора нет данных из внутренней информационной системы, информации о просрочках и трудозатратах, поэтому предложенные показатели следует воспринимать как план для дальнейшей проверки, а не как результаты работы уже существующей системы. Для целей исследования необходимо разграничивать оцифровку и цифровизацию. Оцифровка означает перенос существующего реестра или документа в электронный формат. Цифровизация предполагает изменение самого способа организации работы: данные вводятся один раз, становятся доступными участникам в пределах их полномочий, автоматически запускают уведомления и используются для формирования аналитики. Если бумажный журнал просто заменить электронной таблицей, сохраняются ручное обновление статусов, зависимость от дисциплины отдельных сотрудников и риск существования нескольких версий одной записи. Следовательно, объектом преобразования должен быть не носитель, а сквозной процесс.

Жизненный цикл поручения целесообразно разделить от момента возникновения управленческого решения до подтверждённого закрытия результата. В него входят регистрация основания, формулирование ожидаемого результата, назначение ответственного исполнителя и соисполнителей, принятие задачи в работу, уточнение и декомпозиция, выполнение, согласование, представление результата, проверка и закрытие. Отдельно фиксируются изменение срока, возврат на доработку, приостановление и отмена. Такая граница процесса позволяет избежать ситуации, когда контроль завершается фор-

мальной отметкой «исполнено», хотя итоговый материал не принят инициатором или не доведён до адресата.

Организационные требования к модели включают: однозначность результата и срока; назначение одного ответственного при возможности нескольких соисполнителей; прослеживаемость изменений; разграничение прав доступа; сохранение связи поручения с документом-основанием; недопустимость параллельных неофициальных реестров; соразмерность контроля сложности задачи. Последнее требование принципиально: одинаково подробная отчётность по краткой рабочей задаче и по многоэтапному поручению сама становится источником лишних трудозатрат. Глубина контроля должна определяться категорией поручения, уровнем риска и значимостью срока.

Публичный телефонный справочник Администрации городского округа Красногорск содержит информацию о различных подразделениях, включая общее и организационное отделы, отдел контроля поручений, отдел муниципальной службы и кадров, а также отдел информатизации и защиты информации. [7] В положении об отделе муниципальной службы и кадров прописаны функции, связанные с кадровой политикой, составлением должностных инструкций, развитием профессиональных навыков сотрудников и контролем за трудовой дисциплиной. [6] Эти открытые сведения не позволяют судить о фактических маршрутах поручений или используемом программном обеспечении, однако показывают организационные предпосылки для межфункционального проекта. Контрольное подразделение выполняет функции владельца процесса, кадровое подразделение обеспечивает соответствие трудовым регламентам и организует обучение, подразделение информатизации отвечает за архитектуру системы, интеграцию и безопасность, а отраслевые подразделения участвуют в апробации модели в роли непосредственных исполнителей.

В качестве прототипов отдельных функций могут использоваться практики корпоративных систем управления задачами: единая карточка, доска статусов, чек-лист, напоминания, история обсуждений и панель руководителя. Однако прямое копирование коммерческой практики в муниципальное управление неприемлемо. Требуется учитывать правовой режим документов и персональных данных [3; 4], сроки хранения, правила регистрации, служебную иерархию, требования информационной безопасности и делопроизводства [5]. Поэтому рациональным является не создание ещё одного изолированного сервиса, а настройка модуля управления поручениями в действующей защищённой информационной среде либо его интеграция с системой электронного документооборота.

Единица учёта в целевой модели — цифровая карточка поручения. Она должна содержать уникальный номер, документ или событие-основание, формулировку задачи, проверяемый ожидаемый результат, инициатора, контролёра, ответственного и соисполнителей, дату постановки,

контрольный срок, приоритет, статус, связанные файлы, комментарии, решения по изменению срока и итог проверки. История действий должна формироваться автоматически. Обязательные поля зависят от категории поручения: это позволяет сочетать полноту данных с приемлемой скоростью постановки задач.

Результаты исследования

Результатом исследования является модель единого цифрового контура, объединяющая информационный объект, ролевую схему, регламент статусов и аналитические показатели. Её ключевые элементы представлены в таблице 1.

Предлагаемая ролевая схема не должна подменять должностные полномочия. Инициатор определяет ожидаемый результат и срок; контролёр проверяет полноту карточки, отслеживает риски и подтверждает закрытие либо обеспечивает подтверждение уполномоченным руководителем; ответственный организует исполнение и отвечает за целостный результат; соисполнитель выполняет закреплённую часть; согласующий оценивает документ в пределах компетенции. В карточке необходимо показывать не только фамилию исполнителя, но и конкретную роль, поскольку одно лицо в разных поручениях может выполнять разные функции.

Базовый набор статусов может включать: «зарегистрировано», «назначено», «принято в работу», «исполняется», «на согласовании», «результат представлен», «закрыто». Возврат на доработку, приостановление и отмена оформляются отдельными переходами с обязательной причиной. Уведомление о новом поручении подтверждает факт его получения, однако не заменяет содержательного принятия: если формулировка, срок или ресурс неясны, исполнитель должен получить возможность направить структурированный запрос на уточнение. Это снижает риск скрытых задержек, когда задача формально назначена, но фактически не может быть начата.

Механизм контроля срока целесообразно строить по принципу раннего предупреждения. Система формирует уведомление не только после просрочки, но и при приближении контрольной даты с учётом приоритета и стадии готовности. Перенос срока допускается через отдельный маршрут: инициатор изменения указывает причину, новый срок и влияние на связанные задачи, после чего решение подтверждает уполномоченное лицо. В аналитике исходный срок сохраняется, иначе многократные переносы сделают показатель своевременности формально благополучным и лишат руководство информации о качестве планирования.

Панель исполнителя должна отвечать на практические вопросы рабочего дня: какие задачи требуют действия сегодня, где ожидается согласование, что заблокировано и какие сроки находятся под риском. Руководителю необходимо иметь обобщённый обзор по подразделению с опцией детального просмотра и перехода к кон-

Таблица 1. Предлагаемая модель цифровизации процессов постановки и контроля исполнения поручений

Элемент модели	Организационное содержание	Цифровой механизм	Ожидаемый эффект
Единая карточка поручения	Фиксация основания, результата, срока, приоритета, ответственного и соисполнителей	Обязательные поля, шаблоны, связь с документом-основанием, единый идентификатор	Снижение неоднозначности и повторного ввода сведений
Роли и ответственность	Разделение функций инициатора, контролёра, ответственного, соисполнителя и согласующего	Ролевая модель доступа и персональные рабочие области	Прозрачность ответственности и загрузки
Жизненный цикл	Единые правила принятия, выполнения, согласования, возврата и закрытия	Настроенные статусы и допустимые переходы между ними	Сопоставимость данных и управляемость процесса
Сроки и эскалация	Заблаговременное выявление риска просрочки и обоснование переноса срока	Напоминания, сигналы риска, маршрут согласования нового срока	Профилактика просрочек вместо фиксации постфактум
Приёмка результата	Проверка результата по заданному критерию и фиксация причины возврата	Электронное согласование, чек-лист, версия итогового файла	Снижение формального закрытия и числа повторных уточнений
Аналитика	Оценка сроков, возвратов, нагрузки и трудоёмкости контроля	Панели показателей по ролям и подразделениям, выгрузка отчётов	Обоснованное распределение ресурсов и сокращение ручной отчётности
Интеграция и безопасность	Работа в едином информационном контуре с соблюдением режима доступа	Интеграция с электронным документооборотом, журналирование, резервное копирование	Устранение параллельных реестров и повышение прослеживаемости

кретной карточке. Контрольному подразделению необходимы сведения о просрочках, переносах и возвратах, а кадровому — обезличенная или правомерно агрегированная информация о потребности в обучении и организационных затруднениях. Использование показателей для автоматического рейтинга сотрудников без анализа сложности поручений и внешних зависимостей не рекомендуется, поскольку это стимулирует формальное дробление и преждевременное закрытие задач.

Внедрение модели предлагается осуществлять в пять этапов. На первом этапе описываются фактические маршруты нескольких категорий поручений, используемые реестры, точки повторного ввода и причины возвратов. На втором этапе утверждаются единый словарь статусов, обязательные поля, роли и правила изменения сроков. На третьем настраивается пилот в ограниченном числе подразделений и проводится обучение на типовых сценариях. На четвёртом этапе оцениваются результаты пилота и корректируются интерфейс и регламент. На пятом этапе решение масштабируется, интегрируется с электронным документооборотом и включается в регулярный цикл совершенствования. Выбор пилота должен обеспечивать разнообразие поручений, но сохранять управляемый объём изменений.

Для оценки пилота до его запуска необходимо зафиксировать базовые значения. Рекомендуется использовать следующие показатели: долю карточек с заполненными обязательными реквизитами; долю поручений, закрытых в первоначальный срок; долю поручений с согласованным переносом; среднюю продолжительность полного цикла;

долю возвратов на доработку; число параллельных реестров; трудозатраты на подготовку регулярного отчёта; оценку удобства системы пользователями. Коэффициент просрочки может определяться как отношение числа поручений, закрытых после контрольной даты, к общему числу закрытых поручений за период. Показатели следует анализировать по сопоставимым категориям задач, иначе различия сложности исказят выводы. Конкретные целевые значения должны устанавливаться только после измерения исходного уровня.

Основными рисками являются сохранение параллельных таблиц, перегруженность карточки, сопротивление работников, некачественная миграция данных, чрезмерное количество уведомлений, расширение доступа к служебной информации и превращение аналитики в инструмент постоянного микроконтроля. Чтобы уменьшить их, после завершения пилотного проекта нужно официально отказаться от дублирующих реестров. Поля стоит распределить по категориям поручений. Обучение лучше строить на реальных примерах. Уведомления следует настроить так, чтобы они приходили при наступлении рискованных событий. Кроме того, нужны матрица доступа, журналирование, регулярная проверка качества данных и канал обратной связи. Руководителю проекта важно учитывать не только исполнительскую дисциплину, но и то, какую дополнительную административную нагрузку создаёт новая процедура.

Научная новизна этого предложения в том, что цифровизацию поручений здесь рассматривают не как отдельную техническую меру, а как перестройку всей си-

стемы организации труда. Речь идёт о регламентах, распределении ролей, работе с данными, развитии компетенций и оценке итогов. Практическая польза заключается в том, что эту модель можно использовать и для разбора действующего процесса, и для подготовки пилотного проекта в Администрации городского округа Красногорск. Это предложение не связано с каким-то одним программным продуктом. Его можно реализовать за счёт настройки уже используемой системы электронного документооборота или встроенного модуля управления задачами, если при этом будут соблюдены требования к безопасности.

Заключение

Проведённое исследование подтверждает, что цифровизация постановки и контроля исполнения поручений может выступать самостоятельным направлением совершенствования организации труда муниципальных служащих. Её содержание заключается не в механическом переносе реестра в электронную форму, а в создании единого управленческого контура: от проверяемой постановки результата до подтверждённого закрытия и последующего анализа. Такой подход делает видимыми ответственность, статус, срок и связанные материалы, сокращает необходи-

мость ручной консолидации сведений и создаёт условия для раннего управления риском просрочки.

Для Администрации городского округа Красногорск предложена модель, учитывающая возможность взаимодействия подразделений контроля, муниципальной службы и кадров, информатизации и отраслевых исполнителей. В её состав входят единая карточка поручения, ролевая модель, стандартные статусы, управляемое изменение срока, приёмка результата и аналитические панели. Реализацию целесообразно начинать с обследования процессов и ограниченного пилота, а решение о масштабировании принимать на основе сопоставления показателей до и после внедрения.

Условиями устойчивого результата являются отказ от дублирующих реестров, интеграция с защищённой системой электронного документооборота, обучение сотрудников, соразмерность контроля и соблюдение правовых требований. Дальнейшее исследование предполагает сбор обезличенных данных пилотного периода, оценку трудозатрат и удовлетворённости пользователей, а также уточнение регламента с учётом практики структурных подразделений. Тем самым предложенная модель задаёт проверяемую основу для последующей магистерской работы: теоретические положения статьи могут быть дополнены результатами практики.

Литература:

1. О муниципальной службе в Российской Федерации: Федеральный закон от 02.03.2007 № 25-ФЗ (ред. от 28.12.2025) // Собрание законодательства Российской Федерации. 2007. № 10. Ст. 1152.
2. О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года и на перспективу до 2036 года: Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2024 № 309 // Официальное опубликование правовых актов. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/document/0001202405070015> (дата обращения: 26.09.2026).
3. Об информации, информационных технологиях и о защите информации: Федеральный закон от 27.07.2006 № 149-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3448.
4. О персональных данных: Федеральный закон от 27.07.2006 № 152-ФЗ // Собрание законодательства Российской Федерации. 2006. № 31 (ч. 1). Ст. 3451.
5. ГОСТ Р ИСО 15489-1-2019. Система стандартов по информации, библиотечному и издательскому делу. Информация и документация. Управление документами. Часть 1. Понятия и принципы. М.: Стандартинформ, 2019. 24 с.
6. Об утверждении положения об отделе муниципальной службы и кадров, должностных инструкций сотрудников отдела муниципальной службы и кадров: распоряжение Администрации городского округа Красногорск Московской области от 23.03.2021 № 176 // Официальный сайт Администрации городского округа Красногорск. URL: https://krasnogorsk-adm.ru/doc/doc_10297.html (дата обращения: 26.09.2026).
7. Справочник Администрации городского округа Красногорск Московской области // Официальный сайт Администрации городского округа Красногорск. URL: <https://krasnogorsk-adm.ru/adm/spravochnik/> (дата обращения: 26.09.2026).
8. Беркалиев А. А., Ковалева Д. Н. Документооборот в органах местного самоуправления: принцип организации и методы по оптимизации на примере администрации муниципального района // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. 2024. Т. 11. № 2. С. 221–231. DOI: 10.22363/2312-8313-2024-11-2-221-231.
9. Черняков М. К., Чернякова И. А. Цифровизация управления персоналом: современные тенденции и вызовы для российских предприятий // Наука Красноярья. 2025. Т. 14. № 2. С. 166–186. DOI: 10.12731/2070-7568-2025-14-2-297.
10. Васильев А. С. Цифровая трансформация управления персоналом организации // Экономика строительства и городского хозяйства. 2024. Т. 20. № 4. С. 305–314. DOI: 10.71536/esgh.2024.v20n4.4.

11. Липчанская М. А., Чаннов С. Е. Правовое обеспечение цифровой трансформации местного самоуправления в Российской Федерации: проблемы и перспективы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2024. Вып. 2 (64). С. 239–253. DOI: 10.17072/1995–4190–2024–64–239–253.
12. Сорокина Г. П., Широкова Л. В., Астафьева И. А. Цифровые технологии как фактор повышения эффективности государственного и муниципального управления // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2019. № 2. С. 73–83. DOI: 10.25198/2077–7175–2019–2–73.
13. Сизова И. Л., Карапетян Р. В., Орлова Н. С. Особенности цифровизации труда современных российских работников // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2022. № 5. С. 231–256. DOI: 10.14515/monitoring.2022.5.2246.

НАУЧНАЯ ПУБЛИЦИСТИКА

Когда тебя заставляют сомневаться в себе: тихая трагедия газлайтинга в семье

Подпряткова Алина Сергеевна, студент
Московский международный университет

Иногда одиночество начинается не тогда, когда рядом никого нет.

Иногда оно начинается в тот момент, когда человек, которого ты любишь, перестаёт слышать тебя.

Ты пытаешься рассказать о своей боли, объяснить, что тебе плохо, что тебе не хватает внимания, близости, поддержки. Ты долго собираешь слова, подбираешь правильный момент, стараешься не обвинять. И наконец говоришь:

— Мне одиноко.

А в ответ слышишь:

— Тебе показалось.

Или:

— Ты всё придумываешь.

— У нас всё нормально, не раздувай проблему.

— Ты слишком остро всё воспринимаешь.

Сначала ты споришь. Потом пытаешься объяснить ещё раз. Потом начинаешь сомневаться.

А может, действительно показалось?

Может, я слишком требовательная?

Может, со мной что-то не так?

И именно здесь начинается одна из самых болезненных сторон газлайтинга — человек постепенно перестаёт доверять собственным чувствам.

Когда собственные чувства становятся «неправильными»

Газлайтинг — это не просто конфликт и не обычное несогласие между супругами. В здоровых отношениях люди тоже могут по-разному воспринимать одну и ту же ситуацию. Но при газлайтинге отрицание чувств другого человека становится устойчивой моделью поведения: его переживания обесцениваются, факты могут отрицаться, а ответственность за возникшую проблему постоянно возвращается к нему.

Человеку словно говорят:

«Проблема не в том, что происходит между нами. Проблема в тебе, потому что ты это видишь».

И это особенно разрушительно в семье.

Потому что семья — то место, где хочется чувствовать себя в безопасности. Где не должно быть необходимости каждый раз доказывать, что тебе больно.

Представьте женщину, которая месяцами пытается сказать мужу, что чувствует себя одинокой. Она не требует невозможного. Она не просит идеальных отношений. Ей просто хочется быть услышанной.

Но каждый разговор заканчивается одинаково.

«У тебя всё есть».

«Чего тебе ещё не хватает?»

«Ты сама себе придумала проблемы».

И однажды она уже не пытается говорить.

Она замолкает.

Не потому, что ей стало хорошо.

А потому, что устала доказывать право на собственные чувства.

И, пожалуй, это одна из самых печальных точек в отношениях: когда человек перестаёт рассказывать о своей боли не потому, что боль прошла, а потому, что больше не верит, что его услышат.

Что происходит с человеком, которого постоянно не слышат?

Постепенно он начинает искать причину в себе.

«Наверное, я слишком чувствительная».

«Наверное, я многого хочу».

«Может быть, другие женщины вообще не обращали бы на это внимания».

«Может быть, со мной действительно что-то не так».

Так появляется привычка сомневаться в себе.

Человек начинает перепроверять собственные воспоминания, чувства, реакции. Он всё чаще спрашивает себя не «что со мной происходит?», а «имею ли я право так чувствовать?».

И чем дольше это продолжается, тем труднее становится понять, где заканчивается чужое мнение и начинается собственное ощущение реальности.

Самое страшное здесь даже не одиночество.

Самое страшное — потеря внутренней опоры.

Что делать, если вы оказались в таких отношениях?

Первый путь — обратиться за помощью.

Психолог может помочь не столько ответить на вопрос «кто из нас прав», сколько разобраться в гораздо более важном:

Почему меня не слышат? Что происходит между нами? Что я чувствую? Чего я хочу? И что я готова делать, если ситуация не изменится?

Иногда человек приходит к специалисту с надеждой «починить» отношения любой ценой. Но психологическая работа может привести и к другому выводу: не все отношения необходимо сохранять.

Порой главный вопрос звучит не «как сделать так, чтобы меня наконец услышали?», а:

«Что я буду делать, если меня так и не услышат?»

Это очень болезненный вопрос.

Потому что за ним может стоять необходимость признать то, во что страшно поверить: человек, которого ты любишь, может не захотеть меняться. Может не признать твою боль. Может продолжать отрицать очевидное для тебя.

И тогда приходится выбирать не между «люблю» и «не люблю».

А между привычной жизнью и собственной внутренней целостностью.

Второй путь — остаться и постепенно исчезать

Есть и другой вариант.

Ничего не менять.

Продолжать объяснять.

Продолжать ждать.

Продолжать надеяться, что однажды супруг сам всё поймёт.

И параллельно всё глубже уходить в себя.

Внешне семья может существовать. Общий дом, ужины, праздники, фотографии, разговоры о бытовых делах. Для окружающих — обычная семья.

А внутри одного из супругов может становиться всё тише.

И это, пожалуй, самое страшное одиночество — жить рядом с человеком и не иметь возможности быть рядом с ним эмоционально.

Спать в одной кровати и чувствовать пропасть.

Разговаривать каждый день и оставаться непонятым.

Улыбаться окружающим и возвращаться домой с ощущением, что там тебя всё равно никто не ждёт — настоящего тебя, со страхами, сомнениями, потребностью в любви и простым желанием быть услышанным.

Иногда спасение начинается с очень простого вопроса

Хочу ли я так жить дальше?

Не «смогу ли я потерпеть ещё немного?»

Не «а вдруг всё изменится?»

Не «что скажут другие?»

А именно:

«Хочу ли я прожить так ещё пять, десять, двадцать лет?»

У каждого человека будет свой ответ.

Но важно, чтобы этот ответ был честным.

Потому что жизнь действительно одна. И она слишком коротка для того, чтобы провести её в бесконечных попытках убедить другого человека в том, что твоя боль существует.

Мы не обязаны всё время доказывать собственную ценность.

Не обязаны заслуживать право на поддержку.

Не обязаны убеждать близкого человека, что наши чувства имеют значение.

И, наверное, взросление в отношениях начинается с очень трудного понимания: иногда сохранить себя важнее, чем сохранить отношения.

Это не всегда означает немедленный разрыв. Иногда отношения можно изменить — если оба человека готовы увидеть проблему, признать её и работать над ней.

Но если один человек всё время пытается достучаться, а другой всё время отвечает: «тебе показалось», однажды может наступить момент, когда стучать уже некуда.

И тогда остаётся только один вопрос.

Не «почему он меня не слышал?»

А: **«Почему я так долго не слышала себя?»**

И, возможно, именно с этого вопроса начинается возвращение к себе.

Молодой ученый

Международный научный журнал

№ 41 (644) / 2026

Выпускающий редактор Г. А. Письменная
Ответственные редакторы Е. И. Осянина, О. А. Шульга, З. А. Огурцова
Художник Е. А. Шишков
Подготовка оригинал-макета П. Я. Бурьянов, М. В. Голубцов, О. В. Майер

За достоверность сведений, изложенных в статьях, ответственность несут авторы.
Мнение редакции может не совпадать с мнением авторов материалов.
При перепечатке ссылка на журнал обязательна.
Материалы публикуются в авторской редакции.

Журнал размещается и индексируется на портале eLIBRARY.RU, на момент выхода номера в свет журнал не входит в РИНЦ.

Свидетельство о регистрации СМИ ПИ № ФС77-38059 от 11 ноября 2009 г., выдано Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор).

ISSN-L 2072-0297

ISSN 2077-8295 (Online)

Учредитель и издатель: ООО «Издательство Молодой ученый». 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

Номер подписан в печать 21.10.2026. Дата выхода в свет: 28.10.2026.

Формат 60×90/8. Тираж 500 экз. Цена свободная.

Почтовый адрес редакции: 420140, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Юлиуса Фучика, д. 94А, а/я 121.

Фактический адрес редакции: 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.

E-mail: info@moluch.ru; <https://moluch.ru/>

Отпечатано в типографии издательства «Молодой ученый», 420029, Республика Татарстан, г. Казань, ул. Академика Кирпичникова, д. 25, пом. 1, 3, 4, 5, 6.